

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ:
ЯЗЫК, РЕЧЬ, ДИСКУРС

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

12 (723)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 12 (723)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

ROMAN LANGUAGES IN THE DISCOURSE WORLD

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 12 (723)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: ЯЗЫК, РЕЧЬ, ДИСКУРС

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
академик РАО, доктор педагогических наук, профессор **И. И. Халеева**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

академик РАО, д-р пед. наук, проф. И. И. Халеева (*председатель*);
академик РАО, д-р психол. наук, проф. Н. Н. Нечаев (*заместитель председателя*);
д-р филол. наук, проф. А. А. Гаджиев (Азербайджан);
канд. пед. наук, доц. Н. П. Баранова (Беларусь);
д-р филол. наук, проф. Г. Р. Гаспарян (Армения); д-р филол. наук, доц. И. А. Гусейнова;
д-р филол. наук, проф. М. С. Имомзода (Таджикистан);
д-р филол. наук, проф. О. К. Ирисханова; д-р истор. наук, проф. А. Я. Касюк;
д-р социол. наук, проф. Г. Ф. Красноженова;
д-р филол. наук, проф. С. С. Кунанбаева (Республика Казахстан);
Ph.D., проф. Ф. Г. Лодейро (Испания); Ph.D., проф. Лю Лиминь (КНР);
Ph.D., проф. Д. С. Маркес (Испания);
д-р филол. наук, проф. А. И. Мусаев (Республика Кыргызстан);
д-р филол. наук, проф. Л. А. Ноздрина; д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова;
д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. Ю. Е. Прохоров;
д-р пед. наук, проф. М. Н. Русецкая; д-р филол. наук, проф. Т. И. Семенова;
д-р филол. наук, проф. Т. С. Сорокина; д-р филос. наук, проф. Ю. А. Сухарев;
д-р филол. наук, проф. А. Н. Тарасова; проф. Х. Ли-Янке (Швейцария);
Ph.D., проф. А. Д. Ченки (Нидерланды); д-р юрид. наук, проф. Н. А. Шулепов;
Ph.D., проф. М. Форстнер (Германия)

Редакционная коллегия Выпуска 12 (723)

канд. филол. наук, проф. З. К. Бурнацева (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кудрявцева (*зам. ответственного редактора*);
д-р филол. наук, проф. Е. В. Горшкова (ЕАЛИ, Иркутск);
канд. филол. наук К. К. Нечаева; канд. филол. наук, проф. Ю. В. Романов;
д-р филол. наук, доц. Л. П. Рыжова (г. Тверь); канд. филол. наук, доц. И. А. Семина;
д-р филол. наук, проф. А. Н. Степанова (Беларусь);
канд. филол. наук, доц. Л. М. Жданова (*ответственный секретарь*)

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU
Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Альварес Солер А. А.</i> Лексическая репрезентация концепта «женщина» как ключевого фрагмента испанской концептосферы.....	9
<i>Архинова А. А.</i> Аналитическая статья по экономике как жанр прогностического дискурса	17
<i>Архинова Ю. А.</i> Роль композиции в выражении точки зрения автора во французском газетном репортаже.....	27
<i>Быкова О. А.</i> Монолог, диалог, полилог: к проблеме разграничения форм организации речевого взаимодействия	36
<i>Долгих З. Б.</i> Особенности градуаторов «mesmo» и «próprio» в современном португальском языке	44
<i>Кадимова Р. Н.</i> Деловой экономический дискурс как особый вид социальной деятельности (на материале французского языка).....	49
<i>Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В.</i> Языковые средства выражения политической корректности во французском политическом дискурсе	60
<i>Кирьянова А. А.</i> Некооперативное речевое взаимодействие как одна из форм коммуникации во французских электронных СМИ.....	75
<i>Кораблёва Н. Ю.</i> Лексические особенности идиолекта литературных персонажей средней возрастной группы.....	86
<i>Корнеева В. А.</i> Прагмалингвистические особенности феномена полифонии во французской прессе.....	91
<i>Кудрявцева Н. Б.</i> Особенности функционирования союза «ог» как коннектора реплик во франкоязычных минимальных диалогах	101

<i>Манухина А. О.</i>	
Соотношение эпической и историографической традиций в авторской оценке в старофранцузской «Песни об Антиохии» XII века.....	116
<i>Мотызлевская Т. В.</i>	
Когнитивный аспект символики цвета во французском художественном тексте (на примере номинаций красного цвета).....	128
<i>Панкина Е. Е.</i>	
Основные фонетические тенденции в современном молодежном жаргоне (на примере пиренейского варианта испанского языка).....	139
<i>Петракова А. С.</i>	
Закономерности мотивационной номинации флоронимов во французском и румынском языках.....	148
<i>Порохницкая Л. В.</i>	
Константность и вариативность сегментов концептуального номинативного базиса как критерий сопоставительного изучения эвфемизмов разных языковых систем.....	159
<i>Пылакина В. В.</i>	
Заемствование как один из путей обогащения лексики французского языка.....	165
<i>Смирнова И. Б.</i>	
Концепция «Fin amor» в цикле о пари. Изучение манер и форм обращения между главными героями. Флористические сеньяли	173
<i>Смирнова Г. В.</i>	
Выражение гендера во фразеологизмах французского и русского языков	197
<i>Солнцев Е. М.</i>	
Транскрипция и транслитерация в контексте русско-французского межъязыкового диалога	205
<i>Таривердиева М. А.</i>	
Протороманский дискурс: динамика развития и методы изучения	213
<i>Толмачева М. В.</i>	
Аргументация как медиадискурсивная стратегия в информационно-аналитических программах французского телевидения	219

CONTENTS

<i>Alvares Soler A. A.</i> Some Aspects of the Lexical Representation of the Concept “Woman” as a Basic Fragment in the Modern Spanish Conceptosphere.....	9
<i>Arkhipova A. A.</i> Analytical Economic Article as a Genre of Prognostic Discourse.....	17
<i>Arkhipova Y. A.</i> The Role of Composition in the Expression of the Author’s Viewpoint in French Report.....	27
<i>Bykova O. A.</i> Monologue, Dialogue, Polylogue: to the Problem of Differentiation of Organization Forms of Verbal Interaction	36
<i>Dolgikh Z. B.</i> “Mesmo” and “Próprio” Graduality Indicators’ Particular Features in the Contemporary Portuguese Language.	44
<i>Kadimova R. N.</i> Business Economic Discourse as a Special Type of Social Activity (Based on the French Language Material)	49
<i>Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V.</i> Language Means of Expression of Political Correctness in French Political Discourse	60
<i>Kiryanova A. A.</i> Non-cooperative Interaction as One of the Communication Forms in the Electronic French Media	75
<i>Korableva N. U.</i> Lexical Aspects of Idiolect of Middle-Aged Literary Characters.....	86
<i>Korneeva V. A.</i> Pragmalinguistic Peculiarities of the Phenomenon of Polyphony in the French Press	91
<i>Kudryavtseva N. B.</i> The Functioning of the French Conjunction «or» as Connector of Moves in Adjacent Pairs	101

<i>Manuhina A. O.</i>	
The Correlation of the Epic and the Historiographic Traditions in the Author’s Evaluation in the Old French “Song of Antioch” of the XII Century	116
<i>Motyzlevskaya T. V.</i>	
Cognitive Aspect of Color Symbolism in French Literary Text (Red Color Nominations).....	128
<i>Pankina E. E.</i>	
Basic Phonetic Changes in the Latest Youth Slang (Based on Castilian Spanish)	139
<i>Petrakova A. S.</i>	
Regularities of Motivated Nominations of Floronyms in French and Romanian Languages	148
<i>Porokhnitskaya L. V.</i>	
Constancy and Variability within the Structure of the Conceptual Nominative Basis as the Criterion of Comparative Study of Euphemisms.....	159
<i>Pylakina V. V.</i>	
Loanwords Adoption as Way of French Vocabulary Enrichment	165
<i>Smirnova I. B.</i>	
The Concept “Fin Amor” in Series on Bet. The Study of Manners and Forms of Address between the Protagonists. Floral Signals	173
<i>Smirnova G. V.</i>	
The Expression of Gender in French and Russian Phraseological Units....	197
<i>Solntsev E. M.</i>	
Transcription and Transliteration in Russian-French Interlingual Dialogue	205
<i>Tariverdieva M. A.</i>	
Protoroman Discourse: Dynamics of Development and Methods of Study	213
<i>Tolmacheva M. V.</i>	
Argumentation as a Media Discourse Strategy in Info-Analytical TV Programs	219

УДК 81.373

А. А. Альварес Солер

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой
испанского языка переводческого факультета МГЛУ
e-mail: anna.alvaressoler@gmail.com

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА»
КАК КЛЮЧЕВОГО ФРАГМЕНТА ИСПАНСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ**

В статье рассматриваются особенности лексической репрезентации эстетических качеств женщины. Концепт «женщина» передает отношение общества к женщине, выполняющей определенные роли в обществе, подчеркивая тем самым прескриптивность ее аксиологического идеала. Нормативность, отраженная в концепте, фиксирует соответствие норме и отклонение от эстетических норм в виде семантических единиц с оценочным компонентом.

Ключевые слова: когнитология; ментальность; семиотическая система; национальная культура; женщина; словосочетаемость; эстетические оценки.

Alvares Soler A. A.

Candidate of Philology (Ph.D.),
Head of the Spanish Language Department,
Faculty of Translation and Interpretation, MSLU
e-mail: anna.alvaressoler@gmail.com

**SOME ASPECTS OF THE LEXICAL REPRESENTATION
OF THE CONCEPT “WOMAN” AS A BASIC FRAGMENT
IN THE MODERN SPANISH CONCEPTOSPHERE**

The article contains insights into some aspects of the lexical representation of the concept “woman” in Spanish. It introduces the analysis of the concept’s structure and the collocability of the words representing the concept “woman”. The article deals with some cultural aspects of negative aesthetic evaluations. Evaluative semantics of Spanish represented by negative aesthetic evaluations is explored against the Russian language background.

Key words: cognitology; mentality; semiotical system; national culture; female; collocability; aesthetic evaluations.

Концептосфера представляет собой упорядоченную совокупность концептов, которые связаны с универсальным набором лексикализованных оценок. Вместе с тем языковое сознание связывает эти оценки с рядом концептов, имеющих определенные и легко представляемые прототипы. К таким концептам, ставшим наглядными носителями закрепленных за ними гуманизированных оценок

(эстетических и этических), а также психологических и рационалистических, относится концепт «женщина».

Гетерогенный концепт «женщина» обладает в испанском языке ярким национальным колоритом и богатой палитрой коннотаций, а также является ментальным ядром испанской нации. Под гетерогенным свойством имеются в виду поливербальные способы репрезентации данного концепта, имплицитирующие разнородные значения, включая оценочные. Помимо номинативной функции вербальные репрезентанты этого концепта выполняют характеризующую функцию, предполагающую использование метафорических, переносных значений.

Лингвисты, занимающиеся проблемами структуры концепта, имеют различные подходы к решению данного вопроса, но все они сходятся в одном: в состав концепта входят «образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах» [8, с. 21–22]. Мы придерживаемся концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые выделяют три базовых структурных компонента в концепте – образ, информационное содержание и интерпретационное поле [8].

Структура доминантных признаков укладывается в ядерно-периферийную модель, в центре которой находится основное, стержневое значение, образующее определенный чувственный образ. Чувственный образ в структуре концепта образован:

- «1) перцептивными когнитивными признаками, формирующимися в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств (перцептивный образ);
- 2) образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления... Этот образ можно назвать метафорическим или когнитивным (поскольку подобная метафора называется когнитивной)» [8, с. 14–15].

В структуре концепта «женщина» целесообразно выделить ряд ярких перцептивных образов, связанных с эстетическими, этическими, рационалистическими и другими оценками: молодая, деловая, болтливая, слабая и т. д. Испанское когнитивное сознание приписывает концепту «женщина» признаки, обусловленные социальным статусом: жена, спутница мужчины, сексуальный партнер, мать и т. д.

Ядро, или информационное содержание, концепта «женщина» акцентирует наиболее существенные черты представительницы женского пола, отличающие ее от мужчины. Ядерные признаки легко выделяются при анализе словарных дефиниций лексического значения *mujer* (женщина). Известно, что ядерные признаки универсальны, так как связаны с константным семантическим компонентом, неизменным во все времена. При анализе семантической структуры исследуемого концепта можно выделить обобщающие семантические признаки, на которые указывают большинство словарей, содержащих вербальные репрезентанты концепта, что свидетельствует об их первостепенной важности для раскрытия семантического объема лексической единицы «женщина»:

- 1) биологический пол (женский);
- 2) половая зрелость;
- 3) возраст (для противопоставления, например, понятию «девочка»);
- 4) семейное положение (замужняя).

Данные признаки присутствуют во всех словарных дефинициях, что говорит об их константном характере и доказывает их приоритетность. Выделенные признаки являются ценностными культурными ориентирами, которые в обозначении лиц женского пола способствуют индивидуализации денотата. Признак «семейное положение» обозначает социальный статус женщины и указывает на ее роль в семье и обществе. На наш взгляд, присутствие данного признака в составе ядерных является одной из культурных особенностей испанского менталитета, связанных с представлениями о женщине.

Вокруг ядра концепта «женщина» послойно располагаются семантические признаки, составляющие периферийную зону, или интерпретационное поле. Периферийные концептуальные признаки характеризуются своей относительной многочисленностью и указывают на следующие значения:

- 1) кровное и юридическое родство (*madre* – мать, *abuela* – бабушка, *hija* – дочь);
- 2) семейное положение (*viuda* – вдова);
- 3) межличностные отношения (*querida* – любимая);
- 4) социальную принадлежность (*reina* – королева, *duquesa* – герцогиня);
- 5) национальную и этническую принадлежность (*francesa* – француженка, *italiana* – итальянка);

- 6) профессию или род занятий (*monja* – монашенка);
- 7) сексуальную ориентацию (*lesbiana* – лесбиянка);
- 8) внешность женщины (*encantadora* – привлекательная);
- 9) психологические особенности (*débil* – морально слабая (слабая по характеру), *caprichosa* – капризная);
- 10) ментальные способности (*lista* – умная);
- 11) уровень образования (*sabia* – умная, образованная);
- 12) внутренний мир (*pudorosa* – целомудренная, *honrada* – честная, *valiente* – храбрая).

З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые передают основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его, и выделяют шесть зон – оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную и паремиологическую [8]. В состав оценочной зоны входят когнитивные признаки, выражающие оценки. Энциклопедическая зона представлена такими признаками, знание которых требует знакомства с денотатом концепта. Утилитарная зона концепта включает утилитарные оценки (*bello sexo, sexo débil*). Регулятивная зона концепта «женщина» отражает предписания: каким должно быть отношение к женщине. Когнитивные признаки, наиболее ярко подчеркивающие связь концепта с самобытной культурой, составляют социально-культурную зону (*la Celestina* – старая сводня). Паремиологическая зона сформирована из пословиц, поговорок и афоризмов.

В оценочной зоне концепта «женщина» выделяются такие доминантные признаки, как «внешний облик» и «внутренний мир». Количественное превосходство этих признаков, представляющих информацию об эстетических и нравственных качествах женщины, а также апеллирующих прежде всего к таким группам оценок, как эстетические и этические в двух их разновидностях: «положительная оценка» и «отрицательная оценка», позволяет выделить в рамках концепта «женщина» четыре микроконцепта: «красивая женщина», «некрасивая женщина», «нравственная женщина», «безнравственная женщина». В нашей статье мы особое внимание уделяем микроконцептам «красивая женщина» и «некрасивая женщина».

Микроконцепт «красивая женщина» обладает рядом семантических признаков, способствующих раскрытию соответствующих

эстетических качеств лица. Приоритетной при оценке внешнего облика женщины является познавательная информация, относящаяся к таким особенностям внешности, как лицо, фигура, походка, одежда, при этом их описанию свойственна детализация. Для испанской лингвокультуры характерно позитивное отношение к конкретным особенностям глаз, волос, кожи:

ojinegra, ojipreta, ojos de carbón – черноглазая
ojos de esmeralda – зеленоглазая
pelinegra, de rizos negros – черноволосая
carriredonda – круглолицая
de cabellos dorados, de rizos de oro – златокудрая
pelirrubia – блондинка

При оценке фигуры учитываются такие параметрические данные, как рост, объем, пропорциональность, особенности телосложения. В испанской лингвокультуре выделяются также округлость форм женщины: *atractiva, retrechera, gachona, petuda, chichilasa, guaptona*. В данных семантических единицах присутствует иронический смысловой оттенок, что свидетельствует о том, что положительной оценочной квалификации свойственны ироничные смыслы и пренебрежительные оттенки.

Женская красота в семантике репрезентантов концепта нередко связывается с легкостью и грациозностью походки, соотносимой с молодостью: *gacela (газель), sílfide (сильфиды – в средневековом фольклоре женская особь духов воздуха, состоящая в родстве с феями и нимфами),* а также с плавностью и вальяжностью, которые ассоциируются с представлениями о внутреннем достоинстве, знатном происхождении: *señora, gran señora, señorona*. Основаниями оценки женской красоты может служить психологическое воздействие, которое она оказывает на мужчин: женщина должна быть сексуально привлекательной, непредсказуемой, волнующей и даже опасной. Для оценочной характеристики женщины-вампи используется зооморфная лексика: *leona, tigresa*; гастрономическая лексика: *bombón, caramelo, bollicao, yogur, estar como un queso (está para partirla como un queso – иметь красавое тело, быть притягательной)*; лексика, связанная с обозначением фантастических существ: *vampi, vampiresa*. В испанской лингвокультуре женщина привлекает всеобщие взгляды, вызывает зависть у своих соперниц. При этом она не должна быть излишне худой: *mujerona*.

О дородной женщине принято говорить: *tiene buenas carnes*. Женщина привлекательна с точки зрения мужчины, если она *tiene buena delantera*, *tiene jamones apetitosos*, т. е. обладает аппетитными бедрами, *tiene buen culamen*. Лексема *mujer objeto* используется для обозначения женщины, которая спешит избавиться от образа биологического существа, созданного исключительно для деторождения и доставления удовольствия мужчине (*mujer objeto – la que se considera únicamente un objeto productor de placer: quiere hacer algo importante y dejar de ser una mujer objeto* [13]). Для характеристики яркой, соблазнительной, красивой женщины используется фразеологизм *real hembra*.

Стандартное представление о непривлекательной женщине конретизируется в следующих содержательных направлениях:

- а) отсутствие необходимых форм, бесформенность;
- б) непропорциональность, нарушение стандартных пропорций;
- в) искажение, проявление уродства;
- г) грубость, неизысканность;
- д) отвращение, вызванное грязью, нищетой, убожеством;
- е) отвращение, вызванное неприятием;
- ж) непривлекательность, заурядность.

В испанской лингвокультуре некрасивая женщина ассоциируется с домашним скотом, а также с некоторыми видами бобовых культур (*vaca*, *vacaburra* – слияние слов *корова* и *ослица* – *толстуха*; *gata parida* – *драная кошка* – *тощая и изнуренная* [12]; *bodrio*, *callo* – *уродина*; *mi madre estaba gorda como una vaca, dejó de comer pan y se quedó hecha un fideo*; *Pues mi novio, que estudiaba un master y algo sabrá, me dijo que son caderas de yegua de raza, para que se entere. – Pues son de vaca y de burra. Luego de vacaburra; Yo no sé quién será más miserable, si esa foca sucia y enlutada o esta partida de gagnapiros*).

Следует подчеркнуть, что такие внешние свойства, как тяжеловесность, грузность, а также черты характера – склонность к склокам, сопряжены с представлениями о дурном нраве, старости, низком социальном положении: *zaragatera* – *крикливая, шумная*; *camorrista* – *вздорная баба, сварливая*; *mujerona* – *бабушка*; *hembra* – *баба* и т. д. Как видим, эмоциональная (оценочная) составляющая сочетается с социальной.

Испанское лингвокультурное общество осуждает женщину, телосложение которой не соответствует норме (*escurrida* – *чрезмерно худая*; *jamona* – *тучная женщина не первой молодости, кубышка, кадушка*,

тумба; pandorga – туша, тумба, корова), т. е. женщину, обладающую излишним весом, а также грубую, неряшливую, лишенную нежности, женственности. Национально-культурная обусловленность оценочного отношения к лицам женского пола нашла свое статистическое отражение в оценочных номинациях лиц женского пола, насчитывающих около восьмидесяти единиц.

Подводя итог осмыслению концепта «женщина» как фрагмента испаноевропейской концептосферы, отметим, что привлекательный образ женщины для испанского общества имеет прескриптивное содержание. Так, она должна обладать красивым лицом, хорошим телосложением. Такое наблюдение позволяет выявить следующую семантическую особенность: отрицательные эстетические оценки женщины имеют культурно обусловленные связи с отрицательными рационалистическими, гедонистическими и эмоциональными оценками. Данный факт свидетельствует о присущей испанской культуре ориентации на женский идеал, предполагающий комплексное единство его ценностных характеристик и регулятивных установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А. А. Язык и мышление: Мировая загадка. – М. : ЛКИ, 2007. – 240 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Испанско-русский словарь. Латинская Америка / под ред. Н. М. Фирсовой. – М. : Наука, 1998. – 606 с.
4. Мед Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи). – СПб. : СПб. гос. ун-т, 2007. – 235 с.
5. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Академия ИЦ, 2008. – 426 с.
6. Петров М. К. Язык, знак, культура / вступ. ст. С. С. Неретиной. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
7. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: этические и эстетические оценки. – М. : ИКАР, 1997. – 320 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: учебное письмо. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 176 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.

10. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. – Т. 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 7–10.
11. Martín Sánchez M. Diccionario del español coloquial. – Madrid : Tellus, 1997. – 820 p.
12. Moliner M. Diccionario de uso del español. – GREDOS, 1998. – 3116 p.
13. Real Academia Española Diccionario de la lengua española. – Espasa-Calpe S.A., 2005. – 842 p.

УДК 81'271

А. А. Архипова

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка МГЛУ
e-mail: kuroi_tsuki@mail.ru

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ ПО ЭКОНОМИКЕ КАК ЖАНР ПРОГНОСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Автор рассматривает жанр аналитической статьи как тип прогностического дискурса. Определяются две ее разновидности – газетная и научная прогностическая статья. Дается характеристика их общих особенностей и их различий.

Ключевые слова: аналитическая статья; прогностический дискурс; прогноз; композиция статьи; стратегии.

Arkhipova A. A.

Postgraduate Student, Chair of French Lexicology and Stylistics,
Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: kuroi_tsuki@mail.ru

ANALYTICAL ECONOMIC ARTICLE AS A GENRE OF PROGNOSTIC DISCOURSE

Analytical article is examined in this article as a genre of prognostic discourse. It identifies two kinds of articles – a newspaper and a scientific prognostic article. The characteristic of their common aspects as well as their differences are given.

Key words: analytical article; prognostic discourse; forecast; article composition; strategies.

Из всего многообразия жанров прогностического дискурса, мы выбираем жанр аналитической статьи по экономике. Наш интерес к этому жанру обусловлен, как минимум, тремя причинами, составляющими актуальность данного исследования. Прежде всего, экономика представляет собой важнейшую сферу человеческой деятельности. В последнее десятилетие именно экономика подверглась наиболее коренной перестройке. Экономика – это та область знаний о современном мире, где особенно отчетливо проявляются базовые интересы социума и этноса, где заметны изменения в общественном сознании, ментальности носителя языка, где имеет место активная языковая динамика. Кроме того, жанр аналитической статьи по экономике является обозримым, более удобным для дискурсивного анализа по сравнению с более объемными трудами в данной области,

например с монографией. И, наконец, аналитическая статья еще не была изучена как жанр прогностического дискурса. Отметим, что мы рассматриваем аналитическую статью как часть прогностического дискурса в случае, если она содержит прогноз на будущее.

Аналитические прогностические статьи имеют несколько разновидностей. С одной стороны, это аналитическая статья (в нашем случае на экономическую тему) является одним из жанров газетного дискурса и существует в дискурсивном пространстве наряду с проблемной статьей, комментарием, хроникальной заметкой, репортажем и т. д. С другой стороны, аналитические статьи по экономике являются составной частью специализированных экономических изданий, например «Option Finance (La référence des professionnels de la finance)»¹.

Таким образом, одни прогностические аналитические статьи ориентированы на «непринужденное», «беллетризованное» изложение, другие – на научный стиль изложения.

Цель нашей статьи состоит в рассмотрении основных особенностей обоих типов аналитических прогностических статей.

Оба анализируемых типа аналитических прогностических статей имеют ряд общих характеристик. Прежде всего это касается их композиции. В структуре данных статей мы выделяем две композиционные составляющие, или две части, каждая из которых выполняет свою особую функцию в рамках изучаемого нами жанра прогностического дискурса. В соответствии с осуществляемыми функциями, первая часть таких статей названа нами *аналитической*, а вторая – *прогностической*.

Аналитическая часть представляет собой некое исследование, проводимое на основе исходной информации с использованием определенного метода. Ее целевая направленность заключается во всестороннем анализе достаточно репрезентативных фактов, выводящем на решение научной задачи. Аналитическая часть отличается обстоятельностью разработки темы; в ней присутствуют оценки взаимосвязей, взаимозависимости и значимости фактов, аргументированные доказательства и обоснования, теоретические обобщения, логические выводы и практические рекомендации. Эта часть строится на основе широкого применения рассуждений и умозаключений, опирающихся на фактический материал. Рассуждения могут быть результатом и мыслительного процесса, когда из одного или нескольких высказываний выводится

---

¹ <http://www.optionfinance.fr/accueil.html>

другое. Рассуждения строятся на имплицативной связи реальных высказываний, отношениях, которые закрепляют союзом *если, то* [4].

Первая аналитическая часть является по сути подготовительной по отношению ко второй, прогностической, гораздо меньшей по объему, но наиболее важной для статьи, рассматриваемой нами как жанр прогностического дискурса. Аналитическая часть содержит анализ тех фактов и событий (экономических, политических, социологических, научных, спортивных, образовательных и др.), который позволяет сделать прогноз во второй части. Ее задача непосредственно подвести к прогнозу. С композиционной точки зрения на данную часть приходится наибольшая часть текста статьи. Это объясняется необходимостью подготовить такой прогноз, который отвечал бы всем предъявляемым к нему требованиям, был бы полезен, своевременен, осуществим, достоверен, точен [3]. Это возможно лишь при детальном анализе необходимых фактов.

Вторая часть аналитической статьи – прогноз – является результатом анализа, подготовленного в первой части и составляет основную цель статьи. Эта часть, как правило, играет роль концовки или заключения и содержит некий логико-оценочный вывод, сделанный на основании предыдущего анализа.

Композиция статьи, как правило, определяется тем, какой способ исследования выберет автор. Пойдет ли он путем дедуктивного умозаключения (от общего к частному) или индуктивного (от частного к общему). В первом случае, рассуждения будут предшествовать фактам, во втором – наоборот. Таким образом, композиция статей, где анализ предшествует обобщению, основывается скорее на индуктивном характере умозаключения.

Кроме композиции, общим для обоих типов статей является также перечень стратегий. На уровне стратегий, выделяемых нами в первой, аналитической части газетной статьи по экономике, следует говорить о наличии в первую очередь таких стратегий, как информационная, оценочная, аргументативная, экспликативная [1]:

– информационная стратегия связана с предоставлением информации по тем или иным событиям. В силу этого информация, представленная в аналитических материалах СМИ прежде всего передает взаимосвязи реальности, являющиеся основой аналитического текста. При этом создается модель актуальной действительности,

своеобразная «модель мира». Однако автор аналитической статьи предлагает получателю информации не только готовую модель мира как результат познания, но и показывает, раскрывает ход процесса познания, тем самым приобщает аудиторию к формированию предлагаемой модели мира, т. е. аналитическим текстам СМИ присущ рефлексивный характер;

– оценочная стратегия связана с принятием / непринятием той или иной информации автором, т. е. обеспечивает внутреннее его согласие / несогласие с изображаемой им моделью мира [5];

– аргументативная стратегия представляет собой стратегию выбора эффективных аргументов, которые преподносятся читателю в определенном порядке. Автор газетного дискурса пытается достигнуть своих целей посредством аргументации, чтобы заставить читателя понять или поверить в то, что автор пытается защитить или опровергнуть. Чаще всего стратегия аргументации имеет развернутый характер;

– экспликативная (объяснительная) стратегия связана с объяснением каких-либо фактов, явлений действительности [1].

Перечисленные выше первостепенные для прогностического дискурса стратегии могут сопровождаться чаще всего такими второстепенными стратегиями, как стратегия рекомендации, с помощью которой автор предлагает свои пути решения каких-либо проблем; стратегия предупреждения, направленная на предупреждение о надвигающейся опасности; стратегия критики, позволяющая автору критиковать неэффективные способы достижения цели и выступать против ложных установок и др.

Однако обе разновидности аналитических прогностических статей – газетная статья и статья из специализированных журналов по экономике – имеют не только общие характеристики, но и различия, которые связаны прежде всего с характером их адресанта и адресата.

Так, адресантом аналитико-прогностических статей из специализированных научных журналов по экономике является специалист в экономико-финансовой сфере, а адресатом – люди, обладающие специальными знаниями в этой отрасли. Требования подготовленности адресата к восприятию специализированной экономической информации приводит к ряду языковых особенностей данных статей по сравнению с газетными аналитическими статьями. Это употребление в статьях большого количества:

1) терминов:

les marchés européens; sa future politique monétaire; la crise monétaire; la chute des cours du pétrole; les investisseurs; limitant sa hausse à 3,23% à 4 241,65 points; l'hécatombe; le secteur des services pétroliers; la Bourse; la baisse des commandes des compagnies pétrolières; la chute du pétrole; le groupe table d'environ 700 millions de dollars; être potentiellement en forte baisse; l'acquisition des activités informatiques; acteurs mondiaux du secteur; afficher un chiffre d'affaires pro forma de 11 milliards d'euros; déboursier 1,05 milliard de dollars; enregistrer le repli plus marqué de l'indice SBF 120; la prévision d'excédent brut d'exploitation annuel [9];

2) аббревиатур и названий различных организаций, вовлеченных в описываемый экономический процесс:

AOF; CAC 40; le Footsie Eurotop 100; un Ebitda; SBF 120; l'Insee [9]; Atos; Air France-KLM; CGG; Xerox ITO; Kepler Cheuvreux; Lufthansa; Petroleum Geo-Services (PGS)[9];

3) слов-заимствований из других языков:

pro forma (Il affichera un chiffre d'affaires pro forma de 11 milliards d'euros); à *contrario* (*A contrario*, Air France-KLM (-8,08% à 7,632) a enregistré le repli plus marqué de l'indice SBF 120) [9];

4) имен крупных специалистов финансово-экономической сферы:

Janet Yellen – est une économiste et professeur émérite américaine. Le 31 janvier 2014, elle succède à Ben Bernanke comme présidente du Conseil des gouverneurs de la Réserve fédérale des États-Unis;

Thierry Breton – est un dirigeant d'entreprise, administrateur de sociétés et homme politique français [9];

5) цифр, указывающих на:

– проценты:

CAC 40 a cédé 0,18 %

– пункты:

gagné 0,37% à 2 748,46 points; limitant sa hausse à 3,23% à 4 241,65 points; 94 points; etc.

– объем валют:

L'action du rival a perdu 3,70% à 41,70 couronnes norvégiennes; 50 millions de dollars; attendu entre 1,5 et 1,6 milliard d'euros; contre 1,5 à 1,8 milliard annoncé en octobre et 2,5 milliards d'euros; etc. [9].

В тексте наблюдается высокая насыщенность цифровыми данными. Кроме того, в тексте употребляется, как правило, нейтральная лексика, лишенная эмоциональной окраски.

Для научных статей характерен телеграфный стиль заголовка. Часто заголовок содержит главную мысль описываемого в статье экономического события, например:

ALCATEL-LUCENT gagne plus de 7 % sur la semaine grâce aux rumeurs d'un rapprochement avec NOKIA [8].

Несмотря на общую композицию с газетными аналитико-прогностическими статьями, научные статьи имеют свою специфику, которая проявляется в репрезентации стратегий: в ряде случаев, в качестве средств их репрезентации могут выступать графики, таблицы, диаграммы, схемы.

Так, в статье «Le trouble du Rouble» на графике 1 представлены изменения курсов валют в процентах до 31.12.2013 (*Graphique 1, Evolution du taux de change en pourcentage de celui du 31/12/2013*) [7]. Вертикальная ось содержит процентную характеристику, горизонтальная – даты и кварталы.

Графическое изображение наглядно показывает изменение курсов валют поквартально в 2013 г. В этом графике не дается вербальная оценка соответствующих финансовых изменений, однако цифровое изображение фрагмента финансовой ситуации на графике позволяет адресату самостоятельно и с большой степенью объективности произвести ее оценку.

Аналогичные функции могут выполнять представленные в статьях таблицы. Так, в таблице 1 (*Tableau 1, Evolution des parités par rapport à celle du 31 décembre 2013*) в статье «Le trouble du Rouble» [7] иллюстрируется эволюция валютного паритета рубля по отношению к доллару, которая на 29.01.2014 составляла 106 %; однако к концу года – это соотношение изменилось до 140,7 %. Информационная стратегия выражается здесь с помощью цифр. При этом таблица не только представляет информацию о соотношении рубля к различным типам валют, приходящиеся на различные периоды 2014 г. Этим данным достаточно для того, чтобы на их основе специалист смог сделать важнейшие выводы об экономической ситуации, дав им оценку (оценочная стратегия); объяснить ситуацию в ее развитии (эксplikативная стратегия); аргументировать некоторые факты (аргументативная стратегия).

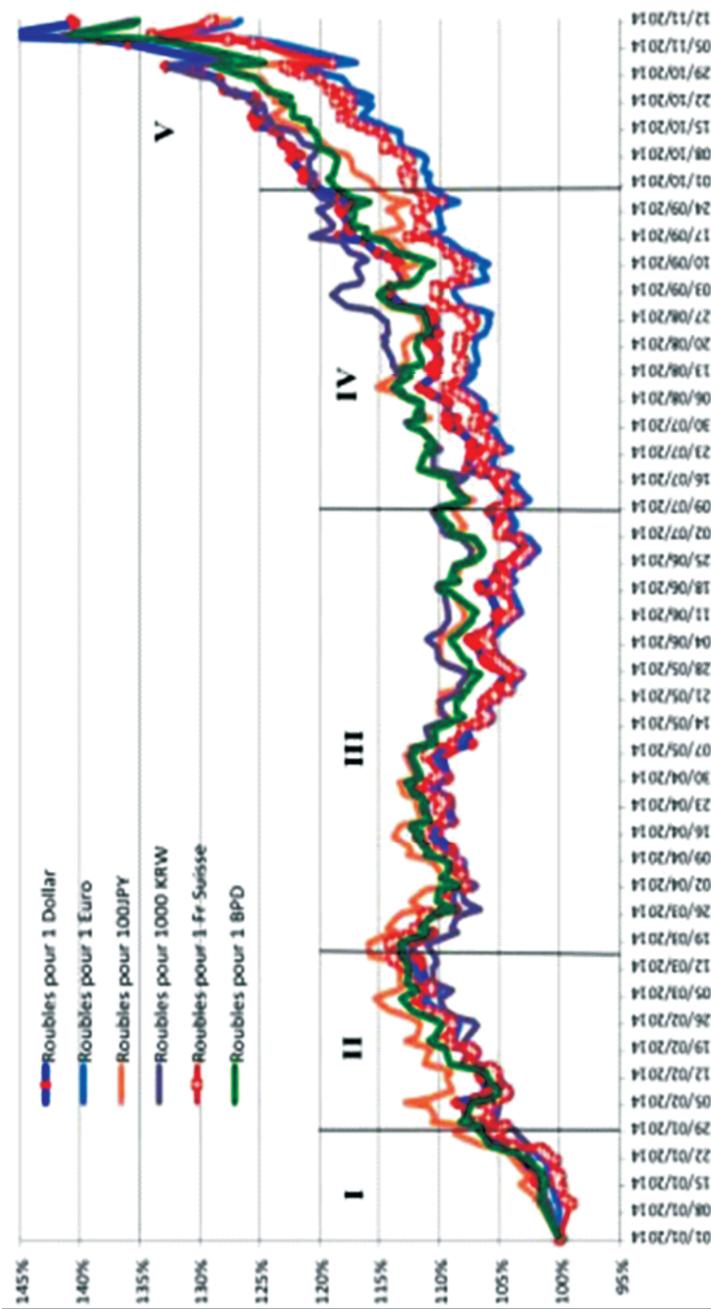

График 1

В отличие от специализированных экономических статей, газетная аналитико-прогностическая статья имеет автора, который, по словам С. В. Бекетовой, апеллирует не только к разуму, но и к чувствам человека. Автор такой статьи реализует собственную интенцию на уровне речевой стратегии. Он пытается максимально эффективно и со своей точки зрения реализовать авторские намерения. Ориентируясь на ожидания адресата, автор подсказывает читателю ход познания при создании модели мира, он акцентирует ту информацию, которая окажется значимой для правильной интерпретации, осуществляет подбор материала таким образом, чтобы сблизить не только готовые результирующие представления его и читателя, но и прогнозировать сближение их интенциональных состояний [2]. В качестве адресата газетной статьи выступает не специалист, а любой носитель языка. Газетная статья обращена к широкой аудитории, которая неоднородна по целому ряду признаков – национальному, политическому, социальному и др.

Данные дискурсивные особенности приводят к особенностям лингвистическим. Так, в газетной статье «La fuite en avant de la zone euro», как и в предыдущей, также присутствует экономическая терминология, которая, однако, представлена в более ограниченном количестве:

les marchés financiers; le net recul; la zone euro; la politique monétaire; la hausse des marchés financiers; un programme de rachats de dettes souveraines; des investisseurs; l'offre de crédit; la demande de crédit; des agents économiques; la reprise économique; l'inflation; le risque de déflation; au désancrage des anticipations d'inflation; la chute des prix du baril de pétrole; la baisse des prix de l'énergie; les investissements [6].

Цифровые данные, связанные с указанием на проценты и т. д. представлены, по сравнению с научными экономическими статьями, гораздо более скромно. Они иллюстрируют, как правило, один-два примера в тексте. Например, при указании на падение цен за баррель на 30 % (*Ce risque n'est pas à minimiser mais il est essentiellement lié à la chute de près de 30 % depuis mi-juin des prix du baril de pétrole*), также на положение дел на валютном рынке (*Le plan de relance de 315 milliards d'euros*), на размеры валюты (*des billets de 500 euros*) [6].

Ссылки на официальные лица финансово-экономической сферы имеют место, но также малочисленны и часто сопровождаются

соответствующими пояснениями. Так в статье «La fuite en avant de la zone euro» присутствует лишь две ссылки:

Jean-Claude Juncker, président de la Commission européenne depuis novembre 2014 et pour une durée de cinq ans;

Mario Draghi, président de la Banque centrale européenne (BCE) depuis le 1er novembre 2011 [6].

Также немногочисленны аббревиатуры некоторых важнейших международных организаций, относящихся к данной сфере деятельности. Как правило наиболее известные из них, например, *BCE*, *OPEP*, а также названия различных организаций, вовлеченных в описываемый процесс, например *l'Union Monétaire*.

В отличие от нейтрального стиля научной аналитико-прогностической статьи, текст газетной статьи эмоционально окрашен. В составе средств, содержащих эмоциональную окраску, выступает оценочная лексика:

- прилагательные:

Les *mauvaises* nouvelles s'accumulent pour les marchés financiers [6].;

- наречие:

... le chiffre de l'inflation pour l'Union Monétaire va confirmer le risque de déflation et conduire *inexorablement* au désancrage des anticipations d'inflation [6].

Среди других средств выражения экспрессии широко используется метафора:

Il devrait d'ailleurs le réaffirmer ... sans même évoquer *les nombreux écueils techniques et politiques* qu'un tel programme pourrait soulever.

Pour assombrir un peu plus le tableau, il semble faire consensus sur le marché que le chiffre de l'inflation pour l'Union Monétaire va confirmer le risque de déflation.

Bref, *une nouvelle épine dans le pied* de la BCE.

Il apparaît ... que des rachats de dettes souveraines ne vont pas *changer fondamentalement la donne*.

Au contraire, ils pourraient faire courir des risques élevés à la stabilité financière de la zone en alimentant les phénomènes de *bulle spéculative*.

Les Etats doivent donc *prendre le relais*, accepter temporairement la vertu bénéfique de la dépense publique mais en l'orientant vers les investissements... [6].

Таким образом, обе разновидности аналитических прогностических статей характеризуются определенными дискурсивными и лингвистическими особенностями в зависимости от их принадлежности к газетному или научному стилю. Имея одинаковую композицию и дискурсивные стратегии, данные статьи различаются в количественном и качественном использовании терминов, статистических данных, имен известных деятелей, названий международных организаций; нейтральностью / аффективностью, объективностью / субъективностью своего стиля; наличием графических способов репрезентации дискурсивных стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова А. А.* Коммуникативно-прагматические особенности прогностического дискурса (на материале французских статей по экономике) // Романские языки в дискурсивном пространстве. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 9–18. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10 (696), сер. «Языкознание»).
2. *Бекетова С. В.* Специфика газетного дискурса // Университетские чтения – 2010. – Пятигорск : ПГЛУ, 2010. – С. 97–100.
3. *Константиновская Л. В.* Требования и критерии в выборе прогноза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.astronom2000.info/прогнозирование/tixvp/>
4. *Соловьев В. И., Рябинина Н. З.* Редакторская подготовка периодических изданий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/RedPodgotPeriodIzd/rper-izd011.htm>
5. *Шерковин Ю. А.* Пропаганда: социально-психологический аспект // Методологические проблемы социальной психологии. – М. : Наука, 1975. – С. 183–195.
6. *Dembik Ch.* La fuite en avant de la zone euro // Les Experts. – 2014. – URL : <http://www.economiamatin.fr/news-craintes-inflation-zone-euro-reliance-dembik>
7. *Sapir J.* Le trouble du Rouble – Le carnet de Jacques Sapir sur la Russie et sur l'Europe, 2014. – URL : <http://russeurope.hypotheses.org/3018>.
8. ALCATEL-LUCENT gagne plus de 7 % sur la semaine grâce aux rumeurs d'un rapprochement avec NOKIA // Option Finance. – 2014. – URL : <http://www.optionfinance.fr/actualites/bourse/detail/alcatel-lucent-gagne-plus-de-7-sur-la-semaine-grace-aux-rumeurs-dun-rapprochement-avec-nokia.html>
9. AOF France / Europe – Léger repli du CAC 40 pour finir la semaine // Option Finance. – 2014. – URL : <http://www.optionfinance.fr/actualites/bourse/detail/analyse-cloture-aof-france-europe-leger-repli-du-cac-40-pour-finir-la-semaine.html>

УДК 81'271

Ю. А. Архипова

аспирант кафедры грамматики и истории французского языка
факультета французского языка МГЛУ
e-mail: mrs.shadow@mail.ru

РОЛЬ КОМПОЗИЦИИ В ВЫРАЖЕНИИ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АВТОРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ГАЗЕТНОМ РЕПОРТАЖЕ

В статье рассматривается соотношение точки зрения автора и композиции французского газетного репортажа. На основании анализа композиционно-речевых форм (повествования, описания и рассуждения), их сочетаний, а также лингвостилистических средств, используемых в репортаже, – зачине, основной части и концовке – выводится определенная зависимость между его композиционными особенностями и точкой зрения автора.

Ключевые слова: композиция; точка зрения; репортаж; композиционно-речевые формы; время.

Arkhipova Y. A.

Postgraduate Student, Chair of French Lexicology and Stylistics,
Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: mrs.shadow@mail.ru

THE ROLE OF COMPOSITION IN THE EXPRESSION OF THE AUTHOR'S VIEWPOINT IN FRENCH REPORT

The article is devoted to the study of the relation between the author's viewpoint and composition of French reports. According to the detailed analysis of compositional forms (narration, description, argumentation) and their combination as well as linguo-stylistic means used in different parts of french report – in the beginning, in the main part and in the end, it is stressed that there is a specific relation between on the one hand – different compositional forms and tenses, and on the other hand – the author's viewpoint.

Key words: composition; viewpoint; report; compositional forms; tense.

В статье на примере французского газетного репортажа анализируется роль композиции в выражении авторской точки зрения. К композиционному строению текста мы относим:

- три компонента композиционной структуры репортажа в виде зачина, основной части и концовки;
- композиционно-речевые формы, используемые в каждом из этих компонентов;
- план, по которому строятся тексты этого жанра [3].

Цель газетного репортажа состоит в том, чтобы рассказать читателю о некотором медийном событии. Иначе говоря, репортаж – жанр повествовательный. Сам процесс его создания относится к творческой деятельности, особенность которой состоит в том, что «наглядное представление о событии» дается «через непосредственное восприятие автора – очевидца или участника» [2, с. 170]. Оценка ситуации, выделение значимых деталей, рассуждения и выводы автора – все это создает «эффект его присутствия». В свою очередь, это говорит о том, что в репортаже находит свое отражение авторская точка зрения. Для ее определения обратимся непосредственно к анализу французских газетных репортажей, материалом для которого послужили тексты из интернет-версий популярных французских газет – «Le Monde», «Le Figaro» и «La Libération».

Репортаж как один из повествовательных жанров предполагает наличие в нем разных композиционно-речевых форм. Эти формы представлены в сверхфразовых единствах текста (СФЕ), количество которых зависит от типа композиционного компонента: зачин репортажа содержит от одного до двух СФЕ, основная часть – от двух и более СФЕ (в зависимости от объема репортажа), а концовка состоит из одного СФЕ.

Важная роль в репортаже отводится первому компоненту его композиции – зачину. Его задача состоит в привлечении внимания читателя ко всему репортажу. Вот почему, как правило, он открывается «яркой сценой» [1, с. 43].

Так, в зачине репортажа «*Drame familial dans le Haut-Rhin: “Il était si gentil, comment imaginer une chose pareille...”*» (1), который рассказывает о преступлении во французской деревне Моэнарк (убийстве пятнадцатилетним мальчиком своей сестры и тяжелом ранении маленького брата), представлены две композиционно-речевые формы в следующей последовательности: описание + повествование:

(1.1.) *Stupeur et consternation. Moernach est un riche village agricole (Haut-Rhin), perché entre champs de maïs et pâturages où broutent des vaches. C’est pourtant ici que l’extrême violence a fait irruption, et a laissé les habitants sous le choc (04.09.2014 Judith Duportail (envoyée spécial à Moernach) par Le Figaro).*

Этот тип зачина можно определить как описательно-повествовательный. Первая форма позволяет описать реакцию жителей на происшествие, их оцепенение и подавленность. Находясь на месте

происшествия, автор не остается «вне события», о чем свидетельствует использование лексики с отрицательной оценкой (*Stupeur et consternation; Moernach est un riche village agricole*) и глагола настоящего времени. В повествовании же автор использует прошедшее время (Passé composé) со значением предшествования по отношению к моменту его речи (*l'extrême violence a fait irruption, et a laissé les habitants sous le choc*), вновь прибегая к оценочной лексике, а также к стилистическому приему антитезы. С его помощью фон, которым служит процветающая деревня (*un riche village agricole*), противопоставлен жестокости и бессмысленности преступления ее жителя, а также состоянию шока, в который повергнуты односельчане (*c'est pourtant ici que l'extrême violence a fait irruption, ...et a laissé les habitants sous le choc*).

Таким образом, композиционно-речевые формы – описание и повествование, содержащие средства субъективной оценки и временные формы глагола Présent и Passé composé, передают в зачине внутреннюю точку зрения автора [4].

СФЕ (1.2.) основной части репортажа представляет собой повествование с элементами описания. Первая форма рассказывает о фактах, полученных в ходе расследования, а вторая – описывает физическое и моральное состояние мальчика после совершения преступления и моральное состояние одного из очевидцев (соседки, к которой он пришел):

(1.2.) Encore plus depuis les aveux de A., le garçon de 15 ans qui, après avoir accusé «un rôdeur, une ombre», d'avoir tué sa sœur de 11 ans et très grièvement blessé son petit frère de 9 ans, a reconnu être l'auteur des faits. C'est lui-même qui avait donné l'alerte mardi soir vers 19 h 30. Il s'est alors précipité, paniqué, torse nu chez une voisine. Cette dernière, les traits creusés et le regard vitreux, est traumatisée par la scène: «Il tremblait, délirait... Il avait les jambes couvertes de sang», se souvient-elle, avant de couper court, épuisée (04.09.2014 Judith Duportail (envoyée spécial à Moernach) par Le Figaro).

Во фрагменте (1.2.) автор возвращает читателя к моменту трагедии, восстанавливает хронологию действий (в Passé composé), которую он «нарушает» ретроспекцией, или аналеписом, обращаясь к более отдаленному прошлому, представленному временной формой Plus-que-Parfait (... qui avait donné l'alerte) и Imparfait – воспоминаниям

очевидца в его прямой речи («*Il tremblait, délirait... Il avait les jambes couvertes de sang*», *se souvient-elle*).

Во втором СФЕ (1.3.) основной части репортажа дается динамическое описание работы экспертов на месте происшествия:

(1.3.) Dans la maison familiale, où l'arme du crime, vraisemblablement un couteau, a été retrouvée, les investigations scientifiques et techniques sont toujours en cours. Des spécialistes de l'analyse des traces de sang étudient les projections afin de dessiner le scénario du carnage. Parallèlement, en salle d'interrogatoire, des gendarmes spécialisés dans les sciences du comportement sont venus prêter main forte aux enquêteurs. Ces profilers triés sur le volet (ils sont 6 en France) ont pour mission de percer le profil psychologique des suspects les plus ardues à décrypter. Les aveux du jeune garçon ont été obtenus quelques heures après leur arrivée (04.09.2014 *Judith Duportail (envoyée spécial à Moernach) par Le Figaro*).

Выступая как свидетель процесса расследования дела специалистами, автор репортажа передает внутреннюю точку зрения, используя, во-первых, настоящее время (*les investigations... sont toujours en cours, étudient, ont pour mission*) и, во-вторых, прошедшее (Passé Composé), которое в этом случае указывает на получение некоторого результата проделанной работы (*des gendarmes spécialisés sont venus, les aveux du jeune garçon ont été obtenus*).

СФЕ (1.4.) основной части репортажа включает композиционно-речевую форму рассуждения, которая передает предположения автора о будущем мальчика, в случае признания его виновным в преступлении:

(1.4.) Le parquet a requis sa mise en examen pour assassinat. *S'il n'est pas déclaré irresponsable, 15 ans est un âge légal pour être envoyé en détention provisoire. Si un tribunal le juge dans le futur coupable des faits qu'il confesse, l'adolescent pourra être également condamné à de la prison.* Il encourt toutefois la moitié de ce qui est prévu pour les majeurs, soit 15 ans au lieu de 30 pour un homicide volontaire (04.09.2014 *Judith Duportail (envoyée spécial à Moernach) par Le Figaro*).

При этом рассуждение предстает здесь в виде сложноподчиненных предложений с придаточными условия и содержит вывода автора. Оно представляет собой проспекцию, или пролепсис. Однако, даже независимо от присутствия проспекции, уже сама по себе композиционно-речевая форма рассуждения отражает внутреннюю точку зрения автора [ср.: 5, с. 192].

Показательно, что концовка (1.5.) репортажа соотносится с зачином, так как в ней снова описывается состояние шока, но теперь который испытали жители этого поселения: одноклассники пострадавших, их родители, а также родители мальчика, виновного в преступлении:

(1.5.) Au sein de l'école fréquentée par la petite fille décédée et où le petit frère entre la vie et la mort est scolarisé, le même état de choc règne. La jeune fille venait d'effectuer son entrée en 6e à Ferrette, visage voisin à flanc de montagne. «J'habite au-dessus de l'école, d'habitude j'entends les enfants crier et rire. Ce matin, rien», poursuit Sophie. «Ma fille était amie avec elle. Elle ne fait que pleurer depuis hier», s'attriste Hector, du quartier aussi. Une cellule psychologique a été mise en place, composée de deux médecins et un psychologue. Les parents de la fratrie, partis faire du sport au moment du drame sont depuis en état de choc avancé. La mère a dû être brièvement hospitalisée (04.09.2014 Judith Duportail (envoyée spécial à Moernach) par Le Figaro).

Добавляя новые детали, заключительное СФЕ (1.5.) возвращает читателя к описанию атмосферы, царящей в местечке Мознарк. При этом внутренняя точка зрения автора, характеризующего атмосферу в школе и состояние своих собеседников (*le même état de choc règne*), сменяется точкой зрения родителей (*poursuit Sophie, s'attriste Hector*) тех детей, которые ранее дружили с погибшей девочкой. В интервью с жителями города приводятся новые точки зрения, в которых употребляются такие временные формы, как *Présent* и *Imparfait*.

Следовательно, репортаж-происшествие (1) построен в соответствии с хронологическим планом смешанного типа: повествование идет от настоящего к прошлому, включает ретроспекцию и проспекцию и снова возвращается к настоящему и соответствует круговой схеме.

В репортаже «Bussang gagne en profondeur» (2) автор выступает в роли участника события, присутствуя на открытии сезона в необычном театре. Его зачин (2.1.) относится к аргументативному типу:

(2.1.) «Mais d'où viennent tous ces gens?» Partout ailleurs, cette question d'un auteur venu regarder jouer sa pièce serait déplacée. A Bussang, village vosgien suspendu à 730 mètres d'altitude, en surplomb d'une vallée oubliée si ce n'est de la Moselle qui y prend sa source, elle relève d'une surprise légitime. Car l'affluence au Théâtre du Peuple de Bussang, malgré les pluies diluviennes, témoigne mieux que les mots de la vivacité du projet utopique initié en 1895 par Maurice Pottecher, en réaction au snobisme des salons littéraire parisiens : créer en pleine nature, pour y contraindre l'art au «naturel», au «simple» et au «clair», un «théâtre pour tous», mêlant

amateurs et professionnels. Un lieu de rencontres, d'apprentissage et de culture, dont la devise reflète l'ambition – «*Par l'art et pour l'humanité*». Un lieu de solidarité, donc, et partant, de résistance (18.08.2014 Nathalie Raulin (envoyée spéciale à Bussang) par *La Libération*).

В СФЕ (2.1.) автор обращается к композиционной форме рассуждения, чтобы обосновать идею о важности роли для жителей горной местности маленького театра, состоящего из профессиональных актеров и любителей и посещаемого множеством зрителей, даже в период проливных дождей. Идея получает свое обоснование с помощью нескольких аргументов. Один из них, вводимый причинным союзом *car*, отсылает к истории вопроса, к концепции проекта театра (*créer en pleine nature, pour y contraindre l'art au «naturel», au «simple» et au «clair», un «théâtre pour tous»*), другие аргументы обращены к сегодняшнему дню театра (*un lieu de rencontres, d'apprentissage et de culture; un lieu de solidarité, donc, et partant, de résistance*).

Как уже нами отмечалось, рассуждение – это та композиционно-речевая форма, для которой в принципе характерна внутренняя точка зрения автора. Языковыми средствами ее реализации служат оценочная лексика (*une vallée oubliée, une surprise légitime, projet utopique, en réaction au snobisme, un lieu de solidarité...de résistance*) и формы настоящего времени.

В первом СФЕ (2.2.) основной части репортажа рассуждение сочетается с описанием:

(2.2.) On y joue *Small Talk*, pièce émouvante et drôle, spécialement écrite par l'auteure québécoise Colette Fréchette pour clore le cycle de trois ans que le directeur du théâtre et metteur en scène Vincent Goethals a consacré aux écritures contemporaines francophones. On n'y voit pas le temps filer, les seize acteurs de ce conte urbain, dont les deux tiers sont amateurs, servant avec jubilation – mention spéciale à l'actrice québécoise Violette Chauveau, stupéfiante dans son rôle de mère aphasique – un propos plus profond qu'il n'y paraît : la solitude des handicapés de la conversation. Parce que la force de la langue s'y exprime aussi par le corps, la lumière et les décors, le registre est populaire. Un choix que Goethals revendique : «*Dans les milieux théâtraux, émotion est un mot qui semble devenu vulgaire, ringard. Mais qu'est-ce que le théâtre si ce n'est pas toucher les sens ?*» (18.08.2014 Nathalie Raulin (envoyée spéciale à Bussang) par *La Libération*).

Экспрессивная оценочная лексика *pièce émouvante et drôle, servant avec jubilation, stupéfiante dans son rôle*, риторический вопрос,

определяющий содержательную функцию театра (*Mais qu'est-ce que le théâtre si ce n'est pas toucher les sens?*), временные формы глагола настоящего времени служат лингвостилистическими средствами выражения внутренней точки зрения автора в сочетании двух композиционно-речевых форм – рассуждение + описание.

Во всех остальных СФЕ основной части репортажа – (2.3.), (2.4.) и (2.5.) – содержится композиционно-речевая форма «рассуждение».

В (2.3.) эта форма включает проспекцию:

(2.3.) *Ceux qui assisteront à la pièce du soir Catalina in fine devront tout de même être diablement évolués, même si le décor et les lumières inspirés de l'univers de Tim Burton valent à eux seuls le détour (18.08.2014 Nathalie Raulin (envoyée spéciale à Bussang) par La Libération).*

Проспекция передается простым будущим временем глагола со значением местонахождения *assister* и модального глагола *devoir* (*ceux qui assisteront à la pièce, devront être... évolués*). Она вся пронизана субъективными оценками не только за счет собственно оценочных слов (*être diablement évolués, le décor et les lumières ... valent à eux seuls le détour*), но и за счет противительного и уступительного значений коннекторов (*tout de même, même si*). Все эти средства служат дополнительными маркерами внутренней точки зрения автора.

В СФЕ (2.5.) основной части репортажа автор-участник рассуждает о причинах успеха театра:

(2.5.) *Mais le succès du Théâtre du Peuple de Bussang - faire rare, la moitié de ses recettes annuelles viennent de sa billetterie - doit d'abord à l'esprit. On veut parler de convivialité, d'entraide et d'humanité. Somme toute, d'énergie partagée. Cet été, pour le festival, cohabitent (l'expression est à prendre au pied de la lettre) dans une apparente osmose près de 135 professionnels, amateurs et bénévoles. Pour 7 permanents le restant de l'année. Pièces comme entractes sont autant d'occasion pour les acteurs de se mêler aux spectateurs. Une disponibilité harassante : à la fin de l'été, Bussang aura accueilli plus de 26 000 visiteurs... (18.08.2014 Nathalie Raulin (envoyée spéciale à Bussang) par La Libération).*

Объясняя успех театра атмосферой, которая царит в нем, автор использует абстрактные лексемы со значением положительной оценки (*On veut parler de convivialité, d'entraide et d'humanité. Somme toute, d'énergie partagée*) и приводит наиболее вероятную цифру его посещаемости к концу театрального сезона (*Une disponibilité harassante: à la fin de l'été, Bussang aura accueilli plus de 26 000 visiteurs*).

В концовке (2.6.) присутствует та же самая композиционно-речевая форма рассуждения, которая доминирует во всем тексте репортажа:

(2.6.) Leur récompense réside dans la curiosité suscitée et la reconnaissance. C'est ainsi qu'en ces temps de turbulences pour les intermittents du spectacle, le public se découvre souvent solidaire, signe les pétitions et prend la pose sur les photos collectives. Volontaire soudain pour nourrir cet arsenal de combat qui en bout de saison atterrira sur le bureau de la ministre de la Culture, Aurélie Filippetti. Fidèle à Pottecher, le théâtre du peuple résiste ensemble (18.08.2014 Nathalie Raulin (envoyée spéciale à Bussang) par La Libération).

В этом компоненте автор объясняет жизнеспособность театра только поддержкой публики (*Leur récompense réside dans la curiosité suscitée et la reconnaissance*). В заключительном высказывании концовки он прибегает к игре слов (*le théâtre du peuple résiste ensemble* – театр народа сопротивляется сообще, т. е. театр выживает благодаря поддержке публики). Этот стилистический прием вместе с временными формами настоящего времени и простого будущего (проспекция) служат выразителями внутренней точки зрения автора.

Репортаж – это не что иное, как рассказ о значимом для общества событии. К этому жанру обращаются тогда, когда информация отличается «живым» характером и неоднозначностью [6]. Композиция репортажа трехчастна: зачин, основная часть и концовка. По нашим данным, зачин может быть представлен одним или двумя СФЕ, основная часть – несколькими СФЕ (от двух и более), а концовка – одним СФЕ.

СФЕ могут содержать как одну композиционно-речевую форму: повествование (цепочка действий), описание (ситуации, ее участников) или рассуждение (авторское комментирование, например, действий участников, слов очевидцев), так и их сочетания: «повествование + описание», «рассуждение + описание», «повествование + рассуждение». Сочетание в одном тексте нескольких композиционно-речевых форм способствует более динамичному изложению, создающему ощущение пестрой, многокрасочной картины действительности.

Зачин во французском репортаже бывает нескольких видов: повествовательный, описательный, аргументирующий, но, кроме того, он способен сочетать в себе элементы разных форм. Например, он может быть описательно-повествовательным. Основная часть – это рассказ о медийном событии, содержащий, как правило, повествование и описание, повествование и рассуждение. В концовке автор подводит итог

и оформляет ее в виде рассуждения или описания финальной сцены, которое имеет непосредственное отношение к начальной сцене.

Для отображения медийного события выработались определенные планы. К ним относятся, например, хронологический план с «круговой схемой» или «линейной» (когда автор передает информацию поэтапно), а также дедуктивный план («от общего к частному»). Именно выбор плана будет определять особенности композиции и предпочтение той или иной композиционно-речевой формы. Использование ретроспекции (возврат к предыстории события) и проспекции (позиция автора, например, в отношении того, чем какое-либо действие или их цепочка может завершиться и к чему это может привести), по нашим данным, возможно при любом плане.

Что касается авторской внутренней точки зрения, то она проявляется во всех композиционно-речевых формах: в рассуждении – всегда, так как оно само по себе предполагает взгляд автора на медийное событие; в повествовании и описании – в тех случаях, когда в них присутствуют маркеры субъективной оценки и время говорящего: настоящее, прошедшее со значением предшествования моменту его речи и будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ким М. Н.* Жанры современной журналистики. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 335 с.
2. *Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров. Основы творческой деятельности журналиста. – СПб. : Знание, 2005. – 272 с.
3. *Тарасова А. Н.* Прагматический потенциал композиции французского медиа-портрета // Романские языки в дискурсивном пространстве. – М., 2014. – С. 256–267. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10 (696). Серия Языкознание).
4. *Тарасова А. Н.* Чередование и «смещение» временных форм во французском // Язык и действительность : сб. научн. тр. памяти В. Г. Гака. – М. : УРСС, 2006. – С. 216–225.
5. *Rabatel A.* La construction textuelle du point de vue. – Lausanne, Paris : Delachaux et Niestlé, 1998. – 202 p.
6. *Voirol M.* Guide de la rédaction. – Paris : Éditions du Centre de Formation et de Perfectionnement des Journalistes, 2001. – 111 p.

УДК 81'276.6

О. А. Быкова

аспирант кафедры грамматики и истории французского языка
факультета французского языка МГЛУ
e-mail : bykoolya@yandex.ru

**МОНОЛОГ, ДИАЛОГ, ПОЛИЛОГ:
К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ
РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В статье проводится разграничение форм организации речевого взаимодействия и анализируются различные подходы к решению данной проблемы. Особое внимание уделяется структурным и прагмалингвистическим особенностям монолога, диалога и полилога.

Ключевые слова: монолог; диалог; полилог; интеракция.

Bykova O. A.

Postgraduate student, Department of the French Language
Grammar and History, Faculty of the French Language, MSLU
e-mail : bykoolya@yandex.ru

**MONOLOGUE, DIALOGUE, POLYLOGUE:
TO THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION
OF ORGANIZATION FORMS OF VERBAL INTERACTION**

The article is dedicated to the delimitation of organization forms of verbal interaction and analyzes different approaches to solving this problem. Particular attention is paid to structural features and pragmalinguistic peculiarities of monologue, dialogue and polylogue.

Key words: monologue; dialogue; polylogue; interaction.

В настоящее время в связи с развитием дискурсивно-прагматического подхода к анализу речевого взаимодействия внимание лингвистов сконцентрировано на решении целого комплекса проблем, связанных с исследованием различных форм организации общения между коммуникантами. В рамках данного подхода для обозначения такого взаимодействия используется термин «интеракция». В широком смысле интеракция определяется как любая коммуникация, обусловленная наличием единой пространственно-временной ситуации. В соответствии с «фреймовым анализом» Э. Гоффмана, лица, объединенные наличием общего коммуникативного пространства, рассматриваются как «интерактанты» [6].

Несмотря на то что при построении типологии интеракций многими исследователями выделялся критерий количества участников общения [8; 10], он особо не учитывался при анализе конкретных речевых взаимодействий. В связи с этим возникает проблема разграничения различных форм речи. В современной лингвистике наиболее распространен подход, выделяющий три формы общения: монологическое, диалогическое и полилогическое.

Термин «полилог» появился в лингвистике сравнительно недавно. В течение долгого времени полисубъектное общение исключалось из поля исследования специалистов, в центре внимания которых преимущественно находилось изучение двух противопоставленных друг другу форм речи: диалогической и монологической. При этом диалог признавался и признается лингвистами доминирующей формой организации речевого общения. Основанием для данного утверждения служит тот факт, что ведущей функцией языка как общественного феномена является коммуникативная, т. е. язык диалогичен по своей природе. В частности, М. М. Бахтин подчеркивает, что «речевое взаимодействие есть единственная реальность языка» [1, с. 136]. Данную точку зрения разделяет О. Дюкро, согласно которому язык призван главным образом служить целям общения между людьми [5].

Таким образом, в отличие от монолога, диалог может быть определен как наиболее естественная форма организации речи. Однако многие исследователи подчеркивают сложность разграничения данных речевых форм. С одной стороны, некоторые лингвисты, ссылаясь на диалогическую природу языка, говорят о невозможности выделения монологической формы речи, поскольку монолог всегда рассчитан на присутствие – эксплицитное или имплицитное – адресата и направлен на него [1; 5; 8]. С другой стороны, грань между монологом и диалогом неочевидна в том случае, когда реплики участников коммуникации развернуты и представляют собой «микромнологи» [2].

При попытке разграничения диалога и полилога возникают противоречия еще более серьезного характера. Как говорилось выше, в течение долгого времени данные формы общения не дифференцировались. При этом диалог определялся и в отечественной, и в зарубежной лингвистике как общение двух и более лиц. Неслучайно, что некоторые лингвисты предпочитают термину «диалог», который трактуется как попеременный обмен репликами (без указания на

количество участников), термин «диалог» [3]. Кроме того, подчеркивается неустойчивость самого термина «полилог», поскольку он либо не зафиксирован в словарях [7], либо нашел свое словарное отражение сравнительно недавно [4].

Необходимо также указать на особый статус трилога, который некоторые исследователи выделяют как самостоятельную форму полилогического общения. Важность изучения данной формы общения состоит в том, что уже на этом минимальном уровне выявляются значительные отличия полилога от диалога [3]. Кроме того, увеличение коммуникативной диады до триады влечет за собой и более серьезные последствия, чем просто рост числа интерактантов, поскольку именно на данном этапе разрушается устойчивая структура диалога с однозначным принципом мены речевых ходов и появляется новая структура, в которой порядок их следования строго не регламентирован.

Тем не менее при разграничении понятий диалога и полилога необходимо учитывать некоторые сходные характеристики данных форм речи:

1) ведущим принципом организации высказывания является диалогический принцип, т. е. принцип чередования реплик;

2) в ходе развертывания полилога может произойти разделение участников на группы, представляющие противоположные интересы [3]. К тому же при включении в разговор более 3 или 4 участников группа часто делится на подгруппы, а разговор на «подразговоры» [8];

3) и диалогу, и полилогу может быть свойственна политематичность, так что тематическая полифония не является отличительной характеристикой полилога [4];

4) в полилоге, как и в диалоге, могут быть выделены элементарные интеракции (минимальные диалогические единства), основной характеристикой которых является бинарная структура, включающая в себя речевой акт, образующий реплику-стимул, и речевой акт, образующий реплику-реакцию, и характеризующаяся таким образом семантико-тематической целостностью.

Данные особенности позволяли лингвистам в течение долгого времени приравнивать полилогическое общение к диалогам. Ситуации общения, включающие более двух участников, либо не исследовались совсем, либо сводились к частному случаю диалога. Корпус примеров, иллюстрирующих подобные случаи, анализировался с применением

методов исследования диалогических интеракций и не учитывал специфику полилога. К. Кербрат-Орекиони справедливо подчеркивает, что большинство моделей анализа были задуманы и ориентированы на перспективу диалогического общения. По мнению ученого, необходимо трансформировать традиционные модели и уточнить методы изучения форм речи с тем, чтобы выявить специфику трилогического общения для дальнейшего исследования общения полилогического [8].

Из всего сказанного выше следует, что разграничение форм речи представляет собой достаточно сложную задачу из-за крайнего разнообразия интеракций. Поэтому, сводя все разнообразие речевых взаимодействий к трем формам речи, можно отметить следующее:

1) говоря о монологе, диалоге и полилоге, следует принимать во внимание не только количество, но и поведение участников общения. Если один человек говорит, а другие только слушают, то это монологическая форма речи. Непосредственной реакции собеседника на то, что говорится, здесь не предполагается: он только слушает, и его роль в монологе пассивна. Подлинный же монолог – это письменная речь, которая обращена во внешний мир без непосредственной реакции;

2) если же говорит один человек, но при этом существует обратная связь, т. е. реакция на его слова, то перед нами диалогическая или полилогическая формы речи. Полилог, или полилогическая речь, – это разговор трех и более собеседников. Их реплики, как и в диалоге, объединены общей темой.

При разграничении различных форм речи, как мы уже подчеркивали, основную трудность представляет противопоставление диалогической и полилогической форм общения. Перед исследователями встает вопрос: имеется ли в полилоге новое лингвистическое качество, по сравнению с монологом или диалогом, или полилог – это просто сумма составляющих его микродиалогов [4]? Другими словами, может ли полилог считаться отдельным структурно-интеракционным типом речи или же это частная разновидность диалога?

Отвечая на этот вопрос В. Траверсо пишет, что специфическая особенность полилога состоит в том, что его описание не может быть одновременно глобальным и репрезентативным, так как отдельные реплики не являются показательными с точки зрения организации полилога в плане его целостности и не могут отражать того разнообразия конфигураций, которые они образуют. Согласно данной точке зрения,

полилог действительно представляет собой качественно новую форму организации вербального взаимодействия. В отличие от диалога, где любой выделенный фрагмент является достаточно наглядным отражением всего коммуникативного процесса, полилог не образуется путем механического сложения составляющих его реплик. Из данного положения следует заключение, что увеличение количества коммуникантов влечет за собой усложнение ситуации общения (в связи с более значительным, чем в диалоге, расщеплением фреймовой структуры). Таким образом, полилог характеризуется особой организацией, не сводимой к диалогическим структурам. Иначе говоря, это наиболее гибкая, открытая и неустойчивая форма речи по сравнению с монологом и диалогом. Такая структурная нестабильность полилога имеет следствием усложнение процессов речепроизводства и речевосприятия (выбор способов и средств обращения к участникам коммуникации, определение статуса и ролей участников общения и т. п.) [8].

Особое значение в диалогической и полилогической коммуникации имеет механизм реплицирования, который является основным свойством диалога и полилога. Однако чередование реплик в полилоге имеет специфические особенности, характерные только для этой формы общения. Оно определяется количественным фактором, а также межличностными и ролевыми отношениями участников речевого взаимодействия. Полилог представляет собой коммуникативный акт, который, с одной стороны (как и диалог), рассчитан на обязательность реакции адресата, а с другой – в силу своеобразия некоторых реплик – на возможную реакцию со стороны всех партнеров. Отсюда вытекает тот факт, что взаимозависимость собеседников в полилоге значительно меньше, чем в диалоге, где участник речевого взаимодействия должен мгновенно реагировать на высказывания партнера. А в связи с тем, что временной интервал между репликами может отсутствовать, подготовка к реактивному высказыванию происходит параллельно с восприятием информации.

Произнося ту или иную реплику, говорящий не обязательно адресует ее всем участникам коммуникации. Он может обращаться к одному или нескольким интерактантам, мнение которых он хочет услышать в первую очередь. Временной промежуток, в течение которого каждый участник полилога пребывает в роли слушателя, предоставляет ему возможность лучше продумать коммуникативные установки,

а также содержание и форму высказывания. Вместе с тем для успешной коммуникации каждый из собеседников должен по возможности отслеживать коммуникативные намерения всех участников разговора и фиксировать в памяти содержание их реплик. Таким образом, реплики полилога не являются самостоятельными единицами ни с точки зрения формы, ни с точки зрения содержания: ситуативная обусловленность приобретает здесь еще большее значение, чем в диалоге. Действительно, стимулы и реакции в полилогическом взаимодействии обладают значительным разнообразием. Последующая реплика может служить реакцией на стимул не непосредственного адресанта, а на предшествующие ей реплики других коммуникантов. Это обстоятельство находит свое проявление в политематизме полилога [4].

О политематизме полилога можно говорить как об одной из его важнейших прагмалингвистических характеристик. Хотя множественность тем свойственна и диалогу, политематичность в диалоге лимитирована тем, что она задается лишь двумя коммуникантами, в то время как тематическое многообразие полилога представлено разнообразием картин мира нескольких коммуникантов, что значительно обогащает смысловую вариативность полилогического общения.

Как коллективная форма общения, полилог порождается в ходе обмена репликами, образуя сложную смысловую и коммуникативную систему. Соответственно мы не можем говорить о четкости и стройности композиционной структуры полилога, так как он создается совместными усилиями нескольких участников коммуникации.

С точки зрения чередования реплик, нестабильность полилога проявляется в возможности вмешательства в разговор одного или сразу нескольких интерактантов, переадресации реплик, неявной адресации, случайного вмешательства и др. Следовательно, структура интерперсональных отношений в полилоге является более сложной и регламентируется определенными правилами построения речевого обмена: чередованием коммуникативных ролей говорящего и слушающего, правилами начала и завершения коммуникации, общим кодом и т. д. Исследователями подчеркивается крайняя неустойчивость коммуникативной ситуации в полилоге, в связи с чем возникают многочисленные вопросы: как регулируется совместное речепроизводство? какова специфика механизмов отбора и иерархизации адресатов сообщения, «выбора» участника общения, который будет играть роль говорящего

в следующем речевом ходе, образования «коалиций», исключения того или иного участника из интеракции и т. д. [7]

Тем не менее полилог, несмотря на крайнюю нестабильность и неустойчивость, воспринимается как целостная структура. Среди прагмалингвистических характеристик полилога, обеспечивающих его целостность, прежде всего следует назвать подчинение составляющих его единиц глобальному коммуникативному замыслу. Данная особенность проявляется на различных уровнях: композиционном (наличие зачина и концовки), лексико-семантическом (различные виды повтора – местоименного, синонимического, вплоть до интегрального повтора реплики-стимула), синтаксическом и др. Отметим, что полилог обладает присущим лишь этой форме речи дейкиссом, что прослеживается, главным образом, в местоименном повторе. Наряду с типичными для диалога местоимениями *я, ты, мы, вы* появляются *он, она, они*, которые, в отличие от диалога, могут служить и для указания на лиц, участвующих в общении.

Выше неоднократно подчеркивалось, что одной из основных прагмалингвистических особенностей полилога следует считать вариативность коммуникативных ролей. Отталкиваясь от рассуждений Э. Гоффмана об организации совместного фреймового пространства, или интерактивной рамки, представляется возможным определить критерии распределения ролей в ходе коммуникации: приняв за основу локальный участок интеракции и зафиксировав роль говорящего за одним из участников полилога, можно считать его коммуникативную роль точкой опоры, благодаря которой несложно описать роли (функции) членов его социального окружения. Отношение каждого интерактанта к исходному высказыванию будет определяться его статусом в коммуникации в целом и в группе коммуникантов в данный момент речи, в частности [7].

Не подлежит сомнению тот факт, что спектр коммуникативных ролей в полилоге намного шире, чем в диалоге. К их числу относят следующие: лидерствующий адресант / адресат, рядовой адресант / адресат (с различными вариациями у разных авторов) и т. д. Роли, исполняемые собеседниками, не являются данностью при открытии интеракции, и они достаточно мобильны в ходе коммуникации.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в современной лингвистике наблюдается утверждение статуса полилога как особой

формы речи, выделяемой наряду с диалогом и монологом. Как показывают исследования, полилогические формы речевого взаимодействия являются более непредсказуемыми, более гибкими, более изменчивыми, чем диалогические. Учет этих особенностей необходим для успешного изучения различных типов интракций и эффективного речевого общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 421 с.
2. *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. – М. : Просвещение, 1987. – 303 с.
3. *Читахова Л. Л.* Трилог как форма общения коммуникантов в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 238 с.
4. *Яковлева Э. Б.* Специфика немецкой полилогической речи : монография. – М. : МГЛУ, 2004. – 200 с.
5. *Ducrot O.* Le dire et le dit. – P. : Minuit, 1980. – 240 p.
6. *Goffman E.* La mise en scène de la vie quotidienne // Présentation de soi. – Т. 1. – P. : Les Editions de Minuit, 1973. – 256 p.
7. *Grosjean M., Traverso V.* Les cadres participatifs dans les polylogues: problèmes méthodologiques // Du dialogue au polylogue. – Rome : CISU, 1998. – P. 51–67.
8. *Kerbrat-Orecchioni C., Plantin C.* Le trilogue. – Lyon : PUL, 1995. – 333 p.
9. *Traverso V.* Aspects de la négociation dans un polylogue // Structures linguistiques et interactionnelles dans le français parlé. – Copenhague : Etudes romanes, 2003. – P. 11–31.
10. *Vion R.* La communication verbale : analyse des interactions. – P. : Hachette, 1994. – 302 p.

УДК 81'276.6

З. Б. Долгих

соискатель, старший преподаватель
кафедры португальского языка переводческого факультета МГЛУ
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ГРАДУАТОРОВ «MESMO» И «PRÓPRIO» В СОВРЕМЕННОМ ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья является логическим продолжением исследования показателей градуальности в современном португальском языке. В данной статье в рамках миграционной группы слов со значением адвербиальной относительности рассматриваются единицы *mesmo* и *próprio*, отражающие способность человека градуировать бытие того или иного оцениваемого им объекта или предмета по линии нарастания или убывания. Они указывают на неопределенное количество и / или на интенсивность какого-то признака или явления, причем количественную составляющую содержат в меньшей мере, больше указывая на степень.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле; лексико-грамматический класс; миграционная группа слов; градуальность; показатель градуальности; семема; интенсивность признака; мера; степень; градуаторы.

Dolgikh Z. B.

Research Fellow, Senior Lecturer,
Portuguese Language Department, MSLU
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

“MESMO” AND “PRÓPRIO” GRADUALITY INDICATORS' PARTICULAR FEATURES IN THE CONTEMPORARY PORTUGUESE LANGUAGE

The article is a logical continuation of the investigation on auxiliary gradual words or graduality indicators in the modern portuguese language. The article describes a pair of graduality indicators *mesmo* and *próprio* within the boundaries of the migratory groups with adverbial relativity meaning. They reflect a person's ability to graduate the beingness of one or the other evaluated thing or object through increasing or decreasing. In general they indicate an indefinite number and / or the intensity of the characteristic or some phenomenon, having less quantitative component more indicating the degree.

Keywords: functional-semantic area; lexico-grammatical class; migratory group of the words; graduality; index of graduality; sememe; intensity of sign; measure; degree; gradulators.

Функционально-семантическое поле градуальности по своей специфике, существует не оторвано, а пересекается со многими

другими функционально-семантическими полями португальского языка. При взаимодействии полей на их периферии образуются переходные, мигрирующие группы, а также семантические зоны, локализующиеся в том или ином лексико-грамматическом классе, но граничащие с одной или несколькими из миграционных групп и имеющие соответствующее семантическое значение. Нам представляются интересными те средства выражения градуального значения, которые образуются, к примеру, на стыке функционально-семантического поля градуальности и макрополя миграционной атрибутивности, т. е. те единицы, которые относятся к миграционным группам или семантическим зонам единиц, как правило, попадая при этом на периферию функционально-семантического поля градуальности. Единицы данных групп, или зон, имеют специфические особенности, а также играют особую роль в выражении градуального значения.

К подобным периферийным средствам функционально-семантического поля категории градуальности португальского языка можно отнести как некоторые наречия меры и степени, так и частицы, модальные слова, единицы со значением количественности, адвербиальной относительности, некоторые предлоги и союзы, а также артикль. Их объединяет то, что, вступая в градационные отношения в структуре микрополя, они выполняют функцию градуаторов.

Градуаторы *mesmo* и *próprio* мы рассматриваем в составе группы слов со значением адвербиальной относительности.

Mesmo располагает грамматическими категориями рода и числа (-a, -os, -as). Единица **mesmo** употребляется в функционально-семантическом поле прилагательного, существительного или местоименного слова, а также наречия. Семантически данная единица имеет значения:

1) тот же, такой же (в препозиции и употребляясь с определенным артиклем мужского или женского рода):

...pela mesma razão; de mesmo modo; ao mesmo tempo. No entanto, ao mesmo tempo, é no momento desta vitória que o analisa, de alto a baixo, melhor percebe que também fracassou [3, с. 44];

2) сам, самый (в постпозиции к существительному или местоимению): *eu mesmo posso fazer isto*;

3) даже, точно, именно: *por isso mesmo*; *assim mesmo* (вот именно поэтому); *agora mesmo*; *hoje mesmo* (именно сегодня, именно сейчас);

при этом *mesmo* употребляется также в препозиции к существительному или местоимению: *mesmo eu vou fazer o trabalho; mesmo o João soube as notícias;*

4) передает семантическое значение дистанционности / указательности «то», «то же самое»:

vou fazer o mesmo (сделаю то же самое, сделаю это же, это), o mesmo se deu comigo; isso para mim é o mesmo; isso vem dar no mesmo; as mesmas raparigas estavam presentes na aula (те же девушки присутствовали на занятии). O mesmo aplicar-se-ia ao Dry Martini: gin refrescado com gelo, eivado de duas gotas de vermute branco extra-seco [4, с. 80].

По мнению некоторых лингвистов, в классификации интенсификаторов должна присутствовать группа единиц, обозначенная как «выделители». Мы считаем, что это правомерно, и относим единицу *mesmo* к средствам, которые служат для своеобразного «подчеркивания», выделения соответствующей языковой единицы, нежели для ее усиления. Мы считаем, что *mesmo* прежде всего выражает уверенность говорящего в реальности сообщаемого. По сути, данная единица выступает как усилитель (интенсификатор) градуируемого качества, синонимичный единице *muito*¹; утверждать это можно на том основании, что само сообщение о реальности, истинности качества должно всегда подразумевать его усиление.

De facto, a Vardade não é coisa que aceite sempre a mesma trela, o mesmo dono, ou simplesmente ser chamada pelo mesmo nome. Nem sequer corre sempre da mesma maneira – de preguiçosa poderemos chamá-la, se nos precipitarmos – atrás dos paus que os homens, divertidos, para longe atiram [3, с. 14].

Использование единицы *mesmo* приводит к некоторому повышению степени обозначенного качества или же усиливает значение низкой степени признака. Особенно отчетливо это проявляется в сочетаниях рассматриваемых наречий с существительными и экспрессивными прилагательными:

Mas é mesmo uma confusão; Existem pessoas estupidas. Existem ainda muito estupidas. Mas tu és mesmo muito estupida!

В значении «так», «очень», «весьма», «действительно», «настолько» *mesmo* выполняет функцию указания на степень величины

---

¹ Данный градуатор рассматривался нами ранее в статьях Вестника МГЛУ.

признака: *estou mesmo muito cansada*, а при употреблении с прилагательными в сравнительной степени имеет градусему «указание на степень различия признака в сравниваемых и сопоставляемых объектах или явлениях» [1, с. 148] и несет достаточно высокую степень экспрессивности («гораздо», «значительно», «действительно сильно»): *isto é mesmo melhor, esse assunto é mesmo mais simples*.

Mesmo также укрепляет, усиливает значение многих указательных местоименных слов. Луиш Линдлей Синтра называет в этом случае единицу **mesmo**, а также единицу **próprio** «индикатором усиления», несущими с одной стороны поясняющую, с другой – выделительную функцию [2, с. 336].

Próprio соприкасается с подгруппой единиц со значением дистанционности (указательности) и может не только иметь значение «личный», но и выделительное, подтверждающее значение, при этом усиливающее качественный признак предмета: *точно тот, тот самый, именно он, тот же, этот, сам, самый*; *Foi a própria Carmélia quem me fez o convite* (Кармелия сама меня пригласила), т. е. функционировать как своеобразный интенсификатор степени качества и нести функцию пояснения и выделения.

- O Relógio da Sé em casa de Serralheiro?
- Esse mesmo.
- O da Matriz?
- Esse próprio [2, с. 336].

Não tens tudo, claro – nunca ninguém o teve – , contudo podes pelo menos garantir a ti próprio que não estás louco [3, с. 24].

Uma das últimas tentativas para exigir, em nós próprios, a persistência de um simples segredo [Ibid, с. 12].

Não tens tudo, claro – nunca ninguém o teve – , contudo podes pelo menos garantir a ti próprio que não estás louco... [Ibid, с. 24].

Таким образом, градуаторы **mesmo** и **próprio** придают признаку или явлению бóльшую выразительность и убедительность:

Treinado para, minucioso, acariciar com o pensamento cada palavra de um livro, o filósofo crítico, pelo sistema que introduz explicações, procura, de uma forma não delicada mas legal, reduzir a arrogância própria da natureza de uma qualquer obra de arte [Ibid, с. 44].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова С. М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. – М. : Высшая школа, 2010. – 279 с.
2. Celso Cunha, Lindley Cintra. Gramática do Português Contemporâneo. – 18ª edição. – Lisboa : Edições João Sá da Costa, 2005. – 734 p.
3. Gonçalo M. Tavares. Breves notas sobre o medo. – Lisboa : Relógio D'Água Editores, Maio 2007. – 69 p.
4. Miguel Esteves Cardoso. Com os copos. – Lisboa : Assírio e Alvim, 2007. – 219 p.

УДК 81'42

Р. Н. Кадимова

соискатель кафедры грамматики и истории французского языка
факультета французского языка МГЛУ
e-mail: rusana.kadimova@gmail.com

ДЕЛОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале французского языка)

В статье на материале французского языка определяются понятия институционального, делового экономического и управленческого дискурсов, а также проводится прагмалингвистический анализ примеров реализации жанра «деловое интервью».

Ключевые слова: деловой экономический дискурс; управленческий дискурс; деловое интервью; институциональная коммуникация.

Kadimova R. N.

Research Fellow, Department of the French Language Grammar and History,
Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: rusana.kadimova@gmail.com

BUSINESS ECONOMIC DISCOURSE AS A SPECIAL TYPE OF SOCIAL ACTIVITY (Based on the French Language Material)

In the article below the concepts of institutional, business economic discourse and managerial discourse are defined with the use of French language material and the pragmalinguistic analysis of the examples of “business interview” genre is made.

Key words: business economic discourse; managerial discourse; business interviews; institutional communication.

Деловое общение в XXI в. проникло во все сферы общественной жизни, а коммуникативная компетентность стала неотъемлемой частью успешности в сфере бизнеса. В этой связи взаимодействие людей в профессиональной обстановке представляет интерес как для прагмалингвистики, так и для смежных с ней дисциплин – социолингвистики, психологии, теории межкультурной коммуникации и др. Причем непосредственным объектом исследования является дискурс, который, с точки зрения прагмалингвистики, представляет собой «интерактивную деятельность участников общения, установление

и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [3, с. 5].

С позиций социолингвистики принято выделять два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. Интересующий нас экономический деловой дискурс, охватывающий значительный спектр отраслей экономики и обслуживающий самые разнообразные ситуации профессионального общения, является одним из видов институционального дискурса и особой формой социальной деятельности.

Под институциональным дискурсом мы понимаем, ритуализированную форму коммуникации, среди участников которой обязательно присутствует один или несколько представителей самого «института», а речь коммуникантов подчиняется особым лексическим, грамматическим и синтаксическим правилам: она строго регламентирована и имеет собственную систему вербальных и невербальных знаков для максимально эффективной реализации используемых говорящими стратегий и тактик общения. Обязательно принимается во внимание и влияние экстралингвистических факторов. Таким образом, деловой экономический дискурс является институциональным, поскольку в его порождении задействован как минимум один специалист в области экономики, а экстралингвистические факторы (условия и сфера реализации дискурса, его форма, взаимоотношения между коммуникантами и т. п.) оказывают влияние на соблюдение установленных норм, одновременно внося «внеинституциональные» или личностные характеристики в каждый коммуникативный акт. Экономический дискурс охватывает всю систему торгово-рыночных отношений, чем и обусловлено существование большого количества разнообразных дискурсивных формаций, подчиненных своим внутренним законам.

Для оптимизации работы по исследованию прагмалингвистических особенностей деловой экономической коммуникации мы, вслед за А. А. Кибрик, выделяем четыре модуса существования дискурса, соответствующих способам передачи информации: устный (акустический канал), жестовый (визуальное взаимодействие коммуникантов), мысленный и письменный (визуальный канал) [4].

Устный модус представляется нам наиболее интересным для подробного рассмотрения в силу особенностей его реализации и их

влияния на выбор лингвистических и экстралингвистических средств. В устном модусе по сравнению с письменным значительно легче реализовать разнообразные коммуникативные стратегии, тактики и ходы ввиду большей свободы в выборе средств, меньшей регламентированности, а также возможности прибегнуть к различным способам выражения аффективности благодаря наличию контакта между говорящим и адресатом во времени и в пространстве. При этом дискурс будет отвечать критериям, присущим институциональному общению: целенаправленности, продуктивности, результативности.

Именно в рамках устного модуса мы будем рассматривать понятие «жанра». Проблема типологии дискурсивных жанров на данный момент изучена мало, однако их знание для порождения дискурса требуемого формата является важным компонентом коммуникативной компетенции человека, в том числе в условиях профессионального общения. Каждый отдельный жанр характеризуется особыми формальными признаками (языковое оформление), а также структурной организацией (например, для публичного выступления может быть характерна следующая схема: вступление, аргументация, контраргументация, заключение).

Занимаясь деловым экономическим дискурсом, мы считаем необходимым обратиться к одному из его видов – управленческому дискурсу. Управленческий дискурс – это речевая деятельность людей, занимающих руководящие должности в самых разнообразных отраслях экономики (торговле, страховании, предоставлении услуг, производстве товаров и т. д.), подчиненная общепризнанным нормам межличностного и институционального общения и поведения, корпоративной этике и управленческой культуре. Управленческий дискурс охватывает ситуации общения как внутри компании (руководитель – подчиненные, руководители одного уровня, руководитель высшего звена – руководитель структурного подразделения) в ходе собраний и совещаний, при обсуждении текущих вопросов в рабочем порядке и т. д., так и коммуникацию между организациями (например, на встрече представителей руководящего состава двух и более компаний). Кроме того, разновидностью управленческого дискурса является общение руководства организации со СМИ, с соискателями на открытую вакансию, с клиентами. Однако в подобных случаях необходимо рассматривать коммуникативные акты как примеры, выходящие за

рамки, установленные конкретным институтом, ввиду наличия собеседников, чей речетворческий процесс обусловлен другими базисными нормами и приверженностью к иной корпоративной культуре. Несмотря на это, мы все еще находимся в рамках институционального общения, где коммуникация характеризуется формализованностью, традиционностью и стабильностью, что делает общение взаимовыгодным и продуктивным, хотя и особо «ритуализированным» в силу участия в нем представителя другого института. В частности, подобные дискурсы будут существенно отличаться от «внутриинституциональных» с точки зрения выбора лексических средств (например, при обращении к широкому кругу «непосвященных» слушателей).

Управленческий дискурс представлен как в устном, так и в письменном модусах. В устном модусе следует выделить такие жанры, как радио- и телеинтервью, выступления на совещаниях, переговоры, деловые беседы, телефонные разговоры и т. д. К письменному модусу относятся приказы, деловая переписка, бизнес-планы и т. д. В данной статье мы более детально рассмотрим реализацию управленческого дискурса в устном модусе, а именно на примере жанра «деловое интервью».

Прежде всего, охарактеризуем указанный жанр с учетом таких факторов, как участники коммуникации, время и место речевого взаимодействия, используемые коммуникантами стратегии. Участниками интересующего нас диалогического дискурса являются представители руководящего звена различных компаний и журналисты «EuroBusiness Media». Деловое интервью характеризуется высоким уровнем осведомленности интервьюируемого в силу его вовлеченности в бизнес-процессы компании, а также форматом жанра, предполагающим предварительную подготовку к беседе. Анализ примеров интервью с руководителями на интернет-портале «EuroBusiness Media», являющимся ведущим онлайн-дистрибьютером корпоративных видеointервью для мирового бизнес-сообщества, также показывает, что они не нормированы во времени, но, как правило, не превышают 12–15 минут, а их запись происходит в рабочем пространстве – в студии или офисе самой компании.

Так, в приведенном ниже примере главный исполнительный директор «Le Groupe BNP Paribas» Жан-Лоран Боннафе дает интервью, посвященное результатам работы банка во II квартале 2014 г. Банкир четко отвечает на поставленные вопросы и, учитывая специфику

банковского сектора и тематику встречи, приводит цифры, позволяющие объективно оценить достижения финансовой компании за истекший период:

EBM: Le groupe bénéficie d'une présence internationale diversifiée en banque de détail. Comment a évolué, au 2e trimestre, l'activité dans vos principales implantations ?

Jean-Laurent Bonnafé: <...> Dans la division Europe-Méditerranée, la croissance des volumes reste soutenue au 2e trimestre. Les crédits et les dépôts y progressent de plus de 11 % par rapport à l'exercice précédent. <...> Les revenus progressent de 2,7 % malgré l'impact des nouvelles réglementations entrées en vigueur en Algérie et en Turquie au 3e trimestre 2013. Sans cet effet, les revenus augmentent de près de 10 %, avec une croissance dans tous les pays. Les frais de gestion augmentent de 6,7 %, principalement en raison du renforcement du dispositif commercial de TEB en Turquie [5].

В ходе беседы журналист затрагивает тему заключения банком договора с США, в рамках которого предполагается совместная работа по ряду стратегических направлений:

EBM: Comment ont réagi vos clients et vos contreparties à l'accord conclu avec les États-Unis ?

Jean-Laurent Bonnafé: Parvenir à un règlement de ce dossier était notre priorité. Sa conclusion est un important pas en avant pour BNP Paribas. Après la signature de l'accord, nous avons contacté directement nos clients pour les informer et répondre à leurs questions. Je m'y suis personnellement impliqué, avec toute l'équipe de direction de la banque. D'une manière générale, nos clients nous ont exprimé leur soutien. Ils ont compris que nous assumions la responsabilité des comportements passés et que nous tournions vers l'avenir. Ce soutien est illustré par plusieurs succès commerciaux au cours du trimestre, comme par exemple le mandat paneuropéen de conservation et de gestion administrative d'actifs, d'un montant de 180 milliards d'euros, confié à Securities Services par le Groupe Generali [5].

Отвечая на вопрос о сотрудничестве с американскими партнерами, исполнительный директор умело реализует не только тактику самопрезентации и коммуникативный ход «работа над имиджем», упомянув о том, что он лично участвовал в общении с клиентами (...*nous avons contacté directement nos clients pour les informer et répondre à leurs questions. Je m'y suis personnellement impliqué, avec toute l'équipe de direction de la banque*), но и тактику убеждения, ссылаясь на

поддержку со стороны клиентов банка (*...nos clients nous ont exprimé leur soutien. Ils ont compris que nous assumions la responsabilité des comportements passés et que nous nous tournions vers l'avenir*). Помимо этого ответ на вопрос иллюстрируется денежными показателями, что является реализацией коммуникативного хода «апелляция к фактам», характеризующегося высокой действенностью и наглядностью:

Ce soutien est illustré par plusieurs succès commerciaux au cours du trimestre, comme par exemple le mandat paneuropéen de conservation et de gestion administrative d'actifs, d'un montant de 180 milliards d'euros, confié à Securities Services par le Groupe Generali.

Приведенные выше примеры свидетельствуют и о другой особенности анализируемого жанра: ключевая роль в данной коммуникативной ситуации отводится интервьюируемому руководителю, а вопросы журналиста, как правило, кратко и четко сформулированные, являются лишь направляющими. В частности, роль журналиста состоит в том, чтобы «приоткрыть» для широкой аудитории информацию, которая не лежит на поверхности, а спрятана либо за обтекаемыми формулировками, либо, как в данном случае, за цифровыми показателями. Кроме того, данный жанр наглядно иллюстрирует высказанную нами выше мысль о выходе подобного общения за рамки одного института. В самом деле, журналист и руководитель представляют различные коммерческие структуры, вероятно, их социальный статус также не совпадает; но главное состоит в том, что, отвечая на вопросы своего собеседника, исполнительный директор действует согласно некой формализованной схеме, чтобы в итоге добиться главной цели – выгодно представить результаты деятельности своей компании. Для этого он реализует основную коммуникативную стратегию – стратегию убеждения – путем применения различных вспомогательных стратегий (самопрезентации, формирования эмоционального настроения, контроля над инициативой и др.) [2].

В отличие от довольно сдержанного интервью, содержащего комментарий показателей работы финансовой группы «BNP Paribas», беседа журналиста с генеральным директором компании «Air Liquide» о планах на 2015 г. выглядит более эмоциональной и оживленной. Бенуа Потье старается передать свое позитивное видение перспектив компании на мировом рынке адресату, для чего прибегает к тактике убеждения, осуществляя коммуникативные ходы «апелляция к чувствам» и «апелляция к разуму»:

En ce qui concerne Air Liquide, l'activité, cette année, a été plutôt bonne puisque nous sommes revenus au niveau de volumes consommés par les clients qui était celui que nous avons avant la crise. Nous sommes donc finalement dans une position où nous pouvons regarder à nouveau l'avenir. Quel est-il ? Nous avons aujourd'hui un fort développement, un fort dynamisme dans les zones en développement avec, sur les neuf premiers de cette année, 29 % de croissance des ventes, et puis des zones avancées où la croissance est assez soutenue aussi puisqu'elle est à 7 %, mais un fort contraste entre ces deux grandes zones du monde. Un point à noter également, c'est la reprise du cycle d'investissements qui est notable en 2010. Forts de cet ensemble, ce contexte, nous avons donc décidé, compte tenu de ces changements, de réexaminer nos marchés, de nous projeter pour la période des cinq ans à venir [6].

Генеральный директор объясняет, что потребление вернулось к докризисному уровню, умело используя лексические единицы с приставкой *re-*, означающей возобновление какого-либо действия (*la reprise, réexaminer, reprojeter*), а также словосочетания с тем же значением (*regarder à nouveau l'avenir*). Создав таким образом благоприятное впечатление у слушающего, бизнесмен переходит к непосредственному воздействию на чувства адресата через использование выражений, относящихся к семантическому полю «развитие, успех» (*la croissance est assez soutenue, un fort développement, un fort dynamisme dans les zones en développement*). Кроме того, эмоции подкрепляются фактами (*29 % de croissance des ventes*).

Б. Потье, как и другие руководители, также прибегает к очень действенному коммуникативному ходу: он представляет свою точку зрения как принадлежащую не столько лично ему, сколько всей компании, используя собирательное местоимение множественного числа *nous*. Этот прием позволяет говорящему создать позитивный имидж предприятия, выступающего как единое целое, как сплоченная команда.

Следует отметить, что, несмотря на институциональность и довольно узкую специфику обсуждаемых тем, речь Б. Потье остается понятной и доступной широкому кругу слушателей. На наш взгляд, этому, в частности, способствует хорошо структурированная схема ответа:

Dans ce contexte, nos objectifs 2015 ont été définis. *Quels sont-ils ? D'abord, une croissance annuelle moyenne de nos ventes de 8 à 10 %. Il s'agit à la fois d'une présence géographique, mais il s'agit aussi d'innovation et de compétitivité sur ces marchés et il s'agit aussi de bénéficier de la dynamique que nous avons engagée depuis maintenant quelques années. Le deuxième objectif*

est celui d'une efficacité opérationnelle minimum de 200 millions d'euros par an dans les cinq prochaines années. *Le troisième objectif* est celui d'une rentabilité sur les capitaux de 12 à 13 % dans la période, rentabilité qui sera *donc* améliorée par rapport à notre rentabilité d'aujourd'hui. *Enfin, le dernier objectif* est un objectif un petit peu différent, puisqu'il s'agit d'un objectif de responsabilité qui fera partie intégrante de la stratégie du groupe et qui intégrera de nouveaux indicateurs. *Au global*, notre ambition est d'être le leader de notre industrie par la performance et la responsabilité sur le long terme [6].

Для того чтобы облегчить адресату восприятие информации, заложенной в сообщении, руководитель использует коннекторы, являющиеся неотъемлемой частью любого аргументативного дискурса. Так, наречное выражение *d'abord* выполняет не только вводную, но и выделительную функцию, позволяя привлечь внимание слушателей к числовым показателям роста продаж. Для большей наглядности при перечислении достижений компании Б. Потье прибегает к пояснениям, построенным в виде параллельных синтаксических конструкций, вводящихся оборотом *il s'agit*. Логические переходы от одной задачи предприятия к другой осуществляются путем использования именных групп, включающих порядковые числительные и существительное *objectif: le deuxième objectif, le troisième objectif, le dernier objectif*. Такие словосочетания образуют информационный фокус высказывания, концентрируя внимание реципиента на нужной информации. Коннекторы *donc* и *enfin* также обеспечивают логическую последовательность компонентов высказывания. Наконец, Б. Потье завершает интервью, суммируя все сказанное с помощью словосочетания *au global*.

Рассмотрим еще одно интервью, посвященное на этот раз анализу результатов экономической деятельности в 2013 г. французской строительной компании «VINCI». Генеральный директор Ксавье Уйард очень оптимистично характеризует достижения своей компании. Он, как и его коллеги, использует цифры, что легко объяснимо, учитывая тему беседы, но помимо этого его речь содержит лексические единицы, свидетельствующие о его личной удовлетворенности результатами:

Nous avons *fait même mieux que nos prévisions*, avec un chiffre d'affaires en *progression de 4,4 %*, un EBITDA en *hausse de 3,3 %*, et puis – c'est sans doute *la meilleure nouvelle – un résultat net qui a augmenté de 2,3 %* alors que nous l'anticipions en *légère baisse* [7].

В частности, К. Уйард прибегает к коммуникативному ходу «игра контрастов», реализуя тактику презентации, что позволяет ему

в более выгодном свете представить свою компанию, которая не только не снизила экономические показатели, но и смогла добиться роста чистой прибыли (*...la meilleure nouvelle – un résultat net qui a augmenté de 2,3 % alors que nous l’anticipions en légère baisse*). Делая прогноз на следующий год, генеральный директор вселяет уверенность в слушателей, используя единицы из соответствующего лексического поля:

Compte tenu de *la bonne trajectoire* de nos concessions et du bon *niveau de notre carnet de commandes* dans le Contracting, nous sommes *confiants*. Nous visons *une stabilisation* de notre chiffre d’affaires en 2014 à structure comparable [7].

Очень выигрышной выглядит заключительная часть интервью, которая стилистически маркирована эмоционально окрашенным синтаксисом – конструкцией синтаксического параллелизма и восклицанием в функции побудительного предложения, что подтверждает нашу теорию об относительно высокой степени экспрессивности устного модуса экономического делового дискурса:

<...> Ces principes font totalement partie de notre ADN, ils sont le socle de nos performances sur nos marchés domestiques en Europe. Et *si on y ajoute la force que nous donne notre modèle stratégique, si on y ajoute notre dynamique* de développement à l’international, et les besoins à long terme de tous les pays qui vont devoir construire ou moderniser leurs infrastructures, leurs équipements urbains, leurs réseaux d’énergie, eh bien *grâce à tout cela VINCI n’a pas fini de se développer* ! [7].

Что касается следующего примера, то, на наш взгляд, заместителем генерального директора компании «Euro Disney» Марком Стедом были выбраны довольно нестандартные для делового интервью коммуникативные тактики и ходы при реализации вспомогательной стратегии привлечения внимания и расположения адресата. Руководитель начинает интервью с лексико-фонетического замечания: он называет четыре качественных прилагательных, пишущихся с согласной «Р», которые служат основными характеристиками деятельности компании в 2013 г.: *pertinent, prudent, performant, positif*. Выбранные лексические средства дают адресату позитивное представление как о руководстве компании, так и о ее достижениях, что привлекает его на сторону говорящего и вызывает к нему доверие. Таким образом адресант достигает одну из частных коммуникативных целей на пути

к основной – убедить реципиента в надежности и солидности своей компании. Продолжая удерживать внимание адресата, М. Стед разъясняет значение каждого из четырех перечисленных эпитетов, давая подробные комментарии после вводного предложения, одновременно выполняющего функцию формулы вежливости (*Laissez-moi vous expliquer*):

Je pense que je peux vous faire un résumé de notre année fiscale 2013 en utilisant quatre mots qui commencent avec un P. D'abord, nous avons été *Pertinents* dans nos choix stratégiques, *Prudents* dans notre gestion. *Performants* sur plusieurs éléments et tout cela me laisse *Positif* pour l'avenir de Disneyland Paris. *Laissez-moi vous expliquer*. Nous avons été *pertinents* dans nos choix stratégiques en décidant de rénover le parc Disneyland pour son vingtième anniversaire, et en rénovant déjà 3 de nos 7 hôtels. <...> Nous avons été *prudents* dans la gestion de notre activité, avec une croissance des coûts limitée à 1% cette année. Et si on considère la croissance de nos charges d'exploitation, Parcs et Hôtels, cela ne représente plus qu'une augmentation de 0,3%. <...> On a également été très *performants* cette année. Si vous regardez nos activités de marketing et ventes, nous avons redéployé nos activités, notre force marketing vers l'Europe qui va bien, comme l'Allemagne, l'Angleterre, l'Europe de l'Est en général [8].

Проанализированные примеры, относящиеся к устному модусу делового экономического дискурса, а именно к жанру делового интервью, позволяют говорить об особой форме управленческого дискурса, который подчиняется нормам институционального, но при этом обладает набором собственных характеристик. Участники данного вида дискурса реализуют его в довольно строго очерченных пространственных и временных рамках; каждый из коммуникантов исполняет отведенную ему роль, четко соблюдая «правила игры» и применяя тактики и ходы с целью реализации основной коммуникативной стратегии: для руководителя – это создание / поддержание благоприятного имиджа компании, а для журналиста – получение максимально подробной и достоверной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.

3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5 – 20.
4. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
5. EuroBusinessMedia : электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.eurobusinessmedia.fr/ceo-direct/bnp-paribas/interview-du-ceo-jean-laurent-bonnafe-resultats-t2-2014,2014-07-29,1229>
6. EuroBusiness Media : электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.eurobusinessmedia.fr/ceo-direct/air-liquide/interview-video-benoit-potier-pdg-d-air-liquide-commente-l-ambition-d-air-liquide-et-les-objectifs-2015,2014-06-06,584>
7. EuroBusiness Media : электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.eurobusinessmedia.fr/ceo-direct/vinci/interview-du-pdg-xavier-huillard-rn-2013,2014-02-10,1090>
8. EuroBusiness Media : электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.eurobusinessmedia.com/ceo-direct/euro-disney/euro-disneys-c-a-fy-2013-interview-with-cfo-mark-stead,2013-11-26,1044>

Дата ретракции: 05.03.2019

Основание для ретракции статьи – выявление дублирующей публикации: Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Языковые средства выражения политической корректности во французском политическом дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). С. 76–83.

УДК 811.133.1

Т. П. Карпухина, Н. В. Кузнецова

Карпухина Т. П., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет», г. Хабаровск

Кузнецова Н. В., аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет», г. Хабаровск
e-mail: kunavla@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Объектом исследования является феномен политкорректности в политическом дискурсе. Предмет изучения составили языковые средства выражения политической корректности во французском политическом дискурсе. Рассмотрению подвергаются такие виды политкорректности, как социальная, расовая и сексуально-маркированная.

Ключевые слова: дискурс; политкорректность; эвфемия; аффиксация; аббревиатура; псевдополиткорректность.

Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V.

Karpukhina T. P., D. Litt, Professor,
Chair of English Philology, Far Eastern State University
of Humanities of Khabarovsk

Kuznetsova N. V., PhD Candidate, Department of Romanic
and Germanic Philology and Intercultural Communication,
Far Eastern State University of Humanities of Khabarovsk
e-mail: kunavla@mail.ru

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF POLITICAL CORECTNESS IN FRENCH POLITICAL DISCOURSE

The object of investigation of the article is the phenomenon of political correctness. The research is focused on the linguistic means of expression of political correctness in the French political discourse. Social, racial and sexually-marked political correctness are subjected to analysis.

Key words: discourse; political correctness; euphemism; abbreviation; pseudo-political correctness.

В статье проводится лингвистический анализ политкорректной лексики французского политического дискурса. Под политическим

дискурсом понимается «дискурс в политической сфере» [3, с. 7]; «сумма речевых произведений в ... контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений» [7, с. 14]; «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которого относятся к сфере политики» [23, с. 9].

Феномен политкорректности, широко представленный на материале английского языка [25; 37; 30; 24], начал исследоваться французскими лингвистами сравнительно недавно. При этом получили освещение отдельные аспекты политкорректности, проявляющейся в политической коммуникации [29; 34], межэтнических отношениях [27; 32], в отношении к сексуальным меньшинствам [33]. Лингвистов, политологов, лингвокультурологов феномен политкорректности привлекает своей многоаспектностью, сложной и многоплановой природой.

Объектом исследования данной статьи является феномен политкорректности в политическом дискурсе.

Предмет исследования составили лингвистические средства выражения политкорректности во французском политическом дискурсе.

Цель данной работы заключается в выявлении языкового аспекта политической корректности с учетом специфических особенностей франкоязычной политической культуры.

Термин «политическая культура» впервые появился в XVIII в. в трудах немецкого философа-просветителя И. Гердера. Основной вклад в развитие теории политической культуры внесли Г. Алмонд, С. Верба, проанализировавшие связь политической культуры с различными типами политических систем. В их работе отмечается, что политическая культура, с одной стороны, является частью общей культуры общества, с другой – связана с определенной политической системой, которая господствует в данном обществе [1].

С понятием политической культуры общества тесно связано явление политкорректности. Для того чтобы лучше понять этот феномен, обратимся к определению термина, которое дается в толковых словарях.

В «The Oxford Dictionary of New Words» подчеркивается, что в целях соблюдения политкорректности следует избегать дискриминационного или оскорбительного языкового выражения и поведения. Политкорректность определяется как подчинение либеральным или радикальным убеждениям в отношении социальных вопросов, характеризующееся уважением принятых идей и отказом от языка и поведения, которое можно считать дискриминационным или оскорбительным [31].

Авторы словаря «Random House Webster's Dictionary» определяют социально значимые сферы, которые требуют политкорректности, подчеркивая, что она означает приверженность к прогрессивным общепринятым взглядам по вопросам, касающимся расы, пола, сексуальной ориентации и экологии [36].

Авторитетный французский толковый словарь «Ларусс» акцентирует императивный характер политкорректности, требующий запрета оскорбительного отношения к социальным группам, представляющим меньшинство. «Политкорректность – это дискурс, поведение, целью которого является запрет на все то, что могло бы оскорбить членов разных категорий и групп, представленных в меньшинстве, заставляя их чувствовать себя неполноценными» [14].

В русском языке, несмотря на то что феномен политкорректности исследуется учеными и широко освещается в СМИ, словосочетание *политическая корректность* не нашло отражения в словарях.

Российский ученый Н. Г. Комлев указывает на исторические корни феномена, увязывая его с американской политической культурой: «политическая корректность, политкорректность – утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной американской политики» [11]. Автор отмечает, что политкорректность имеет дело с корректировкой языкового кода.

Характеризуя политкорректность как идеологию, В. И. Карасик отмечает, что она является основной чертой англоязычного политического дискурса [9].

В рамках лингвистического и лингвокультурологического подходов [9; 2; 10; 13; 15; 20; 21] политкорректность рассматривается не только как элемент политической культуры, но и как многоаспектный языковой и лингвокультурный феномен.

Терминологически увязывая политкорректность с языком, С. Г. Терминасова выделяет такой ее аспект, как замену одних языковых выражений на другие, что позволяет устранить болезненные, чувствительные моменты, унижающие человека. «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинство индивидуума» [21, с. 216]. По сути, речь идет о корректировке языкового кода, которую подметил Н. Г. Комлев.

В дефиниции Л. В. Цуриковой акцент ставится на поведенческом и языковом характере политкорректности, характеризуемой как

реакция членов общества на создаваемую этим обществом дискриминацию, направленную против отдельных групп. Политическая корректность в таком понимании представляет собой «поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую обществом дискриминацию в отношении различных членов этого общества» [22, с. 94].

Многообразие подходов к политической корректности, рассматриваемой как: феномен [22], явление [21], идеология [9], поведение [19], дискурс [27], изучаемой с точки зрения соотносительности политкорректности с политической культурой, обществом, языком и т. д., свидетельствует об отсутствии терминологической определенности, о неоднозначной трактовке и о недостаточной изученности этого явления. Остается открытым и вопрос о генезисе самого явления, в частности, его связи с процессом эвфемизации. Некоторые ученые исследуют политкорректные термины в рамках эвфемистических обозначений [23; 20], другие не соотносят политкорректность и эвфимию [2; 8]. Ряд исследователей, изучавших эвфемизмы, не выделяют политкорректную лексику [12; 4].

Интересным представляется подход, согласно которому политкорректные термины, являющиеся частью политкорректной идеологии, могут строиться по принципу эвфемии, но это происходит далеко не всегда. В этом случае, если соблюдается принцип эвфемии – смягчение восприятия ситуации при помощи другого наименования, – появляется политкорректный эвфемизм, как разновидность непрямой коммуникации [6].

Политически корректный эвфемизм – это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения [10].

Невозможно считать исследование политкорректной лексики в политическом дискурсе полным, не изучив основные способы ее образования.

Обратимся к рассмотрению основных лингвистических средств выражения политкорректности во французском политическом дискурсе. Ограничимся в рамках данной статьи рассмотрением отдельных тем, входящих в сферу действия политической корректности: социальной, расовой и сексуально маркированной.

Изучение социальной политкорректности во французском политическом дискурсе выявляет следующее: эффе́ктивным способом

замещения слова с негативно-оценочным семантическим компонентом является аффиксация. Примером может служить образование *sans-papiers* (букв. 'без документов'¹), замещающее слово *clandestine* (незаконный, незарегистрированный):

Vous avez demandé sous la pression *des sans-papiers* et des verts à ce que l'ensemble des immigrants en situation régulière se déclare... [26, с. 13].

Вы потребовали под давлением лиц «без документов» и «зеленых», чтобы все законные эмигранты объявили о себе.

Данное высказывание является упреком в адрес Ф. Олланда в том, что он поддался давлению нелегальных иммигрантов, потребовавших, чтобы легальные иммигранты также предъявляли доказательства своего законного пребывания во Франции.

Образованное посредством аффиксации окказиональное существительное *sans-papiers* дает возможность Н. Саркози, использующему это слово в своей речи, избежать узуального, стилистически маркированного слова *clandestine*, негативная коннотация которого связана с обозначением тайного, скрытого, постыдного [14]. Существительное *sans-papiers* образовано с помощью префикса *sans-*, развившегося от омонимичного предлога, по синхронической модели «*sans-* + существительное». В диахроническом плане имела место субстантивация предложного словосочетания (см., например, аналогичные образования: *sans-coeur* (букв. без сердца) – бессердечный человек, *sans-culotte* (букв. 'без штанов') – республиканец.

По сути, образованное посредством аффиксации нейтральное слово *sans-papiers* является политкорректным эвфемизмом, заменяющим неpolitкорректное *clandestine*. Ведь отсутствие документов может носить и случайный, непреднамеренный характер. В самом слове нет указания на нечто заведомо постыдное, неприличное, в отличие, скажем, от того же *clandestine*. Заметим, что префиксальное производное *sans-papiers* в данном контексте используется в переосмысленном значении: речь идет не о людях, не имеющих документов вообще, а об отсутствии регистрации, дающей иммигрантам право на жительство и другие права во Франции.

Следующее предложение представляет собой пример использования семантически переосмысленного прилагательного *sensible*:

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – Т. К., Н. К.

Que peuvent-ils vraiment connaître, protégés qu'ils sont par leurs fonctions, par leurs privilèges, par leurs résidences des quartiers encore épargnés, des réalités des banlieux à risque, des cités dites 'sensibles', des zones de non-droit ? [5, с. 74]

Что они могут действительно знать, защищенные своими функциями, привилегиями, живущие, к тому же, в охраняемых кварталах, о реальности пригородов, находящихся в зоне риска, о так называемых «чувствительных» кварталах, зонах «бесправия»?

Эвфемистическая функция политкорректного прилагательного *sensible* (чувствительный) заключается в том, чтобы заменить предложную группу *en difficulté* в словосочетании *le quartier en difficulté* (проблемный квартал), которое обозначает кварталы, населенные иммигрантами и малоимущими. В приведенном высказывании политкорректный эвфемизм неслучайно выделяется кавычками, содержит оговорку *dites* (так называемый) и сопровождается метаязыковым комментарием, а именно поясняется существительным *non-droit* (букв. 'без права'), образованным при помощи префикса *non-*.

Напомним, что под метаязыковыми комментариями понимаются разного рода пояснения к языковым единицам (словам, звукам, грамматическим формам). Такие комментарии могут разъяснять значение слова, указывать на особенности употребления, давать различные оценки словам, описывать ассоциации, которые вызывает та или иная единица языка [35].

Интересно, что если в вышеприведенном примере окказиональное слово *sans-papiers* служило целям политкорректности, будучи эвфемистическим наименованием нелегальных иммигрантов, то окказионально образованное существительное *non-droit* прямо указывает на бесправие этих людей. Казалось бы, здесь речь не идет об эвфемизации и политкорректности. Но такое представление складывается лишь при поверхностном взгляде на ситуацию. Если вспомнить, что кварталы, в которых живут иммигранты и бедняки, получило метафорическое наименование в виде фразеологизма *banlieue pourrie* (гнилой пригород), то мы приходим к другому выводу, а именно, что окказиональный префиксальный дериват *non-droit* также является политкорректным эвфемизмом.

Одним из продуктивных способов создания политкорректных вариантов слов является сокращение и в первую очередь аббревиация инициального типа. Как известно, аббревиатура, по сравнению

с прототипом – полным наименованием, – увеличивает расстояние между денотатом и сигнификатом. Х. Роусон объясняет причину популярности аббревиатуры как способа эвфемизации, подчеркивая, что «плохие слова не так уж плохи, когда они аббревируются» [28, с. 11].

В следующем высказывании содержится инициальная аббревиатура l'IVG, означающая добровольное прерывание беременности (*interruption volontaire de grossesse*), т. е. не что иное, как аборт (*avortement*), осуждаемый по этическим и религиозным основаниям, как акт, обрывающий зародившуюся жизнь. Трехсловное словосочетание, являющееся эвфемизмом, маскирующее явление, заменяет негативно-оцениваемое слово *аборт* на нейтральное *добровольное прерывание беременности*, которое затем замещается аббревиатурой, еще более затемняющей означаемое явление. Заметим, что в приведенном исходном словосочетании, послужившем основой для аббревиатуры, имеется прилагательное *добровольное*, содержащее в своей семантике позитивно-коннотируемый признак (свобода, воля, самостоятельность в принятии решения). Эвфемизмом, замещающим обозначение аборта, является как собственно словосочетание, так и возникшая на его основе инициально-буквенная аббревиатура:

Thierry Coudert, ancien directeur de cabinet de Brice Hortefeux, pronostique que le Président ne se prononcera sur le sujet qu'au dernier moment de la campagne : 'Pour son deuxième mandat, cela pourrait être une réforme aussi majeure que l'IVG sous Giscard ou l'abolition de la peine de mort pour Mitterand', espère-t-il encore... [18, с. 47]

По прогнозу Тьерри Кудеру, бывшего руководителя кабинета Бриса Ортефе, президент примет решение по данному вопросу в последний момент кампании: «Для второго срока его президентских полномочий это могло бы быть такой же главной реформой, как ДПБ (добровольное прерывание беременности) при правлении Жискара либо отмена смертной казни для Миттерана», как он еще надеется...

Весьма актуальными являются проблемы, связанные с иммиграцией в западных странах и во Франции, в частности.

Приведем следующее предложение, содержащее лексему *jeunes*, обозначающую молодых иммигрантов, создающих во Франции целый ряд проблем.

La bataille rangée (à la suite d'une tentative de contrôle d'identité) qui a opposé, samedi dernier, un groupe d'une cinquantaine de 'jeunes' et des policiers [5, с. 77].

Драка, возникшая в результате попытки полиции проверить документы, удостоверяющие личность, столкнула в прошлую субботу группу из пятидесяти 'молодых' и полицейских.

Mohammed était un home tranquille. Poussé à bout par des 'jeunes', il a craqué. La police savait tout ça. Mais la police n'a rien fait contre les voyous, surconnus, hyperconnus par de graves actes d'incivilité» [5, с. 81].

Моххамад был спокойным мужчиной. Доведенный до предела 'молодыми', он не выдержал. Но полиция не предприняла никаких мер против хулиганов, очень известных, чрезвычайно известных своим хамским поведением.

Si les 'jeunes' [issus de l'immigration] étaient moins nombreux à croire dans la religion musulmane, ce serait la guerre civile» [5, с. 59].

Если бы «молодых» [иммигрантов], верующих в ислам было бы меньше, это была бы гражданская война.

Fred Nailon дает следующее определение существительного: *des 'jeunes', c'est-à-dire des jeunes immigrés, des Arabes, des Noirs (Молодые, то есть молодые иммигранты, арабы, черные)* [5, с. 76]. В данном случае можно говорить о метавысказывании. Слово *jeunes* образовано посредством эллипсиса (отсечения в словосочетании *des jeunes immigrés* финального существительного) и последующей субстантивации (неполной конверсии, преобразования прилагательного *jeunes* в существительное *des jeunes*).

Налицо также переосмысление прямого значения и развитие на его основе метонимического наименования, основанного на смежности связанных понятий: иммигрантов называют молодыми по одному из присущих им признаков. Прямая номинация заменяется косвенной, употребление политкорректного эвфемизма *des jeunes* позволяет избежать указания на этническую принадлежность, воспринимаемую как дискриминация по национальному признаку, и обозначить лишь юный возраст участников противоправных действий. Напомним, что дискриминация означает ограничение в правах, лишение равноправия [38].

До сих пор речь шла о создании и использовании во французском политическом дискурсе политкорректной лексики. Приведем пример иного рода, который при поверхностном взгляде кажется проявлением политкорректности.

Est-ce aussi pour ne pas “stigmatiser” les jeunes issus de l’immigration que leurs noms sont remplacés par des patronymes européens quand ils sont mis en cause? L’an dernier, le Monde avait rebaptisé *Vladimir* le jeune *Souleymane*, un mineur d’origine tchétchène mis en examen pour le meurtre de Killian [16, с. 16].

Не для того ли, чтобы не «клеймить» молодежь, иммигрантов, их имена заменяются на европейские, когда им предъявлено обвинение? В прошлом году газета «Le Monde» переименовала во *Владимира* молодого чеченца *Сулеймана*, задержанного за убийство Киллиана.

При более внимательном взгляде на ситуацию приведенный пример можно считать проявлением псевдополиткорректности. Напомним, что *псевдо-* как компонент сложных слов используется в значении «мнимый», «ложный» [38].

Следует отметить, что «имена людей, как правило, являются немотивированными в том смысле, что они не передают черт их носителей, хотя и не лишены способности выражать некоторые социологические признаки: например, пол, возраст, национальную принадлежность, принадлежность к определенному социальному слою или способность в отдельных случаях ассоциироваться с именами известных лиц или литературных персонажей» [17, с. 39].

В приведенном предложении речь идет о переходе от конкретного имени *Сулейман* – частного, отдельного имени, т. е. от *называния*, – к общему, родовому наименованию, т. е. *обозначению явления*. При этом имя в определенной мере становится «говорящим» [token name], акцентируя чуждую для французов этническую принадлежность, иными словами актуализируя социологический компонент. В рассмотренном контексте реализуется и коннотативный компонент, указывающий на негативную оценку французами мусульман как носителей этого имени.

Вместо настоящего имени чеченца звучит русское имя *Владимир*, приобретающее обобщенное значение, не имеющее в данном случае референта. Будучи весьма распространенным именем у русских, оно хорошо известно и за пределами России. Имя *Владимир* не только прочно ассоциируется с русскими, но и, учитывая сегодняшние политические реалии, вызывает известные ассоциации, связанные с именем президента России. Использование этого имени служит – невольно или преднамеренно – разжиганию русофобии, нагнетанию

национальной розни, так как преступление одного человека (чеченца), по сути, приписывается целой нации (русским).

Здесь можно вести речь не только о псевдополиткорректности, но и псевдоэвфемизации, поскольку нет никаких оснований для эвфемистического переименования объекта, а есть намерение повести читателя «по ложному пути интерпретации проблемы, освещаемой в дискурсе» [6, с. 13].

С лингвистической точки зрения в данной псевдополиткорректной замене наименования наблюдаем метонимизацию: замену одного имени другим, связанным с ним отношениями смежности. В основе связей имен лежат экстралингвистические факторы – ведь как граждане и чеченцы, и русские представляют одну страну – Россию. Приведенный пример ложной политкорректности следует отличать от неполиткорректности, т. е. преднамеренного использования прямых наименований, считающихся в данной лингвокультуре обидными, оскорбительными (например, *Arabes, Noirs* для обозначения национальности иммигрантов).

Рассмотрев проявление политкорректности в социальной и расовой сферах, обратимся к этому феномену в отношении сексуально-маркированных наименований, в частности к политкорректной лексике, обозначающей сексуальные меньшинства.

Самым распространенным способом образования политкорректной лексики, связанной с гомосексуальными отношениями, является сокращение по типу апокопы – отсечение финального компонента слова, а именно части *sexuel*. При этом начальная часть слова из связанной морфемы – полуаффикса – превращается в свободную, корневую морфему, претерпевая при этом субстантивацию – приобретение признаков существительного. Этот процесс имеет место при преобразовании прилагательных *homosexuel, hétérosexuel, transsexuel, bisexuel* в имена *homo, hétéro, trans, bis*.

Отсечение финальной части, обозначающей сексуальные отношения, имеет эвфемистические основания, имплицитно указывая на нечто «неприличное», «постыдное», якобы корящееся в самих отношениях между полами. Подобная эвфемизация вскрывает негативный, по сути, взгляд на нормальные человеческие отношения. Субстантивация в первых двух словах – *homo, hétéro* – имеет полный, заверченный характер, на что указывает возможность использования

их в разных формах существительного, а также выполнения ими синтаксических функций, свойственных существительным. Это видно, например, в следующем предложении, в котором слово *homo* стоит во множественном числе и выступает в функции определения к слову *couples* (пары):

Franck Riester, député-maire de 38 ans, qui a fait début-décembre son *coming-out* et s'est prononcé en juin dernier à la tribune de l'Assemblée nationale pour l'ouverture du mariage et de l'adoption aux couples «*homos*» [18, с. 47].

Франк Риестер, заместитель мэра, которому исполнилось 38 лет, в начале декабря признался в своей гомосексуальности, а в июне высказался с трибуны Национальной ассамблеи в защиту брака и усыновления детей *гомопарами*.

Одним из способов создания политкорректной лексики, связанной с обозначением гомосексуальных связей, служит заимствование. Таковым является в вышеприведенном примере неассимилировавшееся заимствование из английского языка *coming-out*, означающее признание в гомосексуальности [39]. Приведем пример использования этого англицизма совместно с другим английским заимствованием – словом *gay* (*гей*, *гомосексуалист*):

Plus globalement, rester au placard renforce l'idée qu'il y a quelque chose de honteux à être *gay*. C'est pourquoi nous devons faire notre *coming-out* [35, с. 46].

В целом, молчание только укрепляет мысль о том, что быть *геем* стыдно. Поэтому мы должны *признаться в нашей гомосексуальности*.

Интересно то, что в английском языке слова *coming-out*, *gay*, а также *queer*, *pride* и другие, связанные с обозначением гомосексуальных отношений, представляют собой метафорически переосмысленные наименования (их первичное значение таково: *coming-out* – *выступление с разоблачением*; *gay* – *веселый*, *queer* – *странный*, *pride* – *гордость* [35]). Это означает не что иное, как замену прямого наименования косвенным, т. е. то же сокрытие, эвфемистическую маскировку истинного положения вещей – гомосексуализма.

В обозначении секс-меньшинств также используется инициальная аббревиатура, заимствованная из английского языка, проникшая не только во французский, но и в другие европейские языки, в частности, русский: LGBT (*lesbiennes*, *gays*, *bisexuels*, *transgenres*) (ЛГБТ):

Le philosophe Didier Eribon, spécialiste de Foucault et de la question gay, s'y inquiétait de voir qu'après avoir été la cible de 'discours conservateurs et homophobes – de droite et de gauche', le mouvement *LGBT* devenait 'à nouveau la cible de toutes les dénonciations possibles et imaginables, mais cette fois au nom d'un regard qui se veut critique, radical et d'une politique qui se veut anti-oppressive' [18, с. 49].

Философ Дидье Эрибон, специалист по Фуко и по проблемам геев, был обеспокоен тем, что после того, как движение *ЛГБТ*, некогда бывшее мишенью «гомофобных и консервативных речей партии правых и левых», вновь становится мишенью всех возможных мыслимых обвинений, но на этот раз это делается от имени тех, кто считает себя критиками и радикалами, и от имени политики, которая видит себя силой, выступающей против подавления.

Итак, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: во французском политическом дискурсе задействованы такие способы образования политкорректной лексики, как словообразование, семантическое переосмысление и заимствование. Среди способов словообразования выделяются аффиксация, инициальная буквенная аббревиация и финальное сокращение слова (апокопа). Задействованы также субстантивация и опущение слова в словосочетании (эллипсис). Семантическое переосмысление может иметь метафорический (*sensible*) и метонимический (*des jeunes*) характер.

С лингвистической точки зрения политкорректность представляет собой сложное многогранное явление, в которое чаще всего одновременно вовлечены разные языковые процессы. Нередко происходит наложение разнородных лингвистических процессов: семантическое переосмысление может сопровождать аффиксацию, лежать в основе заимствованного наименования.

Политкорректность часто основывается на эвфемизации. При этом происходит замена прямой номинации косвенной. Под маской политкорректности может выступать противоположное явление – псевдополиткорректность, которую следует отличать от неполиткорректности как преднамеренного использования прямых наименований, считающихся в данной лингвокультуре недопустимыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

2. *Асеева Ж. В.* Лексические средства выражения политической корректности в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск : ИГЛУ, 1999. – 18 с.
3. *Базылев В. Н.* К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России-2 : материалы рабочего совещания. Москва, 29 марта 1998 г. – М., 1998. – С. 6–8.
4. *Баскова Ю. С.* Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 23 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
6. *Ботороева Ю. С.* Лингвосомиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры (на материале английского языка) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 20 с.
7. *Герасименко Н. А.* Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России. – М., 2002. – С. 20–23.
8. *Дьяченко И. А.* Симулятивные знаки политической корректности в англо-американском манипуляционном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 146 с.
9. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
10. *Киселева Т. В.* Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира : материалы Междунар. науч. конф., 7–10 октября 1997 г. – Казань : Казанский гос. ун-т, 1998. – Т. 1. – С. 115 [Электронный ресурс]. – URL : http://www.ken.ru/lat_ru/science/news/lingv_97/n62.html
11. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. – М. : Эксмо-пресс, 1999 [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.inslov.ru/html-komlev/p/politi4eska8-korrektnost5-politkorrektnost5.html>
12. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – 1994. – № 1. – С. 28–49.
13. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь, 1995.
14. Ларусс. Толковый словарь французского языка [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/correct/19417/locution?q=politiquement+correct#153749>
15. *Леонтович О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
16. *Мезенин С. М.* Стилистическая функция личных имен в драматических произведениях Шекспира // Вопросы теории английского языка : сб. тр. – Вып. 2. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. – С. 39–52.

17. *Мюллер В. К.* Большой англо-русский словарь. – М. : АСТ. : Екатеринбург : У-Фактория, 2010. – 1536 с.
18. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. – 28-е изд., перераб. – М. : Мир и Образование : Оникс, 2012. – 1376 с.
19. *Островская Т. В.* Дихотомия Aggression vs Tolerance в русском и английском коммуникативном поведении // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №1. – С. 198–201.
20. *Панин В. В.* Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень : ТГУ, 2004. – 217 с.
21. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово / Slovo, 2000. – 264 с.
22. *Цурикова Л. В.* Политическая корректность как социокультурный и прагматический феномен // Эссе о социальной власти / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 94–102.
23. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М. : Гнозис, 2003. – 326 с.
24. *Шляхтина Е. В.* Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах : дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2009. – 174 с.
25. *Andrews E.* Cultural Sensivity and Political Correctness: The Linguistic Problem of Naming // *American Speech: A Quarterly of Linguistic Usage.* – 1996. – P. 389–404.
26. *Hailon F.* Idéologie par voix/e de presse / Fred Hailon. – P. : L'Harmattan, 2011. – 298 p.
27. *Lebouc G.* Parlez-vous le politiquement correct ? – Bruxelles : Éditions Racine, 2007. – 125 p.
28. Les Inrockuptibles. – 11.01.2012. – P. 46–49.
29. *Mercier A.* La communication politique. – P. : CNRS ÉDITIONS, 2008. – 161 p.
30. *Morris S.* Political Correctness. – New Haven : Yale Univ. Press, 1999. – 39 p.
31. *ODNW: The Oxford Dictionary of New Words.* – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 1542 p.
32. *Oulahbib L.-S.* Le politiquement correct français. Épistémologie d'une crypto-religion. – P. : L'Harmattan, 2012. – 150 p.
33. *Pommier F.* Paroles, Paroles. Formules de nos politiques // Éditions du Seuil, février 2012. – 206 p.
34. *Quême Ph.* Vertus et perversions françaises du discours politique... Plaidoyer pour un discours «vrai». – P. : L'Harmattan, 2008. – 256 p.
35. *Rawson H. A.* Dictionary of Euphemisms and other Doublespeak. – NY. : Crown Publishers Inc., 1981. – 463 p.
36. *RHWD: Random House Webster's Dictionary.* – RHWD Inc., 1993. – 792 p.

37. *Taylor J. Are You Politically Correct / J. Taylor // Are You Politically Correct?: Debating America's Cultural Standards.* – Buffalo, NY : Prometheus Books, 1993. – P. 15–33.
38. Valeurs actuelles. – 29.08.2013. – 16 p.

ОТЗВАНА 05.03.2019

УДК 81'271.2

А. А. Кирьянова

аспирант кафедры грамматики и истории французского языка
факультета французского МГЛУ
e-mail: insaf787@yahoo.com

НЕКООПЕРАТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

В статье рассматривается некооперативное речевое взаимодействие во французских электронных СМИ, проводится дифференциация понятий «общение», «коммуникация» и «речевое взаимодействие», исследуются и анализируются причины коммуникативного диссонанса, а также роль функции и значение личностных характеристик говорящих в ситуации коммуникативного провала.

Ключевые слова: меди диалог; манипуляция; некооперативное речевое взаимодействие; стресс.

Kiryanova A. A.

Postgraduate student, Department of the French Language Grammar and History, Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: insaf787@yahoo.com

NON-COOPERATIVE INTERACTION AS ONE OF THE COMMUNICATION FORMS IN THE ELECTRONIC FRENCH MEDIA

The article describes non-cooperative verbal interaction in French electronic media, differentiating such concepts as “communication”, “intercourse” and “verbal interaction”, analyzing the communication dissonance basis, as well as personal characteristic role, functions and importance in the situation of the communicational fail.

Key words: media dialog; manipulation; non-cooperative interaction; stress.

В статье анализируются некоторые формы некооперативного речевого взаимодействия в телевизионном меди диалоге на материале предвыборных теледебатов во Франции. Но прежде, чем приступить к рассмотрению особенностей такого взаимодействия, дадим определения терминам, которые мы будем использовать в нашей работе.

Прежде всего необходимо определить такие ключевые понятия, как *коммуникация* и *общение*, поскольку некооперативное взаимодействие

является одной из форм существования речевой практики. Так, *коммуникацию*, вслед за Е. В. Ждановой, мы понимаем как акт общения, целью которого является информационный обмен между коммуникантами. *Общение*, напротив, комплексный и многоплановый процесс, сущность которого заключается во взаимодействии коммуникантов, установлении взаимопонимания и достижении наиболее благоприятного сотрудничества [3, с. 11].

Что касается *взаимодействия*, то это философская категория, отражающая процессы воздействия субъектов друг на друга, их взаимную обусловленность. В этой связи *речевое взаимодействие* следует рассматривать как сложный процесс, протекание которого определяется как биологическими, так и социальными факторами. В самом деле, в речевом взаимодействии субъектов участвуют их мышление, воля, эмоции, знания, память, т. е. речемыслительная, волевая, эмоциональная, интенциональная и когнитивная сферы индивида.

Человеческое общение, по данным исследователей, на две трети состоит из речевого взаимодействия. Именно поэтому в данной статье термины «речевое взаимодействие» и «общение» будут использоваться в качестве синонимов. Следует, однако, подчеркнуть, что в строгом смысле слова целесообразно разграничивать эти два понятия. Так, например, поступает Т. Н. Астафурова, рассматривающая общение как трехступенчатую структуру, в которую входят:

- 1) коммуникация, проявляющаяся в обмене информацией;
- 2) интеракция, направленная на организацию взаимодействия между коммуникантами;
- 3) перцепция, состоящая в чувственном восприятии информации, поступающей от адресанта [1].

Речевое взаимодействие осуществляется поэтапно. Применительно к говорящему поэтапность речевого взаимодействия может быть представлена в следующем виде:

- 1) составление внутреннего плана высказывания (рассуждение по поводу предмета речи и обдумывание высказывания);
- 2) порождение и структурирование высказывания (извлечение языковых единиц, необходимых для его построения);
- 3) говорение (воплощение высказывания в материальных акустических сигналах).

Структура речевого взаимодействия включает в себя следующие элементы: говорящий (адресант речи), слушающий (адресат речи),

предмет речи (определенный фрагмент действительности, информация о котором определяет содержание речи), язык (коммуникативный код, известный обоим участникам речевого взаимодействия), высказывание (построенное по определенному образцу сообщение о чем-либо, в определенной речевой ситуации).

С точки зрения слушающего, речевое взаимодействие предстает как последовательность следующих этапов:

- 1) составление внутреннего плана (прогнозирование высказывания собеседника, представление о том, что он может сказать по поводу предмета речи);
- 2) восприятие, или перцепция (декодирование словесных знаков, интерпретация смысла высказывания и его оценка, принятие или непринятие);
- 3) реагирование (речевой или поведенческий отклик на высказывание) [2].

Говоря о речевом взаимодействии, или общении, обычно различают его кооперативную и некооперативную формы. При кооперативном общении оценки, отношения, предпочтения, установки коммуникантов непротиворечивы и находятся в соответствии друг с другом, поэтому диалог строится в тональности согласия. Однако подобное речевое взаимодействие, полностью опирающееся на прагматический принцип кооперации, сформулированный Г. П. Грайсом, имеет место лишь в условиях идеального общения. Между тем, общеизвестно, что в беседе люди стараются воздействовать друг на друга, навязать собеседнику свое мнение, скрыть нежелательные для себя факты, уйти от ответа на неприятные для себя вопросы и т. д. Так что наряду с «принципом кооперации» можно говорить о «принципе некооперации», базирующемся на приоритете говорящего над интересами слушающего [5]. Иначе говоря, реактивная реплика собеседника в перлокутивном плане далеко не всегда соответствует ожиданиям автора стимульной реплики диалога. Именно так можно охарактеризовать вопрос, являющийся реакцией на директивную реплику-стимул, или встречный вопрос, являющийся ответом на вопрос иницилирующий [4].

В целом, при некооперативном (конфликтном, конфронтационном) общении оценки, позиции, установки коммуникантов находятся в противоречии, а диалоги строятся в тональности несогласия (возражение, отказ, ссора, брань и т. д.). И хотя между двумя этими

полюсами располагается богатая гамма оттенков, в лингвистике начали говорить не только о коммуникации, но и о некоммуникации.

Термин «некоммуникация» был введен Т. Кахлером для обозначения отсутствия взаимопонимания в общении, конфликтности или пассивности собеседника [7]. Первоначально он употреблялся в психологии, однако позже был заимствован лингвистикой для характеристики соответствующей ситуации.

Т. Кахлер выделяет три стадии некоммуникации: стадию драйвера, стадию маски, стадию отчаяния [7].

Согласно автору данной теории, реакции, или *драйверы* человеческого поведения в ответ на определенные стимулы, закладываются еще в детстве. Зачастую дети копируют поведенческие реакции своих родителей, близких родственников или друзей. Знание подобных реакций необходимо для понимания действий коммуникативных партнеров и их возможного прогнозирования. Т. Кахлер выделил пять основных драйверов: удовольствие, усилие, перфекционизм, ожесточение, торопливость:

- (1) *J.-M. Le Pen*: Vous, vous êtes devenu Français par le droit du sang, c'est-à-dire, par votre maman...

N. Sarkozy: Je vais vous donner une autre information qui est grave pour vous, parce que non seulement, moi, j'ai un père qui était étranger quand je suis né, mais le père de ma mère est étranger lui-même. C'est pour ça que le droit du sang est stupide, c'est pour ça que vous avez une idée folle dans la tête... [8]

Как видим, слова Ж.-М. Ле Пена о происхождении Н. Саркози спровоцировали стресс у последнего. Он не дал собеседнику договорить (драйвер торопливости) и употребил оскорбительные выражения в ответной реплике (драйвер ожесточенности).

После того как коммуникативные партнеры были спровоцированы на определенный тип поведения, т. е. *маску*, они начали преследовать не общие коммуникативные цели, а каждый свою индивидуальную. Таким образом, можно говорить об отсутствии взаимопонимания между собеседниками, являющемся проявлением некоммуникации:

- (2) *Journaliste*: Vous avez acheté votre appartement à un prix de 3 millions de francs, étant le député de l'Assemblée Nationale. Or l'Assemblée déclare qu'un député ne pouvait pas, à l'époque, emprunter plus de 1,2 million de francs. Comment avez-vous fait pour financer cet appartement?

N. Sarkozy (с усмешкой): Je vous remercie pour cette question très précise sur mon programme pour les cinq années qui viennent [8].

Из примера (2) видно, что Н. Саркози выбирает высмеивающий тип поведения (ироничную маску) по отношению к журналисту, что позволяет ему уклониться от ответа на прямо поставленный вопрос.

Стадия отчаяния характеризуется тем, что коммуниканты не получили в процессе взаимодействия ни информативного, ни психологического отклика. Реакции отчаяния обычно свидетельствуют о неуважительном отношении собеседников друг к другу, проявляясь, например, в формах подтрунивания, агрессии, настойчивости и т. п.:

(3) *J.-M. Le Pen:* Vous devez me laisser terminer mon sujet sur l'immigration, puisqu'il vous concerne, vous aussi...

N. Sarkozy: Non, non, non, mais ... si, si, si, si, si... [8]

Так Н. Саркози не дает Ж.-М. Ле Пену закончить фразу, настойчиво прерывая его и демонстрируя свое несогласие и неуважение к собеседнику.

Еще одной из причин некоммуникации является стресс коммуникантов. Соответственно, некоммуникацию такого рода можно квалифицировать как стрессовую.

Стресс в ситуации некоммуникации может проявляться и как психологическое явление (выражение лица, жестикация, тон собеседника и т. д.), и как языковое (оговорки, недомолвки, ругательства, оскорбления и т. д.):

(4) *J. Chirac:* C'est très socialiste notamment comme conception: quand quelque chose ne va pas, on fait un règlement, on crée une administration, on change un texte.

Alors, vous nous dites: "Moi, je vais faire de grandes réformes, je vais faire le quinquennat et je vais interdire le cumul". Moi, je ne suis pas contre le quinquennat, j'ai même soutenu cette démarche quand Georges Pompidou l'avait engagée...

L. Jospin: Me semblait-il plus récemment, je crois...

J. Chirac: Non, j'ai toujours dit que je n'étais pas contre le fait que le mandat dure cinq ans. En revanche, je suis contre l'ouverture de ce débat aujourd'hui... [9]

Данный пример взят из предвыборных теледебатов между Ж. Шираком и Л. Жоспеном в 2002 г. В ходе этих дебатов оппоненты были обязаны давать полные ответы на вопросы политических противников,

что было оговорено ведущими в начале телепередачи. Подробные ответы позволили бы зрителям и потенциальным избирателям лучше сориентироваться в предлагавшихся кандидатами программах. Однако из приведенного примера видно, что реплика Л. Жоспена спровоцировала стрессовую ситуацию, в которой Ж. Ширак дал некорректный ответ, отказавшись от разъяснений, и нарушил таким образом правила теледебатов.

Стресс как причина некоммуникации может быть спровоцирован и экстралингвистическими факторами:

- (5) *B. Obama*: Je tiens à féliciter Nicolas Sarkozy pour la naissance de sa fille. Je suis sûr que Julia est aussi belle que sa mère, qu'elle a la beauté de sa mère plutôt que de son père...

Аудитория смеется и аплодирует, так что президент Франции не может начать ответную речь в течение нескольких минут. Он адресует какие-то слова президенту Б. Обаме, но из-за смеха аудитории их не слышно. Наконец, в аудитории наступает тишина, и первыми словами Н. Саркози оказывается реплика: *Merci pour votre collaboration...* Снова раздается смех, аудитория аплодирует [8].

Пример (5) иллюстрирует стрессовую ситуацию, возникшую из-за реакции журналистов на шутку президента США, которая не позволила Н. Саркози правильно отреагировать на реплику американского коллеги, что привело к коммуникативному провалу, создав ненужный комический эффект.

Стрессовая некоммуникация в значительной степени обусловлена спонтанностью человеческой реакции. Так, в силу обратимости коммуникативного процесса спонтанные реакции одного из собеседников могут послужить «пусковым механизмом» для выбора неправильного речевого поведения другим:

- (6) *L. Jospin*: Enfin, en ce qui concerne le train de vie de l'Etat, je suis un peu inquiet, quand je vois le train de vie de la campagne de Jacques Chirac.

J. Chirac: Pour le train de vie de ma campagne, Monsieur Jospin, je puis vous dire que, conformément à la loi, mes comptes sont et seront publics.

L. Jospin: Vous l'avez vous-même évaluée à 87 millions. J'en ai dépensé que 42 et c'est un vrai problème parce qu'on sait que le Conseil Constitutionnel doit vérifier ensuite les comptes de la campagne.

J. Chirac: Le Conseil Constitutionnel pourra les juger, de même qu'il jugera les vôtres.

L. Jospin: Il a été affirmé à plusieurs reprises, y compris par des gens qui vous soutiennent, que vous aviez dépassé largement...

J. Chirac: Alors, n'accusez pas sans savoir, ou à partir de dit-on! [9]

Как следует из примера (6), Л. Жоспен, пытаясь спровоцировать Ж. Ширака, выбрал для обсуждения на теледебатах тему финансовых расходов на предвыборную кампанию. Однако Ж. Ширак отвечает на каждый из выпадов оппонента, используя его собственную аргументацию, чем вызывает у собеседника стресс. Это обстоятельство позволяет Ж. Шираку доказать легковесность и неаргументированность доводов политического противника.

Анализ примеров показывает, что стресс может вызывать у коммуникантов такие чувства, как беспокойство, ненависть, нетерпение, раздражение, страх, пренебрежение, замешательство и т. д. Проявление подобных чувств негативно сказывается на коммуникативных качествах индивида.

Одной из наименее явных, но тем не менее достаточно широко применяемых в медиакommunikации форм некооперативного взаимодействия является манипуляция собеседником. Возможность употребления понятия «манипуляция» применительно к общению часто отрицается, особенно когда речь идет о публичных формах. Манипуляция – это скрытый психологический прием, цель которого заключается в том, чтобы заставить адресата, вопреки его интересам, выполнить нужные адресанту действия. Анализ языкового материала показывает, что манипулятивные тактики являются одним из наиболее частотных приемов межличностного, социального и культурного взаимодействия.

Применительно к медиадиалогу можно выделить следующие формы манипуляции:

1. *Конспирационная манипуляция.* Конспираторы применяют тактику полумер, недомолвок, опираются на слухи и непроверенные факты с целью спровоцировать реакцию собеседника, встревожить его и добиться преследуемой цели. Так, в примере (1) Л. Жоспен в своей аргументации использует непроверенные факты, чтобы спровоцировать Ж. Ширака на стратегически неправильную реакцию в ходе предвыборных телевизионных дебатов.

2. *Гиперболизированная манипуляция.* Манипуляторы такого типа, как правило, пользуются фактами, словами, выражениями,

которые они почерпнули из предыдущего общения с тем же собеседником, искажая их для достижения своих целей. Подобные тактики позволяют говорящему скрыть свои истинные намерения.

- (7) *V. Giscard D'Estaing*: Vous dites, par exemple, réduction du taux TVA sur les produits de grande consommation, recrutement d'un certain nombre de fonctionnaires... Ce sont des décisions qu'un gouvernement chargé des affaires courantes ne peut pas prendre, donc la procédure que vous indiquez n'est pas réalisable [9].

В приведенном примере В. Жискара Д'Эстен использует тезисы, сформулированные ранее Ф. Миттерраном, и, основываясь на речи своего оппонента, опровергает его доводы.

3. *Манипуляция соблазна*. Соблазнитель чаще всего предстают в разговоре людьми улыбающимися и приятными. Они приспосабливаются к высказываниям собеседников, оказывают им «поддержку», подтверждая сказанное. Такие манипуляторы подчеркивают, что желают своему собеседнику исключительно добра и знают, в чем заключается выгода партнера [7]:

- (8) *L. Jospin*: Je ne crois pas qu'il faudrait dire que la protestation ne s'exprime qu'en direction de partis qui ne sont pas, disons, les grands partis traditionnels de notre pays. Eux aussi peuvent porter un protestation.

J. Chirac: Je voudrais d'abord dire que je suis dans le même état d'esprit que lui, naturellement. La protestation s'est exprimée partout, mais un très grand nombre de Français se trouvent dans une situation d'inconfort pour partager l'opinion... [9]

Как видно из примера (8), Ж. Ширак изначально соглашается со своим собеседником, подтверждая сказанное, но, «усыпив» бдительность собеседника, возвращается к своим собственным доводам.

4. *Симуляционная манипуляция*. Подобный тип оказания влияния на собеседника используется с целью вызвать у него чувство вины, желание исправить ситуацию и угодить своему речевому партнеру после ложной провокации, «подстроеной» агрессором:

- (9) *M. Durand*: Vous ne marquez pas une rupture par rapport à ce qu'on appelait traditionnellement la Monarchie républicaine à la française?

J. Chirac: Nous avons des institutions très remarquables, de mon point de vue. Elles nous ont été données par le Général de Gaulle, elles ont la souplesse et l'efficacité [9].

В данном фрагменте интервью журналист провоцирует Ж. Ширака на хвалебные высказывания в адрес государственных институтов, к реформе которых тот призывал в своей предвыборной речи.

Манипуляция считается состоявшейся, если после речевого взаимодействия собеседников, первый, выполнив определенные коммуникативные действия, оказал желаемое влияние на второго.

Французский исследователь Д. Шальвен выделяет три типа ситуаций возникновения манипуляции в общении [6]. В первом случае коммуникант-агрессор точно знает, какие цели он преследует в общении. Ситуация является благоприятной для достижения его целей, а коммуникативный партнер не отдает себе отчета в оказываемом на него воздействии:

(10) *V. Giscard D'Estaing*: Et est-ce que vous prendriez ces mesures?

F. Mitterrand: Plusieurs de ces mesures sont d'ordre réglementaire, c'est-à-dire sont de l'autorité du gouvernement...

V. Giscard D'Estaing: Ce sont des points très importants. Nous n'allons pas y rester – j'ai des questions plus importantes encore à vous poser – mais ce sont des questions importantes car il ne faut pas faire croire aux Français que vous aurez le pouvoir de prendre en main ou en jouin des décisions que vous ne pourrez pas prendre parce que, légalement, vous ne pourrez pas les prendre. Quand vous dites, par exemple *Je baisserai la TVA sur les produits de consommation courante*, vous n'aurez pas le droit de le faire...

F. Mitterrand: Oui, mais on peut augmenter le SMIC, monsieur Giscard D'Estaing... [9]

Из приведенного примера видно, что В. Жискара Д'Эстен попал под воздействие своего политического оппонента, опровергая один из наиболее значимых пунктов его предвыборной программы. Ф. Миттерран сослался на ранее не упоминавшуюся в дискурсе меру, поставив таким образом своего оппонента в невыгодное для него положение.

Во втором случае тот из партнеров, кто обладает более сильными позициями и лучше осведомлен, имеет преимущество над собеседником и может использовать общение в собственных целях. Менее осведомленный собеседник в силу сложившихся обстоятельств неосознанно выступает жертвой манипуляции:

(11) *J. Boissonat*: On peut bloquer les prix. Ce n'est pas contraire à la loi.

V. Giscard D'Estaing: C'est contraire à la coutume et une décision de cette nature serait d'ailleurs très vivement critiquée [9].

Как следует из примера (11), В. Жискар Д'Эстен лучше владеет ситуацией, чем журналист, берущий у него интервью. Знание обычаев и истории страны позволяет политику получить преимущество над коммуникативным партнером.

В третьем случае особую роль играют внешние факторы, например время и место речевого взаимодействия. Чем меньше времени у собеседника на размышление, тем больше он подвержен воздействию. Чем менее благоприятна среда коммуникации для одного из партнеров, тем более уязвимым он предстает в общении:

(12) *Возмущенные крики толпы, свист, раздаются оскорбление: «Dégage, Sarkozy!» В ответ на эту реплику президент прерывает свой доклад и произносит:*

N. Sarkozy: Si tu penses que c'est comme ça que tu vas régler la situation, vas-y, tu descends.

Однако оскорбление «Dégage, Sarkozy!» звучит снова и Н. Саркози отвечает на него репликой, впоследствии ставшей общеизвестной:

N. Sarkozy: Dégage-toi, pov'con! [8].

В примере (12) коммуникативная ситуация изначально не является благоприятной для Н. Саркози. Его освистывают, прерывают его речь выкриками оскорбительного характера, провоцируя на необдуманную реакцию. И действительно, оскорбление, произнесенное президентом в адрес обидчика, делает его уязвимым для политических оппонентов в дальнейших политических дискуссиях, поскольку президент позволил себе недопустимое речевое поведение в адрес коммуникативного партнера, нарушив коммуникативный этикет.

Итак, устранить коммуникативный диссонанс может лишь взаимное стремление собеседников к общению. В противном случае можно говорить о некоммуникации и даже конфликте между ними. Впрочем, тактика избегания конфликтов также может привести к возникновению некоммуникации, так как она провоцирует недосказанность. Конфликт часто необходим для достижения коммуникативной и личностной справедливости, поскольку посредством конфликтных ситуаций общения вскрываются истинные роли собеседников и устраняется возможность оказания давления одним собеседником на другого. Однако прямым следствием коммуникативного конфликта непременно являются взаимные обиды, стрессы и недопонимание, т. е. разные проявления некооперативного общения между говорящими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Астафурова Т. Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимой ситуации межкультурного общения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1997. – 41 с.
2. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М. : Высшая школа, 1972. – 616 с.
3. *Жданова Е. В.* Личность и коммуникация. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 176 с.
4. *Кудрявцева Н. Б.* Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка : дис. ... д-ра филол. наук – М., 2009. – 388 с.
5. *Николаева Т. М.* О принципе некооперации и / или категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М. : Наука, 1990. – С. 213–225.
6. *Chalvin D.* Du bon usage de la manipulation. – Issy-les-Moulineaux : ESF éditeur, 2001. – 222 p.
7. *Kahler T.* The Process Therapy Model: The Six Personality Types with Adaptations. – Paris : Editions image pour la formation, 2008. – 316 p.
8. *Politique.* Actualités récentes. – P., 2014. Quantité de pages est réglementée par le contenu [Электронный ресурс]. – URL : <http://politique.com/wp-content/uploads/2012/05/script-debat-hollande-sarkozy.pdf>
9. *Vie Publique.* – P., 2014. Quantité de pages est réglementée par le contenu [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.vie-publique.fr/discours/selection-discours/presidentielles-debats-televises.html>

УДК 81'373.45

Н. Ю. Кораблёва

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английского языка переводческого факультета МГЛУ
e-mail: korabl-nat@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОЛЕКТА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ СРЕДНЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ

Автор статьи исследует лексические отклонения от литературной нормы, встречающиеся в речи литературных персонажей средней возрастной группы в художественных произведениях французских и русских писателей. Теоретически обосновываются приведенные положения и подтверждаются многочисленными примерами.

Ключевые слова: идиолект; литературный персонаж; лексические особенности; отклонения от литературной нормы.

Korableva N. U.

Candidate of Philology (PhD); Associate Professor,
Department of the English Language,
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU
e-mail: korabl-nat@mail.ru

LEXICAL ASPECTS OF IDIOLECT OF MIDDLE-AGED LITERARY CHARACTERS

The aim of the article is to find and analyze lexical deviations from the literary norm which can be traced in the speech of middle-aged characters in French and Russian novels. The author substantiates theoretically the basic concepts of the article and supports them with numerous examples.

Key words: idiolect; literary character; lexical peculiarities; deviation from the literary norm.

Наряду с понятиями идиостиля писателя и идиостиля литературной личности в литературоведении и языкознании в последние десятилетия значительный научный интерес вызывает понятие «идиолект литературного персонажа» и его реализация в литературных произведениях.

Художественный образ персонажа, созданный писателем, отражает духовный мир личности, ее идеалы и стремления, проявляющиеся в чертах характера, поведении, образе мышления и социальной роли. Именно речь персонажа позволяет определить его принадлежность к той или иной среде, идентифицировать его социальный и культурный

уровни. В большинстве случаев речь персонажа способна более полно раскрыть его образ, нежели подробное авторское описание.

Речь литературных персонажей, принадлежащих к средней возрастной группе, в большинстве литературных произведений не имеет ярко выраженных особенностей, обусловленных возрастом. Речь представителей средней возрастной группы, принадлежащих к разным социальным слоям и имеющим разные уровни образования и воспитания, отличается кардинальным образом, приобретая с возрастом все более выраженные социальные черты.

В статье мы рассмотрим лишь лексические особенности идиолекта представителей средней возрастной группы низших слоев общества. Как правило, данные особенности проявляются в виде отклонений от литературной нормы. Именно они придают идиолекту литературного персонажа неповторимую индивидуальность и одновременно создают особые трудности при переводе.

Лексические отклонения от литературной нормы в речи персонажей-представителей средней возрастной группы в произведениях французских авторов проявляются в виде использования:

1) разговорных слов и выражений:

L'homme, bien connu, était Cornudet *le démocr*, la terreur des gens respectables [11, p. 62].

Nous dirons que tu as perdu la tête. En prévenant dans la matinée, on ne *se mettra pas dans la commise* [11, p. 77].

C'est selon, tout est loué. On pourrait voir tout de même [13, p. 180].

Mais j' paye, monsieur le Curé, j' paye toujours, du moment qu'on paye, *ni vu ni connu je t'embrouille* [10, p. 207];

2) просторечий:

Ça pourrait bien être le Noir [12, p. 138].

Vu que ... vu que je ne suis point accoutumé de ça. Et vu aussi que j'ai l'oreille un peu dure [10, p. 204].

Dire que j'ai point, quéquefois, compté quéque heure de plus de travail aux pratiques qu'ont des moyens, pour ça, je ne dis pas [10, p. 206].

Va li parler, Lévesque, pour qu'il ne nous guette point comme ça, parce que, mé, ça me tourne les sens [14, p. 255];

3) диалектальных слов и выражений:

J't'ai pas vendu, mé, j't'ai pas vendu, mon p'tiot [9, p. 120].

Faudrait de l'iau salée là-dessus [12, p. 138].

Faut jeter ça à la mer à c't'heure [12, p. 138].

Si le frère avait voulu couper le chalut, j'aurais encore mon bras, pour sûr. Mais il était regardant à son bien [12, p. 139];

4) apro:

Elle apostrophait de sa fenêtre les voisins sur leurs portes, les marchandes des quatre saisons, les balayeurs et les gamins qui, pour se venger, la suivaient de loin, quand elle sortait, en criant: «*A la chie-en-lit!*» [11, p. 66];

5) грубых слов и выражений:

Ça est une ancienne qu'a fait son temps [13, p. 183].

C'est entendu, c'est tout vu, c'est convenu ; à demain, monsieur le Curé. *Couillon qui s'en dédit!* [10, p. 204].

Анализ лексических отклонений от нормы, характерных для представителей низких слоев общества, проведенный на материале произведений художественной литературы отечественных авторов, выявил следующие особенности:

1) употребление просторечных слов и выражений:

А ты что за пава такая? Ништо тебе, не околеешь! [8, с. 286].

А ведь савраске-то беспрерменно лет двадцать уж будет, братцы! [1, с. 90];

2) использование сниженной лексики и сленговых выражений:

«Чего *дрыхнешь!*» – вскричала она, с отвращением смотря на него [1, с. 101].

Может, она шибко испугается, и, я так меречаю, может, она снова у нас разговорится [4, с. 183].

Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит [2, с. 86];

3) употребление форм прилагательных *такой, такая, какой, какая*, не соответствующих литературной норме современного русского языка:

Экая! Ведь ты ему этак ничего не обещала... [7, с. 219].

Учи ученого! *Экий*, господи, народ необразованный! Живи вот с *этакими...* очумеешь! [8, с. 285]

Экая милочка невеста-то, как свечка убранная! [6, с. 27];

4) использование просторечной формы слова *нету*:

Нету, воистинная моя правда [3, с. 39].

Нету гусяного сарая. Прямо-таки нету гусяного сарая [3, с. 41].

Нету, – говорю, – тебе, полячка, прощения во веки веков [5, с. 51];

5) немотивированное просторечное употребление частиц *то* и *ль*:

Который? Помоложе-*то*, *что ль*? А она-*то*, матушка, ни жива ни мертва! [6, с. 18].

Он ее армяком каким-то заткнул, дыру-*то* [7, с. 234].

Есть-*то*, будешь, *что ль*? [1, с. 101].

На основе проведенного нами параллельного анализа идиолектов литературных персонажей из произведений французских и русских авторов, мы можем сделать вывод о том, что на лексическом уровне отклонения от литературной нормы проявляются в виде употребления просторечных слов и выражений, сниженной лексики, сленговых выражений, арго, диалектальных слов и выражений.

Проанализировав речь литературных персонажей средней возрастной группы, принадлежащих к так называемым низким слоям общества, мы можем сделать следующие выводы:

- 1) в речи литературных персонажей данной возрастной группы многочисленны случаи лексических отклонений от существующей литературной нормы;
- 2) прослеживается прямая зависимость между социальной принадлежностью и степенью следования литературной норме.

Основываясь на анализе приведенных выше примеров, мы можем сделать выводы о том, что рассмотренные отклонения от литературной нормы выполняют определенные функции и используются авторами в следующих случаях:

- для придания большей достоверности образу литературного персонажа среднего возраста, имеющего низкий социальный статус;
- для индивидуализации персонажа, создания его речевого портрета;
- для характеристики социального происхождения героя;
- для характеристики уровня образования персонажа, его сознания и мышления;

– для характеристики уровня культуры персонажа.

Идиолекты литературных персонажей средней возрастной группы не содержат отличительных черт, обусловленных их возрастом в отличие от других возрастных групп, например: детей и подростков. Мы полагаем, что это связано как с реальной речевой ситуацией носителей русского и французского языков, принадлежащих к данной категории, так и с интенцией авторов рассмотренных нами литературных произведений, которым для создания запоминающихся образов литературных героев, оказалось достаточным использовать более яркие социально обусловленные речевые особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. – Л. : Художественная литература, 1978. – 559 с.
2. *Зоценко М. М.* Аристократка // Зоценко М. М. Избранное. – Л. : Художественная литература, 1978. – С. 85–88.
3. *Зоценко М. М.* Веселенькая история // Зоценко М. М. Избранное. – Л. : Художественная литература, 1978. – С. 184–186.
4. *Зоценко М. М.* Медицинский случай // Зоценко М. М. Избранное. – Л. : Художественная литература, 1978. – С. 182–184.
5. *Зоценко М. М.* Чертовинка // Зоценко М. М. Избранное. – Л. : Художественная литература, 1978. – С. 51–59.
6. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. – М. : Правда, 1964. – 432 с.
7. *Тургенев И. С.* Му-му. – Просвещение, 2004. – 33 с.
8. *Чехов А. П.* Хирургия // Чехов А. П. Избранное. – М. : Просвещение, 2004. – С. 20–24.
9. *Maupassant G. de.* Aux Champs // Contes et nouvelles choisis. – М. : Прогресс, 1976. – С. 116–123.
10. *Maupassant G. de.* La Confession de Théodule Sabot // Contes et nouvelles choisis. – М. : Прогресс, 1976. – С. 200–208.
11. *Maupassant G. de.* En Famille // Contes et nouvelles choisis. – М. : Прогресс, 1976. – С. 62–86.
12. *Maupassant G. de.* En Mer // Contes et nouvelles choisis. – М. : Прогресс, 1976. – С. 135–140.
13. *Maupassant G. de.* Miss Harriet // Contes et nouvelles choisis. – М. : Прогресс, 1976. – С. 177–195.
14. *Maupassant G. de.* Le Retour // Contes et nouvelles choisis. – М. : Прогресс, 1976. – С. 253–260.

УДК 81'276.6

В. А. Корнеева

аспирант кафедры грамматики и истории французского языка
факультета французского языка МГЛУ
e-mail: korneeva_va@mail.ru

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА ПОЛИФОНИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

В статье рассматривается категория полифонии, определяемая как свойство дискурса включать в себя гетерогенные элементы. К полифоническим явлениям, объединенным этим свойством, относятся диалогизм, интертекст / интертекстуальность, интердискурс / интердискурсивность и транстекстуальность.

Ключевые слова: полифония; диалогизм; интертекстуальность; интердискурсивность; транстекстуальность.

Korneeva V. A.

Postgraduate student, Department of the French Language Grammar and History, Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: korneeva_va@mail.ru

PRAGMALINGUISTIC PECULIARITIES OF THE PHENOMENON OF POLYPHONY IN THE FRENCH PRESS

The article is devoted to the study of the phenomenon of polyphony which is defined as the property of discourse to include heterogeneous elements and to its distinction from the related phenomena. United by this property polyphonic phenomena include dialogism, intertext / intertextuality, interdiscourse / interdiscursivity and transtextuality.

Key words: polyphony; dialogism; intertextuality; interdiscursivity; transtextuality.

Термин «полифония» появился в лингвистике в 1980-х гг. Слово *полифония* имеет греческое происхождение, восходя к прилагательному *πολύς* – *многочисленный* и существительному *ἡ φωνή* – *звук* [3], и буквально обозначает «многоголосие». Хотя первоначально данное понятие принадлежало области музыки, в лингвистическом значении оно стало широко использоваться в исследованиях таких ученых, как М. М. Бахтин, Ш. Балли, О. Дюкро, Ж. Женетт. Термин «полифония» также фигурирует в работах скандинавских языковедов Х. Нольке, М. Биркелунда и Р. Теркельсена, которыми была основана собственная школа полифонической лингвистики.

Что касается определения термина «полифония», то позиции лингвистов различаются и каждый из них вкладывает в это понятие свое содержание. Например, М. М. Бахтин считает, что «полифония – это присутствие в тексте нескольких голосов, которые звучат так, что ни один из них не является доминирующим» [1, с. 262]. О. Дюкро придерживается следующего определения: «полифония – это понятие, включающее в себя многочисленные случаи, когда позиция автора текста не совпадает с точкой зрения, представленной в самом тексте»¹ [8, с. 176]. Основываясь на дефинициях, данных лингвистами-основоположниками полифонических учений, и принимая во внимание этимологию слова *полифония*, мы предлагаем следующее определение интересующего нас явления: *полифония* – это наличие в тексте / дискурсе нескольких голосов (точек зрения), исходящих из разных источников и способствующих созданию неоднородности данного речевого произведения как в плане его структуры, так и в плане его интерпретации.

С использованием полифонии в аргументативных целях неразрывно связано употребление ряда терминов, среди которых следует назвать: коннекторы (реляторы, устанавливающие связь между частями текста и являющиеся главным средством обеспечения его связности); пресуппозиция (компонент смысла высказывания, который должен быть истинным для того, чтобы высказывание не воспринималось как аномальное в данном контексте); переданная речь (*discours rapporté*), т. е. «различные способы воссоздания чужой речи в процессе производства текста» [10, с. 47]. Кроме того, исследователи феномена полифонии широко используют понятие «точка зрения». В самом широком понимании точка зрения – это «выражение собственного или несобственного мнения по определенному поводу» [12]. Например, в нарратологии точка зрения рассматривается как фокализация. Подобной позиции придерживается Ж. Женетт, давая следующую дефиницию данного понятия: «Фокус, через который осуществляется восприятие содержащейся в повествовательном тексте информации; позиция, с которой повествуемое описывается и рассказывается» [12]. В полифонической лингвистике термин «точка зрения» соотносится с термином «*énonciateur*», введенным О. Дюкро для обозначения источника возможного мнения, а не самого высказывания [8].

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – В. К.

Изучая феномен полифонии, нельзя не упомянуть о родственных ему явлениях. К ним, например, относится *диалогизм*, о котором впервые заговорил М. М. Бахтин [1]. Согласно классической риторике, диалогизм рассматривается как «способ введения в текст фиктивного диалога» [10, с. 42]. М. М. Бахтин, применивший этот термин к анализу дискурса, наделил его новым содержанием, сохранив при этом элементы традиционного. По мнению М. М. Бахтина, всякое монологическое высказывание является таковым лишь внешне. Даже формально монологические высказывания, не участвующие в непосредственном речевом взаимодействии, на самом деле диалогичны. Ученый выделяет два типа диалогизма: 1) внешний диалогизм, при котором присутствие неоднородных текстов / дискурсов в одном выражено эксплицитно; 2) внутренний (имплицитный) диалогизм, являющийся лишь в ходе анализа текста / дискурса [1].

Что касается разграничения явлений полифонии и диалогизма, то М. М. Бахтин определяет полифонию как совокупность голосов, упорядоченных в речи. Феномен же диалогизма указывает на то, что эти голоса находятся в постоянном взаимодействии. Основываясь на данных дефинициях, М. М. Бахтин приходит к заключению, что смысл высказываний или целых текстов представляет собой точку зрения адресанта не изолированно, а во взаимодействии с другими источниками и точками зрения.

Исходя из идей М. М. Бахтина, можно утверждать, что смысл высказывания испытывает двойное воздействие: интердискурсивное и интерлокутивное. Первое предполагает систематический контакт высказывания с предшествующими высказываниями и текстами. Второе же является попыткой предвосхитить ответ адресата: «Опираясь на уже сказанное, дискурс в то же время определяется и еще не произнесенной, но ожидаемой репликой» [11, с. 8]. Иными словами, здесь имеются в виду два проявления диалогизма: внешнее (поскольку рассматриваются высказывания двух партнеров по диалогу) и внутреннее (каждое высказывание само по себе диалогично и включает в себя части уже существующих текстов / дискурсов, предвосхищая ответ собеседника). Таким образом, любое высказывание содержит в себе как минимум три голоса: точку зрения адресанта, точку(и) зрения, заимствованную(ые) из предшествующих дискурсов и предположительную реакцию адресата.

Опираясь на данные рассуждения, можно выявить следующую корреляцию: полифония представляет собой совокупность голосов в том или ином дискурсе, а диалогизм – отношения, связывающие эти голоса. Следовательно, явление полифонии шире диалогизма, поскольку оно служит основой для образования диалогических связей между неоднородными частями высказывания / дискурса.

Подобно диалогизму, родственными полифонии являются понятия «интердискурс» / «интердискурсивность» и «интертекст» / «интертекстуальность». Рассмотрим, как они соотносятся с полифонией.

Д. Менгено определяет «интердискурс» следующим образом: «Интердискурс – это совокупность интердискурсивных сущностей, принадлежащих предшествующим или современным дискурсам, с которыми конкретный дискурс состоит в имплицитной или эксплицитной связи» [10, с. 77]. Объемы дискурсов, являющихся частью данного, равно как и степень их выраженности, могут варьироваться. Интердискурс относится к интертексту так же, как дискурс к тексту. Выбор термина зависит от субстанции, к которой этот термин применяется. В этой связи следует напомнить формулу дискурса, предложенную французским лингвистом Ж.-М. Адамом: «Дискурс = текст + условия его производства. Текст = дискурс — условия его производства» [6, с. 39].

Термин «интердискурсивность» отсылает к системе правил, служащих основанием для конкретного интердискурса. При использовании понятия «интердискурсивность» акцентируется *характер связей между дискурсами*, являющимися частью данного дискурса, тогда как термин «интердискурс» означает *наличие частей инородных дискурсов* в анализируемом.

«Интертекстуальность», по определению Д. Менгено, трактуется двояко: как «основное свойство всякого текста» и как «совокупность эксплицитных и имплицитных отношений, в которых определенный текст состоит с другими текстами» [10, с. 78]. Термин «интертекстуальность» мог бы быть использован по примеру интердискурсивности, если бы мы временно пренебрегли разницей между дискурсом и текстом. Однако, как правило, термин «интертекстуальность» употребляется в связи с анализом литературных произведений.

Термин «интертекст» является эквивалентом для интердискурса, но, поскольку интертекст соотнесен с понятием текста, он отсылает «к совокупности текстов, соединенных интертекстуальными связями, к набору текстовых фрагментов в рамках одного текста» [10, с. 79].

Что касается различий между термином «полифония» и блоком терминов, представленных «интертекстом» / «интертекстуальностью» и другими феноменами, то их выбор зависит от предпочтений автора. Необходимо отметить, что для обозначения сходных явлений франкоязычные лингвисты чаще прибегают к термину «полифония» (Л. Перрен [11], Ж. Отье-Ревю [7]), а русскоязычные авторы (В. П. Москвин [2], Н. А. Фатеева [4], В. Е. Чернявская [5]) предпочитают говорить об «интертекстуальности» и «интертексте».

По нашему мнению, все перечисленные феномены имеют общую основу – *гетерогенность высказывания*. Гетерогенность высказывания представляет собой явление, которое неоднозначно трактуется в лингвистике. Впрочем, несмотря на его различные толкования, все ученые сходятся в том, что оно предполагает присутствие в одном дискурсе других дискурсов, отсылок к ним или инородных точек зрения. При этом Ж. Отье-Ревю считает, что гетерогенность высказывания может быть внешней и внутренней.

1. *Внешняя гетерогенность высказывания* предполагает видимое наличие стороннего (чужого) дискурса в другом дискурсе. Инородный дискурс может быть выражен эксплицитно, как этого требует оформление прямой (с помощью двоеточия, кавычек) или не прямой речи. В случае внешней гетерогенности высказывания очевидно несоответствие точек зрения автора текста и цитируемого источника. Чужой дискурс может также присутствовать в другом дискурсе имплицитно (несобственно-прямая речь, ирония, пастиш, аллюзия) и локализоваться адресатом благодаря имеющимся у него общим с адресантом культурным знаниям.

2. Под *внутренней гетерогенностью высказывания* имеется в виду имманентно присущее высказыванию свойство: дискурс «по своей природе неоднороден, вне зависимости от внешних признаков цитирования, аллюзии и т. д.» [7, с. 142].

Наконец, важное место среди полифонических явлений занимает феномен *транстекстуальности*, на котором мы остановимся более подробно, поскольку он будет широко использоваться в данной статье при рассмотрении конкретного языкового материала.

Основная идея **теории транстекстуальности**, сформулированной Ж. Женеттом, заключается в том, что при анализе текста / дискурса следует принимать во внимание максимально широкий контекст, включающий в себя не только имплицитное и эксплицитное

присутствие других текстов в анализируемом тексте, но и его окружение (заголовки, подзаголовки, иллюстрации, графики и т. п.), критику и жанровую принадлежность. Таким образом, необходимо анализировать не только сам текст, но и целый комплекс текстов, связанных с ним разнообразными межтекстуальными отношениями, что позволяет выявить гетерогенность рассматриваемого текста.

Ж. Женетт определяет транстекстуальность как «все, что устанавливает связь, явную или скрытую, между текстами» и рассматривает текст как «место встречи различных высказываний, заимствованных из других текстов» [9, с. 384]. Французский лингвист различает пять типов транстекстуальных отношений:

1. *интертекстуальность*, которая представляет собой отношение сосуществования двух и более текстов в одном. Она может выражаться эксплицитно (цитаты, ссылки), имплицитно (аллюзии) и в смешанной форме (плагиат, несобственно-прямая речь);

2. *паратекстуальность*, образующая промежуточную зону между текстом и его окружением, или периферией (заголовки, иллюстрации);

3. *метатекстуальность*, понимаемая как отношение между анализируемым текстом и критическими комментариями к нему;

4. *архитекстуальность*, определяемая как принадлежность текста к разным классам (например, к тому или иному жанру);

5. *гипертекстуальность*, выражающая соотношение текстов исходного и производного от него. Здесь речь идет о трансформации (пародии) и имитации текста (пастиш) без присутствия комментария или критики, что относится к сфере метатекстуальных отношений.

На примерах отрывков из франкоязычных политических статей рассмотрим более подробно два типа транстекстуальности, участвующие в построении аргументации говорящего: интертекстуальность и метатекстуальность. Ничуть не умаляя значимость других типов транстекстуальности, мы считаем, что они не могут быть включены в данное исследование, поскольку эти типы транстекстуальных отношений затрагивают весь текст и требуют обширного анализа, что выходит за формат статьи.

1. Интертекстуальность

1.1. Цитата как эксплицитная форма интертекстуальности

- (1) Quant aux sondages en baisse, Sarkozy les encaisse sans grande inquiétude, tant qu'ils n'entament pas son socle à droite. «*La rentrée dans*

l'atmosphère ne pouvait qu'entraîner une déperdition dans les sondages», rappelle-t-on dans l'entourage de l'ex-président. «Revenir par le parti, cela crée forcément des zones de friction», philosophe un ami de l'ex-président (Le Figaro, 20/10/14).

В примере (1) цитата отсылает читателя к высказываниям лиц из близкого окружения бывшего президента Франции Николя Саркози по поводу снижения его популярности. Как видим, характер прямой речи эксплицитен благодаря ее графическому и пунктуационному выделению: курсиву, кавычкам, запятым.

1.2. Полуимплицитные формы интертекстуальности

1.2.1. Плагиат

Плагиат – это форма полифонии, при которой автор текста произвольно и полностью заменяет свой голос на голос «цитируемого» автора, заимствует идеи и их речевое выражение (части текста или текст полностью) так, чтобы это осталось незаметным для читателя. В качестве примера приведем известный случай плагиата во франкоязычной прессе – отрывок из статьи французского журналиста и писателя Ж. Масе-Скарона, обвиненного в дословном копировании других авторов:

(2) Il se passe toujours quelque chose chez Catulle: une noce, une danse, des ragots d'alcôve et de caniveau, un copain cocu, des blagues de potaches bourrés au falerne pur. «...» Mais après la bonne fortune viennent les chagrins d'amour, la mort d'un frère, un voyage au loin pour oublier et la beauté des mythes grecs traduit avec une infinie tendresse... (*L'Express*, 06/09/11)

Читатель может встретить тот же абзац в изданной ранее статье под авторством Лоранс Либан в газете «Lige» от 1 июля 2004 г.

1.2.2. Несобственно-прямая речь

Полуимплицитно реализуется и другой тип косвенной речи, квалифицируемой как несобственно-прямая. Формально она имеет сходство с плагиатом, заключающееся в отсутствии специальных пунктуационных знаков, указывающих на чужую речь. Отличие несобственно-прямой речи от плагиата состоит в том, что в первом случае при передаче чужих слов автор также выражает и свое отношение к высказываемому, в то время как во втором случае чужая точка зрения остается неизменной.

Несобственно-прямую речь трудно определить по формальным признакам, которые недостаточно четки. Контекст служит опорой для интерпретации несобственно-прямой речи, поскольку он позволяет читателю ознакомиться с точкой зрения говорящего и того, чью речь он передает, а также понять, когда начинается наложение их точек зрения или голосов. Чтобы изучить особенности реализации несобственно-прямой речи, рассмотрим пример:

- (3) Marc Dutroux le gentil, le sauveur, le philanthrope, le scrupuleux, la victime, le repentant. Tel est le portrait ahurissant que l'accusé le plus honni de Belgique a dressé de lui-même durant son premier interrogatoire devant la Cour d'assises d'Arlon (*Le Temps*, 4/3/04).

На наш взгляд, первое предложение из примера (3) является иллюстрацией несобственно-прямой речи. Показателями последней, в частности, служат эпитеты, характеризующие преступника (*le gentil, le sauveur...*), которые никак не могут отражать точку зрения автора статьи, критично настроенного по отношению к Марку Дютру. Немаловажную роль в передаче несобственно-прямой речи играет определенный артикль (*le sauveur*), выражающий уверенность преступника в наличии у него названных качеств. Обратим также внимание на эллипсис и асиндетон, являющиеся показателями стремления автора придать характеристике М. Дютру больше экспрессивности. Таким образом, в приведенном отрывке происходит наложение двух голосов, или точек зрения: голоса автора и голоса М. Дютру. Заметим, что манера передачи речи М. Дютру и используемые при этом стилистические приемы могут быть интерпретированы как ирония со стороны автора статьи.

1.3. Аллюзия как имплицитная форма интертекстуальности

Ж. Женетт дает следующую дефиницию аллюзии: «... высказывание, полное осознание которого предполагает ссылку на другое высказывание с помощью намека» [9, с. 8]. Цель подобного высказывания может быть достигнута лишь в случае, если адресант и адресат имеют общий набор коммуникативных и культурных компетенций.

- (4) La Russie a encore joué, dans la conscience des journalistes occidentaux, son rôle de bouc émissaire. Ce n'est pas nouveau. Elle semble y exceller depuis l'invention de la presse. *Parce qu'en lisant les journaux, cela semble tellement simple, depuis l'étranger, d'écrire sur la Russie.* Nul

besoin d'en apprendre la langue ni l'histoire, d'en lire les grands auteurs ni d'en étudier les penseurs. *Dans la pensée occidentale*, la Russie est depuis longtemps décortiquée, examinée, expliquée (*Le Courrier de Russie*, 25/10/13).

Приведенный отрывок из статьи, опубликованной во франкоязычной газете «Le Courrier de Russie», представляет собой ответ на обвинения, выдвинутые против России сразу несколькими французскими СМИ по поводу роста ксенофобных настроений в Москве:

- (5) Des milliers de nationalistes russes exhibant des drapeaux noir, jaune et blanc – couleurs de la Russie impériale – ont commencé à défiler, lundi 4 novembre à Moscou, lors d'une manifestation annuelle contre la présence d'immigrés d'ex-républiques soviétiques (*Le Monde*, 04/11/13).
- (6) Le racisme et la xénophobie gagnent du terrain en Russie depuis la chute de l'URSS. Des centaines de milliers de personnes originaires du Caucase russe et d'Asie centrale vivent et travaillent dans les grandes villes russes pour échapper à la misère dans leur région d'origine (*Le nouvel Observateur*, 21/08/13).

Данные упреки вызвали негативную реакцию у журналистов, работающих в издаваемой в России франкоязычной газете «Le Courrier de Russie». Чтобы подчеркнуть несостоятельность обвинений, автор статьи, опубликованной в «Le Courrier de Russie», прибегает к аллюзии, намекающей на незнание заграничными коллегами истории и культуры России, что выделено в примере (4).

2. Метатекстуальность

В качестве еще одного типа транстекстуальных отношений Ж. Женетт выделяет *метатекстуальность*: «Метатекстуальные отношения являются по преимуществу критическими отношениями, объединяющими комментарий и комментируемый текст, который необязательно может быть упомянут» [9, с. 14].

На наш взгляд, примеры (4), (5) и (6) объединены как интертекстуальными, так и метатекстуальными связями: отрывок (4) является критикой по отношению к отрывкам (5) и (6). Таким образом, данный блок примеров может трактоваться и в метатекстуальном ключе: примеры (5) и (6) (критикуемые тексты) служат основой и стимулом для создания примера (4) (критикующего текста). Принимая во внимание роль, которую играет аллюзия в рассмотренных отрывках, можно

утверждать, что типы транстекстуальных связей не имеют четких границ и одни и те же элементы текста способны выполнять различные функции.

Транстекстуальные отношения, выраженные эксплицитными и полуимплицитными способами, сравнительно легко локализуются и интерпретируются, равно как и точки зрения, представленные в частях гетерогенных составляющих дискурса. Для обнаружения и толкования имплицитных связей между разнородными дискурсами необходимо, чтобы адресант и адресат обладали идентичными коммуникативными и культурными компетенциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 421 с.
2. *Москвин В. П.* Интертекстуальность : понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. – М. : Либроком, 2013. – 164 с.
3. *Славятинская М. Н.* Учебник древнегреческого языка. – М. : Филоматис, 2003. – 620 с.
4. *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. – М. : Либроком, 2012. – 280 с.
5. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.
6. *Adam J.-M.* Linguistique textuelle. Des genres de discours aux textes. – P. : Nathan, 1999. – 208 p.
7. *Authier-Revuz J.* Hétérogénéité montrée et hétérogénéité constitutive : éléments pour une approche de l'autre dans le discours // DRLAV. – 1982. – № 26. – P. 91–151.
8. *Ducrot O.* Esquisse d'une théorie polyphonique de l'énonciation // Le dire et le dit. – P. : Minuit, 1984. – P. 171–233.
9. *Genette G.* Palimpsestes : La littérature au second degré. – P. : Éd. du Seuil, 1982. – 576 p.
10. *Mainueneau D.* Les termes clés de l'analyse du discours. – P. : Éd. du Seuil, 2009. – 143 p.
11. *Perrin L.* Polyphonie et autres formes d'hétérogénéité énonciatives : Bakhtine, Bally, Ducrot, etc. // Pratiques. – 2004. – № 123–124. – P. 7–26.
12. Wikipedia (point de vue) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fr.wikipedia.org/wiki/Point_de_vue

УДК 81'367.335.2

Н. Б. Кудрявцева

доктор филологических наук, заведующая кафедрой грамматики и истории французского языка факультета французского языка МГЛУ
e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЮЗА «OR» КАК КОННЕКТОРА РЕПЛИК ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ МИНИМАЛЬНЫХ ДИАЛОГАХ

В статье определяется грамматический статус реляционного элемента «or», традиционно относимого к французским союзам сочинения, а также рассматриваются особенности его функционирования как коннектора реплик в составе диалогических обменов.

Ключевые слова: союз; коннектор; речевой акт; реплика; прагматическая связность дискурса.

Kudryavtseva N. B.

Doctor of Philology, Head of the Department of the French Language Grammar and History, Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

THE FUNCTIONING OF THE FRENCH CONJUNCTION «OR» AS CONNECTOR OF MOVES IN ADJACENT PAIRS

The article determines the grammar status of the relator OR traditionally qualified in French language as coordinative conjunction, and examines its functioning as connector of moves in adjacent pairs.

Key words: conjunction; connector; speech act; move; pragmatic cohesion of discourse.

В статье проводится анализ особенностей употребления союза *or* в функции связи реплик, принадлежащих разным говорящим¹. Основной дискурсивной единицей, являющейся предметом настоящего исследования, выбран обмен репликами, образованный репликой-стимулом и репликой-реакцией, состоящими из одного речевого акта. Во французской лингвистике диалогические обмены подобного рода обозначаются терминами «*échange simple*» («простой обмен») или «*paire adjacente*» («соотносительная пар») [6, с. 18], а в отечествен-

---

¹ Данное исследование опирается на теоретические положения и наблюдения, изложенные в нашей публикации в номере 10 (696) «Вестника МГЛУ» за 2014 г.

ной – «минимальная диалогическая единица», «смежная пара» или «минимальный диалог» [1, с. 78; 4, с. 13; 5, с. 21 и др.]. Диалогические единства, дифференциальным признаком которых является бинарная структура, включающая в себя речевой акт, образующий реплику-стимул, и речевой акт, образующий реплику-реакцию, для краткости обозначаются в статье термином «микродиалог».

Как и в случае монолокутивных сочетаний, принадлежащих одному коммуниканту, союз *or* практически не способен соединять два иллюкутивно однородных аллокутива¹, т. е. участвовать в построении диалогических обменов, имеющих схему:

X: Je te préviens... / Je te demande de... / Je te demande si...

Y: Or je te préviens... / Or je te demande de... / Or je te demande si...

Однако следует сделать несколько оговорок. Так, если сочетания аллокутивно-ассертивных реплик с коннектором *or* в современном французском языке почти не встречаются², то аллокутивно-интеррогативные сочетания, в принципе, возможны. Например, незначительно преобразовав отрывок из статьи О. Дюкро и М. Карель [7], получим:

(1) *X*: Qu'est-ce que signale la prédication par «poser problème» si ce n'est, précisément, soit une difficulté, un empêchement, soit un risque de conséquences néfastes?

Y: Or, qu'est-ce qu'un empêchement si ce n'est un motif de report ?

В данном случае мы имеем дело с диалогом, в котором говорящие *X* и *Y* формально осуществляют речевые акты вопроса, интерпретирующиеся, в частности, как адресованные собеседнику. Вместе с тем, специфика анализируемых вопросительных реплик такова, что они

---

¹Подробнее об иллюкутивно-интерактивной классификации речевых актов см. [2].

²Теоретически возможны, но весьма низкорелевантны диалогические обмены, в которых выражается не просто противопоставление, а сравнение, сопоставление, стремящееся к противоположности пропозиционального содержания реплик, что подтверждается наличием во второй из них конструкции логического выделения: *X*: Je te préviens que tu risques trop. *Y*: Or moi, je te préviens que je n'ai pas d'autre solution. Устранение данной конструкции автоматически ведет к разрушению диалогического обмена: ? *X*: Je te préviens que tu risques trop. *Y*: Or je te préviens que je n'ai pas d'autre solution.

содержат ответ уже в самих себе. Следовательно, по существу, реплики обоих коммуникантов здесь являются косвенными ассертивами (причем элокутивными, поскольку они выражают суждение говорящих). Таким образом, рассматриваемый диалогический обмен представляет собой сочетание двух ассертивов, в котором реплика говорящего **Y**, вводимая коннектором *or*, выражает противопоставление по отношению к имплицитному выводу, вытекающему из слов **X**: *Un empêchement et donc la prédication par « poser problème » n'est pas un motif de report*. Впрочем, пример (1) может интерпретироваться и как предназначенный третьему лицу или третьим лицам. В таком случае **X** и **Y** дополняют друг друга, а реплика **Y** является реакцией противопоставления на имплицитный вывод, вытекающий из слов **X**, который имеет в виду не столько сам **X**, сколько адресат (третье лицо). Из этого следует, что пример (1) представляет собой фрагмент трилога.

Сочетания, состоящие из двух директивов, также встречаются, однако они, как правило, не отвечают специфике диалога:

(2) **X**: Retenez que les noms terminés en *-al* au pluriel changent *-al* en *-aux* : un journal – des journaux.

Y: Or, faites maintenant attention au pluriel de chacal, carnaval, festival...¹

В самом деле, приведенный выше обмен принадлежит к сфере трилогической или даже полилогической коммуникации. Говорящие **X** и **Y** обращаются к некоторым третьим лицам, молчащим в данную минуту, но способным в любой момент подать реплику (например, задать уточняющий вопрос). Таким образом, коммуниканты **X** и **Y** могут рассматриваться в примере (2) как комплексное коммуникативное лицо, произносящее высказывание (реплику), состоящее из двух аллокутивных директивов. Однако подобные директивы весьма специфичны: они не столько побуждают к действию адресата, сколько акцентируют его внимание на некоторых фактах обобщающего характера (констатируя их), тем самым вновь сближаясь с речевыми актами утверждения. При этом семантико-прагматическую функцию реплики, вводимой коннектором *or*, можно определить как выражение

¹Примеры, не содержащие ссылок на источники, являются либо записью устной речи, либо принадлежат нам, но проверены носителями французского языка.

противопоставления по отношению к пропозициональному содержанию реплики **X**, точнее говоря – выражение ограничения содержания иницилирующей реплики.

Вместе с тем, убрав из реплики **Y** наречие *maintenant*, можно получить микродиалог:

(2a)**X**: Retenez que les noms terminés en *-al* au pluriel changent *-al* en *-aux*: un journal – des journaux.

Y: Or, faites attention au pluriel de chacal, carnaval, festival...

Хотя данный обмен нельзя признать ни высокорелевантным, ни высокочастотным, представим себе, что он происходит между двумя говорящими **X** и **Y** в ситуации, когда **X** является обучающим, а **Y** обучаемым, имеющим уже некоторые знания по теме, которую ему объясняет **X**. В таком случае реплика **Y** не только передает значение ограничения содержания реплики **X**, но и привносит в диалогический обмен смысловой оттенок возражения: **Y** выражает несогласие с неполной, по его мнению, формулировкой правила собеседником **X**. Как и в примере (2), в микродиалоге (2a) идет речь не столько о выражении говорящими волеизъявления, сколько о констатации некоторых положений вещей. Иначе говоря, как и при анализе монолокутивных сочетаний речевых актов, соединяемых коннектором *or*, в анализируемых полилокутивных сочетаниях вновь наблюдается тенденция к употреблению *or* в функции связи ассертивов.

Теперь обратимся к анализу обменов, состоящих из иллюкутивно неоднородных аллокутивов:

(3) *all ass + all int*¹:

X: Je te préviens que tu risques trop.

Y: Or, ne sais-tu pas qu'il n'y a pas d'autre solution ?

(4) *all int + all ass*:

X: Ne sais-tu pas que je dois me dépêcher si nous voulons changer quelque chose ?

Y: Or, je te préviens que tu risques trop.

---

¹ В статье приняты следующие обозначения: *all* – аллокутив, *él* – элокутив, *dél* – делокутив, *ass* – ассертив, *dir* – директив, *int* – интеррогатив.

(5) *all ass + all dir*:

X: Je te préviens que tu risques trop.

Y: Or, pense à ceux qui attendent mon aide.

(6) *all dir + all ass*:

X: Pense à ceux qui attendent mon aide.

Y: Or, je te préviens que tu risques trop.

(7) *all int + all dir*:

X: Ne sais-tu pas que les noms en *-al* prennent *-aux* au pluriel ?

Y: Or, adressons-nous au bal, carnaval, festival...

(8) *all dir + all int*:

X: Retiens que les noms en *-al* prennent *-aux* au pluriel.

Y: Or, ne sais-tu pas que bal, carnaval, etc. se terminent au pluriel en *-als*?

Как видим, формально существуют все сочетания, причем именно в рамках диалогических обменов. Однако каждый из приведенных примеров заслуживает отдельного рассмотрения. Так, в (3) микродиалог в значительной мере возможен, потому что в нем реактивная реплика употреблена в отрицательно-вопросительной форме и, следовательно, содержит ответ уже в самой себе, являясь косвенным ассертивом. Если трансформировать реплику Y в собственно-вопросительную, убрав из нее отрицание, то получим низкорелевантный диалог:

(3a) X: Je te préviens que tu risques trop.

?Y: Or, sais-tu qu'il n'y a pas d'autre solution?

Дело в том, что в таком случае реактивная реплика Y является, скорее, запросом информации у X, в существенной степени утрачивая свои ассертивные качества. Что же касается роли коннектора *or* в примерах типа (3), то он вводит реплику, выражающую оппозицию Y как по отношению к содержанию реплики X, так и по отношению к осуществляемому X речевому акту предупреждения, для которого, по мнению Y, у X нет оснований. Причем в реактивной реплике данное противопоставление аргументируется, объясняется.

При обратном порядке расположения речевых актов, образующих реплики (см. пример 4), коннектор *or* выполняет иные функции. Говорящий Y, в принципе, согласен с пропозициональным содержанием

реплики **X**, косвенно утверждающей необходимость поторопиться для внесения изменений в образ жизни коммуникантов. Роль реактивной реплики состоит здесь лишь в ограничении условий успешности осуществления того, о чем **X** говорит в своем высказывании.

В ассертивно-директивных сочетаниях аллокутивов (см. пример 5) функции коннектора *or* соотносительны с его функциями в ассертивно-интеррогативных обменах. Так, при препозиции аллокутива предупреждения реактивная реплика **Y**, образованная аллокутивным директивом, выражает оппозицию **Y** по отношению и к самому факту осуществления его собеседником **X** речевого акта предупреждения *Je te préviens que tu risques trop* и к пропозициональному содержанию этого акта.

Если же, как в примере (6), в препозиции находится аллокутивный директив, то адресат этой реплики (кстати, являющейся не столько волеизъявлением, сколько привлечением внимания и напоминанием о том, что множество людей ждут помощи от **X**) в целом не возражает против ее пропозиционального содержания, а лишь ограничивает условия успешности оказания упомянутой помощи.

В интеррогативно-директивных обменах один, а часто и оба репликообразующих речевых акта принадлежат к категории косвенных ассертивов. В самом деле, в примерах типа (7) формально вопросительная иницирующая реплика **X** имплицитно утверждает ответ, а реактивная реплика **Y** не столько побуждает к действию, сколько напоминает о некотором положении вещей, присущем французской грамматике, т. е. оба речевых акта изменяют своим иллокутивным функциям. При этом говорящий **Y** возражает против истинности утверждения **X**, ограничивая ее.

В примере (8), как и в (7), говорящий **Y** стремится ограничить истинность содержания высказывания **X**. Здесь также директивная и интеррогативная реплики приобретают свойства ассертивов. Действительно, призывая собеседника **Y** запомнить правило образования множественного числа существительных на *-al*, **X** тем самым констатирует данную особенность французской грамматики. Со своей стороны **Y**, строя свой вопрос в отрицательной форме, изначально закладывает в свою реплику утвердительный ответ.

Теперь обратимся к сочетаниям элокутивов. Сразу же подчеркнем, что единственно возможными и высокочастотными диалогическими обменами здесь являются сочетания ассертивов:

(9) *él ass + él ass*:

X: Pépito était seul. De cela, je suis sûr.

Y: Or, à un certain moment, un coup de feu a éclaté [9, с. 12].

(10)X: Coûte que coûte, je dois trouver l'assassin de Pépito.

Y: Or, voilà que tu n'es pas en train, que tu as peur, que tu te demandes si tu réussiras [9, с. 21].

(11)X: Je pense que l'intérêt qui a précipité Lou vers la psychanalyse puise son origine dans le fait qu'elle était pour elle-même une énigme.

Y: Or, c'est une femme qui aime comprendre, qui en a besoin et en possède le talent [8, с. 92].

Данное обстоятельство объясняется и тем, что элокутивные ассертивы являются наиболее разнообразными речевыми актами в языке, и тем, что коннектор *or* тяготеет к преимущественному соединению именно речевых актов утверждения. При этом анализ корпуса примеров показывает, что ассертивные элокутивы обычно различаются по своим частным иллокутивным функциям. Так, в примере (9) соединяются речевой акт уверенного суждения и речевой акт констатации; в примере (10) речевому акту констатации с оттенком оценки предшествует акт долженствования; наконец, в примере (11) за элокутивом мнения следует элокутив оценки.

Что касается логико-семантических и интерактивных функций самого коннектора *or*, то в (9) он передает смысловой оттенок, аналогичный тому, который применительно к коннектору противопоставления *mais* мы определяем как «вопреки ожиданиям». Иначе говоря, реплика Y является противопоставлением по отношению к имплицитному выводу, вытекающему из реплики X, а именно: *Il n'y avait personne pour tirer sur Pépito*. В примере (10) соотношение иницирующей и реактивной реплик аналогичное: здесь речевой акт, вводимый *or*, отвергает имплицитный вывод *Je suis en train, je n'ai pas peur, je ne me demande pas si je réussirai*, вытекающий из утверждения X о том, что он должен найти убийцу некоего Пепито. Пример (11) также сближается с предыдущими. В нем реплика второго говорящего противоположна тому, как ему кажется, вытекает из слов собеседника X: *Si on est une énigme pour soi-même, on n'aime pas comprendre, on n'en a pas besoin, on n'en possède pas le talent*.

Сочетания делокутивных речевых актов также представляют собой исключительно обмены ассертивными репликами:

(12) *dél ass + dél ass*:

X: Il faut retenir qu'aucun Etat ne peut aujourd'hui agir seul : il n'a ni la puissance ni les liens bilatéraux suffisants pour être efficace.

Y: Or, il est d'intérêt de tous qu'on ait stabilité, paix sociale, marché solvable et réintégration de tout le monde dans le processus d'évolution (*Information et commentaires, 1996, N 95, p. 8*).

(13) X: Il est notoire qu'en cas de mal de mer, on a l'habitude de donner de l'atropine sous une forme ou sous une autre.

Y: Or, une dose un peu forte d'atropine peut être fatale à un cardiaque [10, с. 199].

Интересно отметить, что, специализируясь на связи делокутивных ассертивов, различающихся своими частными иллюкутивными функциями (см. пример 12), коннектор *or* все же способен соединять однотипные в этом плане ассертивные делокутивы. В последнем случае для оформления второго речевого акта обычно используется имплицитная конструкция. Действительно, в реплике говорящего Y в примере (13) отсутствует эксплицитно выраженный модально-прагматический оборот типа *Il est notoire que / On sait que*, но он легко восстанавливается из контекста общения. По своим логико-семантическим функциям в подобных диалогических обменах *or* сближается с коннектором *mais*, передающим значение «вопреки ожиданиям».

Подводя итог исследования диалогических обменов репликами, однородными по охвату коммуникантов и соединяемыми коннектором *or*, подчеркнем, что самыми высокорелевантными и частотными из них являются микродиалоги, состоящие из двух элокутивных или делокутивных ассертивов. Причем, как правило, такие ассертивы не совпадают по своим частным иллюкутивным функциям. Сочетания, образованные «чистыми» аллокутивными директивами (побуждение адресата к действию) и интеррогативами (запрос информации у собеседника) во французском языке не встречаются. Что же касается сочетаний, включающих в свой состав иллюкутивно неоднородные реплики, то они возможны абсолютно все. Во-первых, потому что соединяемые коннектором *or* ассертивы различаются своими частными иллюкутивными функциями. Во-вторых, потому что интеррогативы

и директивы, формально принадлежащие к категории аллокутивов, сближаются с утверждениями, превращаясь в косвенные ассертивы.

Теперь рассмотрим сочетания, в которых образующие их реплики различаются по охвату коммуникантов. Начнем анализ с микродиалогов, образованных аллокутивными и элокутивными ассертивами, т. е. иллокутивно идентичными компонентами:

(14) *all ass + él ass*:

X: Je te préviens que tu risques trop.

Y: Or, je ne sais pas qui pourra le faire, sinon moi.

(15) *él ass + all ass*:

X: Tout ce que je veux dire c'est que tu pourrais faire quelque chose pour les aider.

Y: Or, je te préviens que ça peut être dangereux parce que tu ne connais pas tous les détails.

Говоря о роли коннектора *or* в подобных примерах, отметим, что она, в принципе, одинакова. Так, в примере (14) **Y** выражает реакцию противопоставления по отношению к пропозициональному содержанию иницирующей реплики **X**. Причем, опровергается не все это содержание, а лишь часть его: **Y** согласен с **X** в том, что он действительно рискует, но никого другого для выполнения данного рискованного дела больше нет. Иначе говоря, истинность реплики **X** опровергается частично, т. е. она ограничивается, уточняется. В (15) **Y** также не отрицает истинность иницирующей реплики в целом, а лишь ограничивает ее, ссылаясь на возможные негативные последствия.

А как обстоят дела с элокутивно-аллокутивными сочетаниями, в которых реплики не совпадают по иллокутивным функциям?

(16) *él ass + all dir*:

X: Par cette remarque, je tiens à démontrer que l'exemple /1/ équivaut à /3/.

Y1: Or, comparons /1/ et /2/.

Y2: Or, comparez /1/ et /2/.

(17) *all dir + él ass* :

X: Je te prie de ne pas le faire.

Y: Or, je ne sais pas qui va le faire au lieu de moi.

При препозиции элокутивного ассертива аллокутивному директиву (пример 16) последний, вводимый коннектором *or*, выражает

реакцию противопоставления и частичного несогласия с истинностью утверждаемого говорящим X. Обращая внимание собеседника X на соотношение примеров (1) и (2), Y хочет подчеркнуть, что оно аналогично соотношению примеров (1) и (3). Следовательно, утверждение X требует некоторой корректировки. При обратном порядке следования данных речевых актов (пример 17) реплика говорящего Y является реакцией противопоставления по отношению к самому факту осуществления собеседником X речевого акта просьбы. Своим высказыванием Y хочет показать, что у X нет оснований для подобного волеизъявления и объясняет причины такого положения вещей.

Ассертивно-интеррогативные обмены, компоненты которых связаны коннектором *or*, выглядят следующим образом:

(18) *all int + él ass*:

X: Sais-tu que ton fils risque trop ?

Y: Or, il n'écoute jamais les conseils d'autrui.

(19) *él ass + all int*:

X: Je dois t'aider.

Y: Or, es-tu sincère dans cette intention ?

Так, в примере (18) аллокутивный интеррогатив, является по существу ассертивом информирования. Элокутивный ассертив констатации, вводимый коннектором *or*, выражает реакцию противопоставления Y по отношению как к самому факту осуществления говорящим X данного косвенного утверждения, так и по отношению к содержанию этого утверждения. В примере (19) реактивная – аллокутивно-вопросительная – реплика Y выражает противопоставление по отношению к условиям искренности речевого акта X. Об этом Y прямо заявляет своему собеседнику X.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет пример (20):

(20) – Votre première femme et vous étiez mariés sous le régime de la communauté des biens ? /*all int*/

– C'est exact. /*él ass 1*/

– Or elle avait de la fortune. Vous en avez donc hérité. /*él ass 2*/ [9, с. 169]

Здесь реплика, вводимая *or*, одновременно соотносится с первой (аллокутивно-интеррогативной), принадлежащей одному и тому же адресанту X (в данном случае комиссару Мегрэ), и со второй, представленной в эллиптической форме, которая может быть развернута

в элокутивный ассертив подтверждения / одобрения *Je confirme que nous étions mariés sous le régime de la communauté des biens* и которая принадлежит персонажу, подозреваемому в убийстве жены. Причем специфика вопросительной реплики такова, что ее адресант заранее знает ответ. Поэтому реплика **Y** *C'est exact* всего лишь дублирует информацию, содержащуюся в косвенно ассертивном высказывании Мегрэ. В принципе, комиссар мог бы ее проигнорировать, продолжив свои рассуждения: *Votre première femme et vous étiez mariés sous le régime de la communauté des biens. Or elle avait de la fortune. Vous en avez donc hérité.* Коннектор *or* в подобных примерах участвует в построении классической трехкомпонентной цепочки рассуждений, в которой анализируемый релятор вводит реплику, противоположную имплицитному выводу, вытекающему из иницирующей:

Si vous étiez mariés sous le régime de la communauté des biens, votre femme n'avait pas de fortune.

Рассмотрим аллокутивно-делокутивные минимальные диалоги:

(21) *all ass + dél ass:*

X: Je te préviens que tu risques trop.

Y: Or, sans cela, il est impossible de réussir / Or, qui ne risque rien n'a rien.

(22) *dél ass + all ass:*

X: Il est impossible d'obtenir ce but sans risquer / Qui ne risque rien n'a rien.

Y: Or, je te préviens que cela peut s'avérer vraiment dangereux.

Аллокутивно-делокутивные сочетания ассертивов, как видим, являются достаточно релевантными и частотными. В обоих случаях реактивная реплика выражает противопоставление по отношению к иницирующей, точнее – ее ограничение и уточнение. Однако характер такого ограничения в примерах (21) и (22) неодинаков: в первом случае ограничение осуществляется от частного к общему, а во втором наоборот – от общего к частному.

Если примеры (21) и (22) состоят из иллокутивно однородных реплик, то (23) и (24) образованы иллокутивно неоднородными репликами:

(23) *dél ass + all dir:*

X: Il est connu que les substantifs en *-al* prennent *-aux* au pluriel : un général – des généraux.

Y: Or, faisons / faites (maintenant) attention au pluriel de bal, carnaval, festival.

(24) *all dir + dél ass*:

X: Présentons l'énonciation *Je ne viendrai pas* comme l'accomplissement de deux actes, respectivement l'assertion que la personne qui parle viendra, et le refus de cette assertion.

Y: Or, il est clair que ces deux actes ne sont pas attribués au même être.

В принципе, примеры (23) и (24) похожи, поскольку в обоих случаях коннектор *or* вводит реплику, выражающую реакцию противопоставления по отношению к пропозициональному содержанию иницилирующей реплики. Нельзя сказать, чтобы Y здесь полностью опровергал истинность утверждаемого говорящим X. Напротив, в общем виде он с ним согласен. Однако, по его мнению, автор иницилирующей реплики проигнорировал некоторые важные детали, поэтому необходимо дополнить и уточнить высказывание X. Хотя в (23) уточняющая реплика Y имеет форму аллокутивного директива, а в (24) – делокутивного асертива, можно сказать, что в первом из этих примеров говорящий Y не столько стремится призвать X к выполнению определенных действий, сколько хочет констатировать и описать некоторое положение вещей, обратив на него внимание собеседника. Таким образом аллокутивный директив в (23) сближается с речевыми актами утверждения.

Что касается примеров (25) и (26), то их вряд ли можно отнести к диалогическим обменам:

(25) *dél ass + all int*:

X: Il est inadmissible de se conduire de la sorte!

Y: Or, as-tu jamais écouté ce qu'on te dit ?

(26) *all int + dél ass*:

X: As-tu jamais écouté ce qu'on te dit ?

Y: Or, il est imprudent d'être si sûr de soi !

В самом деле, здесь говорящие X и Y скорее обращаются к некоторому третьему лицу, выступая в качестве единого адресанта. При этом реплики, занимающие в анализируемых фрагментах вторую позицию, выполняют различные функции. В примере (25) Y выражает оппозицию к самому факту осуществления первого речевого акта, поскольку для него нет оснований: адресат (третье лицо) никогда не прислушивается к мнению других. В (26) реплика Y содержит

противопоставление по отношению к имплицитному выводу, вытекающему из высказывания **X**: *Si tu n'as jamais écouté ce qu'on te dit, tu es trop sûr de toi.*

Заканчивая анализ функционирования коннектора *or* в диалогических обменах, обратимся к сочетаниям элокутивов и делокутивов. Такие микродиалоги всегда состоят из иллокутивно однотипных – асертивных – реплик:

(27) *él ass + dél ass*:

X: Je veux travailler en accord avec mes collaborateurs.

Y: Or, tu ne cesses de répéter que les grands films se font selon la vision d'un seul homme.

(28) **X**: Je me rappelle que lors de ma visite chez sa pomme, il fumait.

Y: Or, toi, tu m'as causé que c't'enviéé pouvait pas avoir fumaga biscotte son asthme [11, с. 102].

(29) *dél ass + él ass* :

X: Il s'agit là des solutions proposées depuis 25 ans par la pensée ultra-libérale, à savoir la capacité du marché à s'autoréguler.

Y: Or, nous savons que les marchés mondiaux d'aujourd'hui n'ont rien à voir avec les marchés théoriques de concurrence parfaite, seuls capables de s'autoréguler (*Informations et commentaires, 1996, N 95, p. 53*).

Интересно отметить, что в подобных минимальных диалогах при препозиции элокутивного асертива постпозитивный делокутив, как правило, оформлен не в виде безличной конструкции, а в виде структуры переданной речи в форме интегрирования, т. е. реплика **Y**, вводимая коннектором *or*, на самом деле содержит слова **X**, сказанные им ранее и находящиеся в противоречии с его нынешним высказыванием. Иначе говоря, реактивная реплика **Y** передает отношение оппозиции к истинности иницирующей реплики **X**, к ее пропозициональному содержанию. При обратном порядке следования утвердительных реплик (пример 29) их логико-семантическое соотношение не изменяется: здесь также реактивная реплика выражает оппозицию к истинности иницирующей реплики. Однако, в отличие от примеров (27–28), в анализируемых сочетаниях первая реплика может оформляться и безлично, и в виде конструкций переданной речи (например: *Ils parlent là des solutions proposées par la pensée ultra-libérale...*).

Подведем итоги проведенного нами исследования минимальных диалогических обменов с коннектором *or* в современном французском языке.

1. Нами было проанализировано 25 моделей сочетаний реплик при помощи коннектора *or*. Изучение корпуса примеров показало, что данный релятор не способен связывать две директивные и две интеррогативные реплики, если они являются подлинным выражением волеизъявления или запросом информации.

2. *Or* специализирован на соединении ассертивных репликаобразующих речевых актов. При этом данные утверждения могут как различаться, так и совпадать по охвату коммуникантов (исключение составляет модель *all ass + all ass*, возможная только при наличии сопоставительного смыслового оттенка, передаваемого реактивной репликой). В последнем случае соединяемые анализируемым коннектором компоненты обычно не совпадают по своим частным иллокутивным функциям.

3. Если в микродиалоге формально отсутствует ассертивная реплика, то один из компонентов диалога (а иногда и оба) приобретает свойства речевого акта утверждения, превращаясь таким образом в косвенный ассертив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : УРСС, 2003. – 286 с.
2. *Кудрявцева Н. Б.* Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 388 с.
3. *Кудрявцева Н. Б.* Союз *or* как коннектор речевых актов в составе реплик франкоязычного диалогического дискурса // Романские языки в дискурсивном пространстве. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 109–119. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10 (696). Сер. Языкознание).
4. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
5. *Хитина М. В.* Делимитативные признаки устно-речевого дискурса : монография. – М. : МГЛУ, 2004. – 160 с.
6. *Charaudeau P., Maingueneau D.* (éds.) Dictionnaire d'analyse du discours. – P. : Seuil, 2002. – 672 p.
7. *Ducrot O., Carel M.* Le problème du paradoxe dans une sémantique argumentative. – P. : EHESS, 2001. – 14 p. – URL : <http://www.ehess.fr/centres/celith>.

8. *Giroud F.* Lou. Histoire d'une femme libre. – P. : Fayard, 2002. – 224 p.
9. *Simenon G.* Maigret. – М. : Астрель, 2001. – 182 p.
10. *Simenon G.* Maigret et la Grande Perche. – М. : Цитадель, 2001.– 190 p.
11. *San-Antonio.* Le loup habillé en grand-mère. – P. : Fleuve noir, 1980. – 218 p.

УДК 81'362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры классической филологии МГЛУ
e-mail: amanuhina@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ЭПИЧЕСКОЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЙ В АВТОРСКОЙ ОЦЕНКЕ В СТАРОФРАНЦУЗСКОЙ «ПЕСНИ ОБ АНТИОХИИ» XII ВЕКА

В работе анализируется влияние эпической и историографической традиций на авторское оценочное восприятие действительности в «Песне об Антиохии», эпической поэме XII в., относящейся к циклу «жесты Крестовых походов». Рассматривается соотношение авторской оценки и общепринятых этических стереотипов того времени.

Ключевые слова: оценка в лингвистике; жанровые особенности эпоса и хроники; нравственные стереотипы рыцарства; старофранцузский язык; письменные памятники эпохи Крестовых походов.

Manuhina A. O.

Candidate of Philology (PhD), Associate Professor,
Department of Classic Philology
e-mail: amanuhina@mail.ru

THE CORRELATION OF THE EPIC AND THE HISTORIOGRAPHIC TRADITIONS IN THE AUTHOR'S EVALUATION IN THE OLD FRENCH "SONG OF ANTIOCH" OF THE XII CENTURY

The article is devoted to analyzing the influence of the epic and the historiographic traditions on the author's evaluative perception in the «Song of Antioch», the epic poem of the XII century, relevant to «the Crusade cycle». The interaction of the author's evaluative perception of reality and common ethic stereotypes of that time are analysed in this article.

Key words: evaluation in linguistics; genre peculiarities of the epos and the chronicle, moral stereotypes of chivalry; Old French language; written monuments of the epoch of Crusades.

Оценка в тексте всегда зависит от социокультурных факторов: категорий этики и культурных традиций, особенно если речь идет о письменном документе отдаленной исторической эпохи. Механизмы оценки зависят и от жанра произведения. Поэтому, как отмечают ученые, необходимо изучать средневековый текст «сквозь призму жанровой системы определенного исторического периода» [7, с. 29].

Изучение старофранцузских эпических поэм, сыгравших огромную роль в формировании литературы средневековой Европы, имеет длительную традицию [3–5; 10]. Настоящая работа продолжает исследование старофранцузских эпических сочинений на материале «Песни об Антиохии» («Chanson d'Antioche»), текст которой впервые привлекается для лингвистического анализа.

Цель статьи – выявить и описать языковые средства, отражающие влияние эпической и историографической традиций на авторское оценочное восприятие действительности. На основе проведенного анализа представляется возможным показать специфику оценочных характеристик через соотношение стереотипного и индивидуального в «Песни об Антиохии» как «жесте Крестовых походов».

Четыре первых Крестовых похода совпали по времени с периодом бурного развития литературы в Западной Европе, в частности во Франции. Эпоха Крестовых походов нашла отражение в особом цикле эпических поэм [3, с. 171] – «жесте Крестовых походов» («Le cycle de la Croisade») [10, с. 87]. «Песнь об Антиохии»¹ – наиболее раннее из сочинений, ставшее ядром сложившегося впоследствии цикла, и по своему содержанию и жанровым характеристикам отличается от классических эпических поэм XII–XIII вв. Если остальные произведения цикла Крестовых походов построены вокруг судеб вымышленных персонажей, а события украшены фантастическими деталями, «Песнь» полностью написана по свидетельствам очевидца и основана на реальных исторических событиях (взятии крестоносцами Антиохии в 1098 г. и Первом крестовом походе 1096–1099 гг.).

«Песнь об Антиохии» традиционно относят к произведениям авторского типа, хотя вопрос об авторстве представляется сложным

---

¹ «Песнь об Антиохии» дошла до нас в девяти манускриптах, шесть из которых принадлежат Франции (Парижской Национальной библиотеке и библиотеке Арсенала), остальные находятся в Британском музее, городской библиотеке Берна и Туринской национальной библиотеке. Единственное издание «Песни» датируется 1848 г., в котором французский исследователь П. Пари дает подробный анализ сохранившихся манускриптов. В этом издании на основе сопоставительного анализа сохранившихся рукописей текст сочинения был разделен П. Пари на девять песен (chant), каждая, в свою очередь, разбита на параграфы; это деление используется нами в настоящей статье. Здесь и далее в скобках римские цифры обозначают соответственно нумерацию песен, арабские цифры – номера параграфов.

и нерешенным до нашего времени. Об авторе сочинения практически нет данных – исследователь Полен Пари [12, с. 72] считает, что «Песнь» сложил северофранцузский трувер Ришар Пилигрим (Richard le Pèlerin), о чем указано в тексте поэмы:

Richart le Pelerin, cil qui la Chan-
son fist [I, 1].

Ришар Пилигрим, который создал
песню¹.

Ришар Пилигрим воспевал события похода, участником которого был он сам. Возможно, он состоял в войске графов Фландрских [12, с. 72] и погиб при одном из боев на пути, так и не достигнув своей цели: «Песнь» была закончена до завоевания крестоносцами Иерусалима в 1098 г.

Оригинал произведения до нас не дошел, а около 1180–1192 гг. (в период правления Филиппа Августа) появилась его переработка, принадлежащая перу Грендора из Дуэ (Grains d'or de Douai). Грендор располагал текстом Ришара, о чем он сообщает в прологе к поэме. Грендор «обновил» ранее существовавший текст, в соответствии с тенденцией того времени перерабатывать старые *chanson de geste*:

Cil novel jougleur qui en suelent
chanter
Le vrai commencement en ont
lasié ester
Mais *Grains d'or de Douai* nel
veut mie oublier
Qui vous en a les vers *tous fais*
renouveler [I, 1].

Эти новые жонглеры, которые это
сейчас поют,
Пропускали настоящее начало,
Но *Грендор из Дуэ* ничего не хочет
забывать,
Тот, который все *стихи обновил*.

Интересно отметить, что в приведенном отрывке Грендор из Дуэ не позиционирует себя как «автор». Выражение, посредством которого он обозначает свое присутствие (*fais renouveler* – букв. ‘заставил обновить’), является одним из распространенных средневековых литературных топосов². Из контекста не ясно был ли Грендор из Дуэ

---

¹Зд. и далее перевод наш. – А. М.

²Под топосом мы подразумеваем «твердые клише или схемы мысли и выражения, которые становятся вневременными и неизменными отвлеченными формулами, могут применяться на подходящем месте для украшения текста» [1, с. 145].

жонглером-сказителем, переписчиком или заказчиком этой версии поэмы¹.

В следующем фрагменте поэмы также присутствует отсылка к несохранившемуся архетипу:

Oï l'avés conter en une autre
chançon
 Mais n'estoit pas rimée ensi com
 nous l'avons
 Rimée est de nouvel et mise en
 quaregnon
 Et cil qui volontier en entendra le
 son
 Diex li octroït qu'il ait de s'ame
 garison.
 Que jà ne voie enfer, cele male
 maison! [I, 3]

Вы это уже слышали в другой песне,
 Но она не была рифмована так, как
 у нас сейчас.
 Она была зарифмована заново и переложена на четырехстопный стих,
 И тому, кто с желанием послушает ее звуки,
 Бог даст исцеление души,
 Чтобы она никогда не увидела ада,
 этого плохого места!

Исследователи отмечают, что при написании средневекового текста автор не был единственным создателем, а само сочинение не предназначалось быть раз и навсегда неизменным [7]: выявляется такая специфическая черта старофранцузского текста, как «открытость» [18]. Открытость старофранцузского текста трактуется как его возможность быть дополненным, измененным, исправленным в результате взаимодействий, контактов с рядом «авторов» (действительного автора, переписчика и устных исполнителей). «Открытость» этой версии «Песни об Антиохии» заключается в том, что «Я» создателя произведения и «Я» переписчика сливаются воедино. Поэтому в дальнейшем, говоря о субъекте повествования и субъекте оценки, мы будем иметь в виду «автора» как обобщенную категорию: на наш взгляд, здесь невозможно однозначно установить, где именно заканчивается повествование автора-создателя оригинала (Richard le Pèlerin) и проступает «Я» автора данного списка (Graindor de Douai). В этом отношении «Песнь об Антиохии» – типичный образец построения средневекового сочинения. Такая особенность была характерна для

¹ Подобное клише для обозначения авторского присутствия нами было выявлено, например, в «Хронике Эрнуля»: словосочетание *fist faire* – букв. ‘заставил сделать’. На основе одного такого свидетельства невозможно однозначно судить о роли автора в создании произведения. – *Прим. авт.*

жанра эпоса [3; 7] и присутствует в латинских [6] и старофранцузских хрониках¹.

Адресат «Песни об Антиохии» – широкий круг французских знатных рыцарей: бароны и сеньоры (*Seigneur* и *Baron*):

Seigneur, soiez en pais, laissez la
noise ester
Sé vous voles chançon glorieuse
escouter
C'est de la sainte vile qui tant fait à
loer [I, 1].

Baron or m'escoutés, si laisié de
noisier,
Si vous dirai chançon qui moult fait
à prisier
Qui de Jherusalem veut oïr com-
mencer [I, 2].

Сеньоры, успокойтесь, оставьте
шум,
Если вы хотите послушать слав-
ную песню.
Она о Святом городе, который до-
стоин столько похвал.

Бароны, послушайте меня и пре-
кратите шуметь,
Я вам расскажу песню, которая
весьма ценна для тех,
Кто хочет начать слушать об Иеру-
салиме.

Выявленные в приведенном контексте обороты *Seigneur, soiez en pais* и *Baron or m'escoutés, si laisié de noisier* служат средством привлечения внимания аудитории к предстоящему рассказу. Такой способ обращения к адресату является частью так называемого формульного стиля [16] и составляет особенность языка эпической поэзии [3; 4]. Стереотипные прологи с призывом соблюдать тишину считаются «реликтами устного исполнения произведения» [10, с. 200]. Схожие обороты-формулы были выявлены нами и в текстах старофранцузских хроник². Их употребление было свойственно многим жанрам, пользовавшимся популярностью в феодальной среде. Использование привычных формул и мотивов в любом средневековом тексте, как в эпосе, так и в хронике, должно было создавать у слушателя / читателя определенный настрой и подготовить его к восприятию произведения [9]. Перенасыщенность средневекового текста лексическими стереотипами была характерной чертой литературы того времени, и стиль «Песни об Антиохии» полностью находится в русле современных ей литературных канонов.

---

¹ Например, в старофранцузских хрониках XIII–XIV вв. «Морейской хронике» и «Хронике Эрнуля».

² Например, выражения *sachiez que / oiez que* в хрониках XIII в. «Взятие Константинополя» Ж. де Вильярдуэна и в одноименном сочинении Р. де Клари.

Героический эпос и хроника имеют определенные общие жанровые типологические особенности: помимо информативной функции, выполняют оценочную функцию с целью воздействия на слушателя / читателя. Это выражается в дидактической направленности, состоящей в традиционном стремлении авторов «поведать истину», «отразить подлинные события». *Salus animarum* (спасение душ) – вот в чем состоит, в понимании средневекового писателя, высшая польза его произведения. Автор «Песни об Антиохии» эксплицитно формулирует в прологе прагматическую цель повествования:

Seigneur, il n'a point de fable
en notre chançon
Mais pure vérité et saintisme
sermon [I, 3].

Сеньоры, нет никакого вымысла
в нашей песни,
Но чистая правда и святейшие слова.

Заявляя об искренности, автор придерживается сложившейся до него традиции, свойственной в большей степени хроникам Крестовых походов, чем героическому эпосу. Такого рода сентенции проявляются особенно отчетливо в произведениях летописцев Крестовых походов¹, переходят из хроники в хронику и считаются общим местом средневековой историографии, подражанием риторическим приемам греко-римских авторов [6]. В то же время постоянно повторяемые крестоносными авторами слова об истинности повествования говорят о скрытой полемической направленности. Отношение к идее Крестовых походов было неоднозначным уже в эпоху Средневековья. Поэтому сочинения той эпохи, к которым относится и «Песнь об Антиохии», соответствовали конкретно-историческим нуждам и преследовали определенную цель: сформировать общественное мнение, необходимое церкви и светским сеньорам.

Оценочное отношение автора к описываемой действительности выражалось через похвалу (*laudatio*) и порицание (*vituperatio*) – оппозиции, восходящие к важнейшему сложившемуся в средневековой риторике принципу [11; 12].

Главным объектом повествования и оценки в «Песни об Антиохии» послужило реальное историческое событие – Первый крестовый поход. Официальная доктрина католической церкви, формировавшая поведенческие нормы средневекового человека, нашла отражение

¹ Например, у хронистов Первого крестового похода Роберт Монах, Фульхерий Шартрский, Раймунд Ажилский, Гийом Тирский [6].

и в «Песне». Воспевание похода (*laudatio*) и призыв к оружию – один из наиболее распространенных мотивов эпохи Крестовых походов. Отвоение Святого города представлялось автору осуществлением Божественного замысла:

Nostre Sire nous rueve en Jherusalem aler
Et moustiers et eglises et faire et restorer [I, 5].

De tel pelerinage n'ōī nus hom parler
Por Dieu lor convint tous mainte peine endurer [I, 1].

Наш Господь нас призывает пойти на Иерусалим.
И монастыри, и церкви создать и восстановить.

О таком паломничестве не слышал ни один человек.
Во имя Бога им пришлось претерпевать многие несчастья.

Оценочная позиция автора реализована в тексте различными языковыми средствами:

– оценочной конструкцией *Nostre Sire nous rueve en Jherusalem aler*, употребление которой обусловлено влиянием нравственных стереотипов того времени: Крестовый поход мыслился как мистический союз между Богом и человеком во имя Блага [2]. Это была главным образом война рыцарства, проходившая «под знаком Креста Господня», которая создала систему отношений, находящихся в сфере «сакрального» [14]. Накануне эпохи Крестовых походов, с конца XI в., появляется особый тип рыцаря – *Croisier* (крестоносца), посвятившего себя «служению Богу и христианству»;

– оценочным выражением *por Dieu*, апеллирующим к религиозным чувствам адресата. Практически идентичные выражения мы можем видеть в старофранцузских хрониках Крестовых походов¹. С одной стороны, повторы одних и тех же формул позволяют сделать вывод о влиянии жанра хроники на стиль повествования «Песни об Антиохии»: часто в средневековых историографических трудах упоминание Всевышнего принимает форму повторяющегося клише [3], используемого в сходных ситуациях для стилистического и семантического выделения особой важности просьбы или призыва к какому-либо действию. С другой стороны, постоянно упоминаемое выражение *Por Dieu* свидетельствует, на наш взгляд, о том насколько вера в Бога глубоко вошла в сознание людей и стала частью их жизни;

---

¹ Ср. в хронике Ж. де Вильардуэна: *por l'amor de Dieu (из любви к Богу) / por Dieu (во имя Бога)*.

– существительным *pelerinage*, которое в данном контексте приобретает положительное оценочное значение. Лексема *pelerinage* входит в суперлативную конструкцию *de tel pelerinage n'oï nus hom parler* и реализует положительную эмоциональную и этическую оценку. Следует отметить, что понятие «Крестовый поход» было неизвестно рыцарям XI–XIII вв. В Средние века такая война обозначалась термином «peregrinatio» (лат.) / «pelerinage» (ст.-фр.) – «паломничество», отсылающим к сложившимся в рыцарской среде представлениям.

Автор однозначно выражает свою оценку факту освобождения Святой земли от неверных:

De la sainte cite vous vaurai
annoncier
Com li gentis barnages que
Diex vouldt essaucier
S'en ala outre-mer *por sa honte*
vengier [1, 2].

Я вам хочу рассказать о Святом го-
роде,
Как благородные бароны, которых
Господь хотел благословить,
Отправились за море (в Святую землю),
чтобы отомстить за Его поругание.

В цитируемой строфе авторская положительная оценка эксплицируется следующими оценочными выражениями:

– *sa honte vengier*. Необходимо отметить, что вне контекста существительное *honte* (позор, бесчестье) и глагол *vengier* (мстить) [17] в старофранцузском языке имели отрицательную оценку, но здесь, наоборот, их сочетание *sa honte vengier* приобретает положительную оценку и адресуется к системе ценностей рыцаря эпохи Крестовых походов. Автор рассматривает Крестовый поход как «отмщение за поругание Христа». Таким образом, можно считать рассматриваемые выражения «контекстуально-оценочными», приобретающими в контексте положительную эмоциональную и этическую оценку;

– *Diex vouldt essaucier* – автор призывает к авторитету Бога с целью усиления положительной оценки. Христианская моральная доктрина и авторитет церкви обуславливали видение автором исторических фактов.

Подобные выражения встречаются и в старофранцузских хрониках¹. В текстах героического эпоса подобных выражений нами выявлено не было; мотивы «отмщения за поругание Христа» и «отвоевания

¹ Ср. у Ж. де Вильярдуэна: *la honte Jesus-Crist vengier et Jerusalem reconquerre, se Dieux le vouldt soffrir (отомстить за поругание Христа и отвоевать Иерусалим, если того хочет Господь)*.

Святой земли» отмечен исследователями в «Песнях Крестовых походов» [11]. Известно, что изначально хроники Крестовых походов писались в стихах, что типично для любого жанра литературы на раннем этапе его развития [18]. Очевидно, создатель «Песни об Антиохии» отразил в своем произведении широко распространенные представления своего времени, которые затем были вербализованы в прозаических хрониках XIII в. в виде устоявшихся, стереотипных моделей.

Поскольку война против «неверных» рассматривалась как «благое дело», образ Иерусалима занимает важнейшее место в повествовании, о чем свидетельствует следующий стих песни:

C'est de la Sainte vile qui tant fait
à loer
Où Diex laissa son cors et plaiier
et navrer
Et ferir de la lance et en la crois
poser.
Jherusalem apele qui droit la veut
nomer [I, 1].

Она (песня) о Святом городе, кото-
рый достоин стольких похвал,
Где Господь оставил свое тело на
порувание и растерзание,
Чтобы его пронзили копьем и распя-
ли на кресте.
Иерусалимом его назовет тот, кто
хочет верно его назвать.

Отношение автора к объекту *Sainte vile* вербализовано конструкцией *qui tant fait à loer*, выражающей положительную нормативную и этическую оценку. Далее излагается евангельский сюжет в манере, напоминающей народные сказания, в чем можно также увидеть имплицитное выражение оценки: пересказывая известную всем библейскую легенду, автор стремится придать большую значимость повествованию. Как отмечает исследователь Альфонс Дюпрон, «образ Иерусалима, начиная с XI в., приобретает сакральный характер, все больше воодушевляя жителей христианского мира, в котором как раз только что начался заметный демографический и экономический подъем» [15, с. 120]. Благодаря паломничеству в Иерусалим установилась особая атмосфера религиозного подвижничества: в этот период трансформируется и нравственный стереотип рыцаря. Появляется новый идеал крестоносца – пилигрима, воплощающего в себе все добродетели рыцаря того времени: доблесть воина и подвижничество монаха.

Изучение языковых приемов реализации авторской оценки, используемых в тексте, позволяет судить о том, что автор «Песни об Антиохии» не оригинален в выборе оценочных средств; это обусловлено рядом факторов:

1) автор оценивает окружающий мир через призму общепринятых этических стереотипов своего времени. Отношение автора к событиям Первого крестового похода реализовано как эксплицитно, через оценочные выражения (*de tel pelerinage n'oï nus hom parler, honte vengier, vile qui tant fait à loer*), так и имплицитно, путем обращения к авторитету Всевышнего (*Por Dieu, Nostre Sire nous rueve en Jherusalem aler, Diex voult essaucier*) или упоминания библейских сюжетов и персонажей. Ценностные нормы, общие для людей, живущих в одну эпоху и в одном социуме, диктовали определенные способы выражения оценки. Здесь можно видеть отражение не только официального церковного толкования событий войн в Святой земле, но и распространенных среди рыцарства эпохи Крестовых походов религиозно-политических настроений;

2) известно, что средневековые письменные памятники создавались согласно заранее установленным канонам; «жесткая власть жанра» [7], стереотипная организация текста, охватывающая всю средневековую литературу, отмечается многими исследователями [3; 9; 10]. Традиционно «Песнь об Антиохии» относят к жанру эпических поэм – «жесте Крестовых походов». Однако рассмотренные нами выше примеры указывают на тот факт, что это сочинение было создано под сильным влиянием историографических традиций. Этот исторический памятник скорее относится к первым рыцарским стихотворным хроникам, написанным на романском языке (*in gallico idiomate*)¹, нежели к эпосу. Влияние жанра хроники на «Песнь об Антиохии» нами было выявлено в следующем:

- в обозначении авторского присутствия в тексте («Я» автора-создателя оригинала текста и «Я» автора данного списка находятся в сложном взаимодействии);
- в формулировке цели повествования (заявление автора говорить чистую правду – *pure vérité et saintisme sermon*);
- в употреблении распространенных в хрониках выражений-клише, например призывы соблюдать тишину, обращение к адресату *Seigneur / Baron*;
- в употреблении оценочных выражений: *por Dieu, honte vengier*.

¹ Имеются в виду стихотворные хроники: «История англичан» Ж. Гемара, «Роман о Роллоне» Р. Васа, «История норманнских герцогов» Бенуа де Сент-Мора, «История Святой войны» Л. Амбруаза и «Рифмованная хроника» Ф. Муске [6; 8].

На основе проведенного анализа представляется возможным сделать вывод, что «Песнь об Антиохии» – единственное произведение цикла Крестовых походов, обладающее одновременно жанровыми характеристиками и героического эпоса, и хроники. В то же время изучаемый текст можно определить как исторический документ, отражающий идеологию рыцарского сословия. Совокупность этих факторов повлияла на формирование механизма оценки, реализуемом в тексте «Песни».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры. – СПб. : Мифрил, 1995. – 243 с.
3. *Волкова З. Н.* Эпос Франции (история и язык эпических сказаний). – М. : Наука, 1984 – 320 с.
4. *Голотвина Н. В.* Средства выражения оценки в старофранцузском эпосе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 24 с.
5. *Голубев С. Н.* Особенности языка старофранцузского эпоса и их жанровая обусловленность : дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 218 с.
6. *Заборов М. А.* Крестоносцы на Востоке. – М. : Наука, 1980. – 320 с.
7. *Игнатьева Т. Г.* Семантико-типологические особенности старофранцузского текста // Французский язык: синтаксис, семантика, прагматика. – М., 2000. – С. 26–30. – (Тр. / МГЛУ; вып. 450).
8. История французской литературы : в 4 т. – Т. 4. – М.–Л. : АН СССР, 1946. – С. 126–127.
9. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. – М. : Наука, 1979. – 350 с.
10. *Михайлов А. Д.* Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. – М. : Наследие, 1995. – 360 с.
11. *Ратледж М.* Песни // История Крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита. – М. : Крон-пресс, 1998. – 136 с.
12. *Чельшева И. И.* Выражение ценностной ориентации в средневековом тексте // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е. М. Вольф. – М. : РАН, 1996. – С. 126–137.
13. *Chanson d'Antioche / composée au commencement du XII-ème siècle par le pèlerin Richard, renouvelée sous le règne de Philippe Auguste par Graindor de Douat, publiée pour la première fois par Paulin Paris.* – P. : J. Techener, 1848. – 276 p.
14. *Duby G.* Les sociétés médiévales: une approche d'ensemble // Annales. – 1971. – № 1. – P. 1–13.

15. *Dupront A.* Du sacré, croisades et pèlerinages, images et langages. – P. : Gallimard, 1987. – 541 p.
16. *Gautier L.* Les Epopées françaises: étude sur les origines et l’histoire de la littérature nationale. – P. : Palmé, 1878. – Vol. 1, livre 2. – 599 p.
17. *Greimas A. J.* Dictionnaire de l’ancien français (jusqu’au milieu du XIV-ème siècle). – P. : Larousse, 1969. – 675 p.
18. *Zink M.* Littérature française du Moyen Âge. – P. : Presses Universitaires de France, 1992. – 397 p.
19. *Zumthor P.* Langue, texte, énigme. – Vol. 1. – P. : Éditions du Seuil, 1975. – 266 p.

УДК 81'37

Т. В. Мотызлевская

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка МГЛУ
e-mail: mtv.home@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ СИМВОЛИКИ ЦВЕТА
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на примере номинаций красного цвета)**

В статье рассматриваются названия цвета в качестве базовых символов культуры, устанавливаются широкие функциональные возможности их использования в художественном тексте. На материале произведений французских писателей исследуется символика красного цвета и обосновывается целесообразность фреймового подхода к анализу порождения и интерпретации символика в тексте.

Ключевые слова: символ; символические ассоциации; названия цвета; фрейм; фреймовая структура; художественный текст.

Motyzlevskaya T. V.

Postgraduate Student, Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: mtv.home@mail.ru

**COGNITIVE ASPECT
OF COLOR SYMBOLISM IN FRENCH LITERARY TEXT
(Red Color Nominations)**

The article studies the names of color as the basic symbols of culture and is aimed to reveal their large potential use in a literary text. The study of color symbolism is based on French literary text and the opportunity of the frame approach to the analysis of the generation and the interpretation of symbolic meanings in the text is proved.

Key words: symbol; symbolic associations; names of color; frame; frame structure; literary text.

Понятие символа в лингвистике трактуется по-разному и отличается многозначностью. Большинство исследователей рассматривает символ как разновидность знака, при этом одним из центральных вопросов, возникающих в связи с необходимостью выделить символ из ряда других знаков, является природа связи между означаемым и означающим в символе. В частности, А. Ф. Лосев отмечает, что «символ

не имеет никакого условного, точно зафиксированного и конвенционального значения» [3, с. 121], т. е. отличается от других знаков в силу мотивированности связи между его означаемым и означающим. Следующим критерием выделения оппозиций символа и сходных с ним структурно-семантических категорий является соотношение общего и единичного, согласно которому в символе общность обретает статус порождающей модели, в которой обобщаемые единичности обретают смысловую закономерность (в отличие, например, от аллегии, в которой индивидуальное подведено под общее в качестве иллюстрации, не имеющей самостоятельного значения).

С другой стороны, понятие символа может быть раскрыто в сопоставлении со смежными категориями образа, поскольку «символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но если категория образа предполагает предметное тождество самому себе, то категория символа делает акцент на другой стороне той же сути – на выходе образа за собственные пределы, на присутствии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного» [1, с. 156]. Подобное понимание символа помогает разграничить его, в частности, с метафорой, не заключающей в себе того постороннего ей предмета, на который указывала бы ее идейная образность.

Следовательно, специфику символа составляет многослойность его смысловой структуры, которая определяет содержательность символа и подразумевает активную работу воспринимающего, в отличие от других знаковых категорий, где многозначность может мешать успешной интерпретации знака. Это открывает большие функциональные возможности символов в художественном тексте, который не только интегрирует готовые символические образы, но создает необходимую для развертывания систему их смысловых оттенков. По свидетельству Ю. М. Лотмана, «символ существует до данного текста и вне зависимости от него. Он попадает в память писателя из глубин памяти культуры и оживает в новом тексте, как зерно, попавшее в новую почву» [5, с. 243]. При этом элементарные по своему выражению символы обладают большими смысловыми потенциями, чем сложные, образуя «символическое ядро культуры» [5, с. 242].

Можно предположить, что именно такие культурно-смысловые возможности «простых» символов реализуют в художественном тексте цветообозначения. Несмотря на то что они имеют денотатом цветовой

эталон, в художественном тексте они выполняют не только номинативную функцию, т. е. не только вызывают у интерпретатора визуальные представления, но и несут в себе культурно-психологические ассоциации, связанные с репрезентируемым цветом, выполняя функцию символа.

Следует отметить, что «поскольку воспринимаемые ощущения могут концептуализоваться различными способами, в разных языках воплощены различные цветовые концепты» [2, с. 284], т. е. цветовые ассоциации носят национально-специфичный характер. В то же время, как отмечает М. Пастуро: «Цвет – это прежде всего социальный факт» [7, с. 41]. Подобные характеристики цвета отражают двойственную природу его символической составляющей. С одной стороны, символ всегда связан с памятью культуры, «в символе всегда есть что-то архаическое» [5, с. 241]. Очевидно, что наиболее архаический пласт символики цвета составляют ассоциации, связанные с прототипическими референтами цветообозначений, выделенными А. Вежбицкой (для черного – темнота ночи, для белого – очень ясный день, а также заснеженный пейзаж, для зеленого – трава, растения, для синего – небо, для красного – кровь, огонь, для желтого – солнце). С другой стороны, символ всегда подвергается изменениям в данном культурном контексте, в конкретную историческую эпоху, поскольку «окончательная сущность символики – историческая» [4, с. 13].

Кроме того, использование цветообозначений в художественном тексте может вызывать различное эмоционально-оценочное восприятие, поскольку символика цвета базируется на дуализме добра и зла, т. е. ассоциации, вызываемые цветом, могут быть как положительными, так и отрицательными. Представим это на примере красного цвета (*rouge*), который является одним из наиболее репрезентативных во французской культуре (еще в эпоху Античности красный – атрибут власти, цвет одежды римских императоров и военных вождей, один из цветов национального флага Франции). Положительные символические ассоциации красного цвета: огонь как источник жизни (огонь Святого Духа); кровь как символ очищения, жертвенности (кровь Христа, пролитая во имя человечества); божественное начало (с XIII–XIV вв. красные одежды папы и кардиналов); любовь, страстность (красное свадебное платье до XIX в., при Бургундском дворе красные одежды означали страстную любовь); революция как борьба

угнетенных за свободу. Отрицательные символические ассоциации: огонь как символ смерти (ад, пламя Сатаны); кровь, пролитая в войнах, кровь оскверненной плоти, демонические силы (на картинах дьявола изображали красным); плотский грех (обязательный элемент одежды красного цвета у женщин легкого поведения, красный фонарь у двери публичных домов); революционный террор; запрет, опасность (красная одежда судей, красные перчатки и капюшон палачей).

На наш взгляд, при рассмотрении функционирования символики цвета в тексте, ее сложную смысловую структуру удобно представить в виде фрейма, который, по определению М. Минского, является «структурой данных для представления стереотипной ситуации» [6, с. 7]. Согласно М. Минскому, по своей структуре фрейм состоит из верхних уровней, «которые всегда четко определены», и более низких уровней, содержащих «много особых вершин-терминалов», которые заполняются характерными примерами или данными [6, с. 7]. Основная часть терминалов заполнена субфреймами, приписываемыми по умолчанию, к которым могут присоединяться другие фреймы (субфреймы). Применительно к цветообозначениям, вершиной фрейма будет являться указание на цвет, вызывающее у интерпретатора зрительный образ, тогда как многочисленные символические ассоциации заполняют его терминалы, соединяемые с фреймами символизируемых объектов. При реализации фрейма в контексте определенные ассоциации могут акцентироваться, остальные же остаются в имплицации. При этом, поскольку сущность символа заключается в указании на предмет, нетождественный его идейной образности, для осуществления именем цвета символической функции в литературном тексте важно как раз присутствие тех или иных терминалов фрейма, открывающих путь к соответствующим субфреймам. А так как «человек при восприятии по отдельным элементам (терминалам) строит гипотезы (ожидания), т. е. прогнозирует вершину фрейма» [8, с. 116], то путем активации в сознании терминалов фрейма соответствующего цвета, читатель может восстановить целостное содержание текста со всеми невыраженными формально символическими смыслами.

Несмотря на то что символические константы хранят в себе память культуры и обеспечивают единство ее различных хронологических пластов, «символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует»

[5, с. 242]. Следовательно, в литературных текстах, созданных в разные культурные эпохи, наиболее отчетливо могут проследиваться определенные символические ассоциации, связанные с цветом, т. е. активироваться те или иные терминалы фрейма. Кроме того, символическая функция цветообозначений может по-разному реализоваться в тексте в зависимости от его жанровой принадлежности и индивидуального стиля автора.

Проиллюстрируем это, рассмотрев символики красного цвета, на материале художественных текстов, созданных в разные исторические эпохи и принадлежащих разным литературным жанрам и течениям: современной французской художественной прозы – романе Ф. Соллерса «*Passion fixe*» (2000) и сборника стихов В. Гюго «*Les Contemplations*» (1856). В результате проведенного нами анализа можно констатировать различия в частотности употреблений и способах репрезентации красного цвета в произведениях В. Гюго и Ф. Соллерса. Так, в романе Ф. Соллерса красный цвет вербализуется лексемами на базе прилагательного *rouge* (непосредственно само прилагательное *rouge*, *rouge sombre*, *rouge à peine indiqué* и образованные от него деадъективы) с количеством словоупотреблений, равным 25. В указанном сборнике стихов В. Гюго мы выделили следующие лексемы, служащие для репрезентации красного цвета: *rouge* – *красный* (17); *rouge* (5); *rougeâtre* – *красноватый* (1); *rougeur* – *красный цвет* (3); *rougir* – *краснеет* (8); *vermeil* – *алый или теплый золотистый цвет с красным отливом* (5); а также существительные, обозначающие прототипы репрезентируемого цвета: *pourpre* – *пурпур* (10); *carmin* – *кармин* (2); *rubis* – *рубин* (2); *fraise* – *клубника* (2); *cerise* – *вишня* (2); *sorbier* – *рябина* (1); *camail* – *мантия кардинала* (1); *braises* – *угли* (1). Отметим, что остальные цвета у В. Гюго также характеризуются большей частотностью употреблений и более богатой гаммой оттенков. Это можно объяснить, в частности, тем что именно писатели-романтики, находясь под влиянием импрессионизма, первыми заинтересовались передачей цветоощущений. Однако основной целью данного исследования являлось рассмотрение символических ассоциаций, вызываемых употреблением в тексте номинаций красного цвета и их распределение в текстах двух писателей.

В произведениях обоих авторов прослеживается одна из наиболее архитипических ассоциаций, вызываемых красным цветом, а именно

его связь с кровью, которая, как уже отмечалось, может трактоваться амбивалентно, обладая как положительной, так и отрицательной символикой. Рассмотрим следующий контекст, взятый из сборника стихов В. Гюго:

Et, la nuit, dans l'étal morne et silencieux,
Le cadavre au cou rouge, effrayant, glacé, blême [9, с. 383].

Здесь можно заметить яркий контраст зрительного образа, создаваемого красным цветом, темнотой ночи и бледностью мертвеца. Очевидно, что данный пример основан на отрицательной интерпретации красного цвета, так как активирует терминалы фрейма «rouge», включающие значения смерти, преступления, жестокости.

В другом примере, взятом из произведения Ф. Соллерса, красный цвет ассоциируется с кровью, которая течет, пульсирует в венах, т. е. символизирует активность, движение, энергию:

...j'ai l'impression d'avoir matérialisé du temps, de l'avoir presque sous la main sous forme de petits blocs rouges, poudre de grains bien palpables. Il s'est contracté, le temps, il limaille. On navigue sur un drôle de bateau, dis donc, vaisseau est un meilleur mot, il implique le sang et les veines [10, с. 183].

Однако в том же романе, когда речь идет о смерти, появляется кровь черного цвета, традиционно символизирующая смерть, траур, небытие:

...les filtres de sang noir de la chair... l'odeur de mort est tout ensemble odeur indiscutable et complète absence d'odeur [10, с. 239].

Оба автора используют красный цвет в качестве традиционного символа любви и страсти. Так, у Ф. Соллерса предмет красного цвета (роза, покрывало, лампа) выступает атрибутом физической, плотской любви:

On venait pourtant de bien faire l'amour, du moins il me semble, ou alors c'était justement parce que. En réalité, le déclic était la rose rouge sur la cheminée, dans un verre... [10, с. 76].

Je regarde ses mains précises, ses jambes sûres ... elle monte, elle m'appelle, voilà une chambre pour vous et un lit. Je m'effondre tout habillé sur une couverture rouge, on verra plus tard [10, с. 84].

Je l'attire sur moi, on s'embrasse fort, on est bientôt serrés sur le tapis, j'entends grogner le chien, il est jaloux, elle se lève, ferme la porte à clé, allume dans un coin une lampe rouge, et cette fois on ne baise plus, on fait l'amour [10, с. 92].

Подобную корреляцию, выражающуюся в использовании номинаций красного тона в структурировании фрейма «страстная любовь» находим и у В. Гюго, причем в данном контексте он чаще всего вербализуется через лексемы, обозначающие названия плодов, имеющие в своей семантике перцептивные признаки «сладкий», «сочный» (*fruit vermeil* – ярко-красный спелый плод, *cerise* – вишня, *fraise* – клубника):

Ses petits doigts allaient chercher le fruit vermeil...
Penchée, elle m'offrait la cerise à sa bouche;
Et ma bouche riait, et venait s'y poser,
Et laissait la cerise et prenait le baiser [9, с. 99].
Aimez-vous ! c'est le mois où les fraises sont mûres [9, с. 115].

Интересно, что используемая В. Гюго в других контекстах лексема *vermeil* скорее реализует признак «свет», «свечение» и употребляется в значении «dorure d'un ton chaud tirant sur le rouge» («позолота с красным отливом»). В частности, это отчетливо прослеживается в противопоставлении темного и светлого:

Tout est grand ; sombre ou vermeil,
Tout feu qui brille est une âme [9, с. 51].
Tous ses masques, noirs ou vermeils [9, с. 202].

Подобное значение фрейм «*vermeil*» реализует в образе *lys vermeil*, персонифицирующем погибшую дочь поэта:

Les fleurs souffrent sous le ciseau,
Allez à Saint-Mandé, cherchez dans le champ sombre,
Vous trouverez le lit de sa noce avec l'ombre;
Vous trouverez la tombe où gît ce lys vermeil;
Et c'est là que tu fais ton éternel sommeil [9, с. 286].

Соединение *vermeil* с фреймом «*lys*», являющимся референтом белого цвета, приводит к интеграции символических ассоциаций. Так, белая лилия символизирует здесь чистоту, непорочность. В сочетании с активацией таких субфреймов красного цвета, как «свет», «источник жизни» создается новый образ, выступающий в данном контексте символом бессмертия непорочной души. В таком же значении фрейм «*vermeil*» используется писателем в других контекстах для создания образа светящейся бездны, представляющей собой мир иной:

Et qu'ainsi, faits vivants par le sépulcre même,
Nous irons tous un jour, dans l'espace vermeil [9, с. 129].

Ou plutôt, car la mort n'est pas un lourd sommeil,
Envolez-vous tous deux dans l'abîme vermeil [9, с. 222].

В данных примерах фрейм «vermeil» сочетается с фреймом «смерть», хотя традиционно и бездна, и смерть скорее ассоциируются с ночью, темнотой, черным цветом, что находит подтверждение и у В. Гюго:

Quels nids avez-vous vus, noirs comme des abîmes [9, с. 301].

Et l'abîme énorme où l'oeil fuit,
Je me suis demandé si cette ombre où l'on souffre
Pourrait jamais combler ce puits, et si ce gouffre
Pourrait contenir cette nuit! [9, с. 319].

L'abîme, autour de nous, lugubre tremblement [9, с. 329].

L'ombre, le plomb, la mort, la tombe, le néant! [9, с. 54].

Puis ma porte soudain s'ouvrit devant la mort,
Cette visite brusque et terrible de l'ombre [9, с. 395].

Наиболее ярко подобный дуализм интерпретации фрейма «смерть» выражен в *Radieux gouffre! abîme obscur!* [9, с. 134]. Таким образом, терминалами фрейма «смерть» выступают субфреймы «бездна», «светящееся пространство» и символические ассоциации красного цвета, связанные со светом, теплом, очагом. В результате вырабатывается новое смысловое содержание: смерть понимается скорее как избавление от мирских бед, как светящееся теплым красным светом пространство (*espace vermeil, abîme vermeil*), т. е. реализуется положительное символическое значение красного цвета. Такая интерпретация смерти находит подтверждение в строках:

Des grands abîmes étoilés!
En attendant l'heure dorée,
L'extase de la mort sacrée [9, с. 361].

Подобным образом символика красного цвета используется Ф. Соллерсом:

Le jour progressait à travers les acacias, à droite, le soleil rouge était déjà dans les branches. Il était très tard, en réalité, tout s'était passé il y a très longtemps, dans un autre horizon, derrière les bois et les digues. Les fleurs se marraient, elles aussi, elles connaissent le truc, elles en vivent. Il ne s'était jamais rien passé, j'étais merveilleusement mort, c'est tout simple [10, с. 286].

Здесь референт красного цвета (*soleil rouge*) выступает в качестве фона, под влиянием которого происходит осознание героем собственной смерти, которая случилась удивительным, чудесным образом, на другом горизонте (*merveilleusement, autre horizon*, что перекликается с *espace vermeil* В. Гюго). Однако если у В. Гюго смерть трактуется как продолжение жизни души после физической гибели, то у Ф. Соллерса она понимается как смерть души при жизни тела. Парадоксальным образом это сближает двух авторов в осознании жизни как жизни духовной.

В тексте В. Гюго красный цвет может выступать символом власти, богатства, роскоши, активируя соответствующие терминалы фрейма *pourpre* (*пурпурный, ярко-красный цвет*). Напомним, что именно такого цвета были одежды королевской знати:

La vérité, si douce aux bons, mais rude et franche,
Quand pour l'or, le pouvoir, la pourpre qu'on revêt,
On la trahit, devient le spectre du chevet [9, с. 233].

J'ai connu la pourpre, et la cendre
Qui me va mieux [9, с. 365].

В романе Ф. Соллерса не прослеживается столь устойчивой корреляции, тем не менее в этом отношении интересен пример:

– Tu as vu le ciel ? – Sacré rouge. On sort, on est à Rome, on traverse la Piazza Navona, la fontaine chante et bondit dans la nuit, tout évoque une énorme joie disparue, elle a eu lieu, pourtant, voici ses signaux, ses restes [10, с. 134].

В данном контексте красный цвет служит не столько для создания у читателя зрительного образа неба, залитого солнцем, сколько активирует в его сознании фрейм «Римско-католическая церковь», представленный терминалами *Rome* и *sacré*, которые входят в эпитет *sacré rouge* (*священный красный*). Такое использование в тексте символики цвета помогает читателю выстроить образы других объектов, созданных интенцией автора.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно констатировать относительное совпадение реализуемых символических ассоциаций, связанных с красным цветом, в рассмотренных текстах. Это обусловлено тем, что символ всегда связан с памятью культуры, пронизывая ее по вертикали. Однако в конкретном культурном

контексте символ может меняться, изменяя при этом и сам контекст. Как было продемонстрировано, это происходит, в частности, в художественном тексте, где могут быть актуализованы уже существующие, традиционные символические значения на базе цвета, а также могут быть символически интерпретированы некоторые свойства образа, т. е. созданы новые символические смыслы. Это связано с тем, что название цвета не реализует в тексте всех символических ассоциаций, которые образуют определенный смысловой резерв, с помощью которого могут быть образованы новые связи, а символ может изменять свою сущность и текстовое окружение.

Итак, мы рассмотрели понятие символа и установили, что он является разновидностью знака, который характеризуется мотивированностью отношений между означаемым и означающим. В то же время символ – это образ, который, в отличие от смежных категорий, указывает на присутствие некоего иного смысла, не тождественного его идейной образности. Это создает условия для неоднозначной интерпретации символа, что открывает большие возможности для использования его в художественном тексте. Причем наибольшим смысловым потенциалом обладают простые символы, к которым можно отнести цветообозначения. Символика цвета имеет национально-специфичные черты и является своеобразным сгустком культуры. В то же время смысловая структура символика цвета может видоизменяться в ходе исторического развития, приобретать новые ассоциации. Это находит отражение в художественном тексте, где имена цвета используются не только для создания ярких зрительных образов, но и выполняют функцию символа. Для понимания механизма реализации этой функции названия цвета можно представить в виде фреймов, терминалы которых заполнены многочисленными символическими ассоциациями, которые могут соединяться с другими фреймами, создавая специфическое пространство для порождения смыслов на уровне текста и интерпретации читателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* София-Логос. Словарь. – 2-е изд., испр. – Киев : Дух і Літера, 2001. – С. 155–161.
2. *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 231–291.

3. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
4. *Лосев А. Ф.* Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. Вып. 1. – М., 1971. – С. 3–13.
5. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб., 2000. – 704 с.
6. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
7. *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб. : Александрия, 2012. – 448 с.
8. *Сухих С. А., Зеленская В. В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 1998. – 159 с.
9. *Hugo V.* Les Contemplations. – P. : Flammarion, 2008. – 478 p.
10. *Sollers Ph.* Passion fixe. – P. : Gallimard, 2000. – 416 p.

УДК 12(723)14

Е. Е. Панкина

преподаватель кафедры испанского языка
переводческого факультета МГЛУ
e-mail: spanish_is_fun@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ
(на примере пиренейского варианта испанского языка)**

В статье рассматриваются наиболее заметные фонетические тенденции в современном молодежном жаргоне. Автор статьи анализирует весь понятийный ряд, существующий для определения сленга в русском и испанском языках, и акцентирует внимание на сленге и отсутствии единого подхода к его изучению.

Ключевые слова: фонетические тенденции; молодежный жаргон; сленг; испанский язык.

Pankina E. E.

Lecturer, Department of the Spanish Language,
Faculty of Translation and Interpretation, MSLU
e-mail: spanish_is_fun@mail.ru

**BASIC PHONETIC CHANGES IN THE LATEST YOUTH SLANG
(Based on Castilian Spanish)**

The article tells about the most remarkable basic phonetic changes in the latest youth slang. The author focuses on slang definition and interpretation in Russian and Spanish languages and studies the problem of its analysis in modern linguistics.

Key words: phonetic changes; youth slang; slang; Spanish language.

В современной русской лингвистике проблема социолектов¹ стала рассматриваться сравнительно недавно. Впервые о существовании социальной дифференциации языка заговорили еще в 1968 г. представители Казанской школы, в частности А. И. Бодуэн де Куртене, который считал непосредственным материалом для изучения языков в первую очередь «живой язык», понимая под этим термином как литературный

---

¹ Социолект (*англ.* Sociolect от *лат.* societas – общество и (диа)лект) – совокупность особенностей речи социальной группы, социальный диалект с характерным словоупотреблением, способами выражения и стилистики – профессиональный диалект.

язык «образованных слоев общества», так и язык «простонародья», а также различные «классовые» жаргоны. В последствии его труды были расширены работами Е. Д. Поливанова и А. М. Селищева, которые доказали связь языковых и общественных процессов, а также обосновали необходимость социальной диалектологии, наряду с диалектологией территориальной.

Однако среди западных ученых эта тема стала изучаться значительно раньше. Впервые термин «сленг» был зафиксирован в 1800 г. в качестве сокращения от сочетания *Social language*. Понятие сленга описывало язык маргинальных и криминальных групп. Однако впоследствии термин получил более широкое значение, и современный оксфордский словарь «Merriam-Webster Dictionary» уже определяет сленг как «low, vulgar, unauthorized language, a popular but unauthorized word, phrase, or mode of expression, also the jargon of some particular calling or class in society, low popular cant, as, the slang of the theater, of college, of sailors, etc» (неформальный, просторечный, нелитературный язык; популярное, но нелитературное слово, фраза или выражение, также жаргон представителей некоторых профессий и социальных групп, неформальный просторечный жаргон, например: театральный жаргон, студенческий жаргон, жаргон моряков)¹ [8].

В современном русском языке «Большой энциклопедический словарь» [1] дает следующее определение этому понятию.

Сленг (*англ.* slang) – 1) то же, что жаргон, преимущественно в англоязычных странах 2) вариант разговорной речи в т. ч. экспрессивно окрашенные элементы этой речи, не совпадающие с нормой литературного языка.

Жаргон (*фр.* jargon) – социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией (*ср.* **Арго**). Иногда термин жаргон применяется для обозначения искаженной, неправильной речи.

Арго (*фр.* argot) – диалект определенной социальной группы (первоначально – воровской язык), создаваемый с целью языкового обособления. Характеризуется специальной (узкопрофессиональной) или своеобразно освоенной общеупотребительной лексикой.

Однако, например, «Словарь испанской королевской академии наук» (DRAE) данную лексему не регистрирует, тем не менее это вовсе

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. П.

не подразумевает отсутствие данного понятия в испанском языке. Похожую смысловую нагрузку здесь несут такие языковые единицы, как:

Jerga 1. Lenguaje especial y familiar que usan entre sí los individuos de ciertas profesiones y oficios, como los toreros, los estudiantes, etc. 2. Jergonza

Argot (*del fr.* Argot) 1. M. Jerga, jergonza 2. M. Lenguaje especial entre personas de un mismo oficio o actividad

Caló 1.M. Lenguaje de los gitanos españoles

Germanía (*del lat.* Germanus, hermano) Jerga o manera de hablar de ladrones y rufianes, usada por ellos solos y compuesta de voces del ididoma español con significacion distinta de la verdadera y de otros muchos vocablos de orígenes muy diversos.

Все они так или иначе пересекаются с определением сленга в английском и русском языке. Однако отсутствие четкого определения данного понятия среди лингвистов существенно усложняет процесс его исследования, ведь вариативность терминов приводит к отсутствию единого понимания концепта «сленг» и единого подхода к проблеме его изучения.

Тем не менее, рассуждая о сленге и разговорном языке, следует выделить определенные факторы, которые тем или иным образом влияют на его проявления. В современной лингвистике выделяют аспекты: пол, возраст, социальный класс, образование, профессия, происхождение, раса, территориальная и этническая принадлежность. Каждый из перечисленных аспектов в той или иной степени отображается в языке носителей. Согласно результатам последних исследований британских лингвистов Ричарда Камерона и Пенелопы Эжерт, наиболее значительный отпечаток на язык какого-либо народа накладывает именно возраст. Ведь в результате взросления меняются и остальные факторы, в том числе и проявление гендерных различий. Едва ощутимые в детстве, они достигают своего пика в подростковом возрасте, а затем постепенно сглаживаются, лишь немного возрастая в старости. Дж. К. Чамберс выделяет несколько возрастных групп в зависимости от значимых периодов в жизни каждого человека [4]:

- детство (язык развивается под влиянием семьи и друзей, формируются элементарные понятия о языке);
- подростковый возраст (язык развивается за счет общественного окружения, формируется понятие стилей и регистров);
- зрелость (устанавливается понятие языковой нормы и литературного языка).

Продолжая гипотезу Дж. К. Чамберса, современные лингвисты начали проект «Varilex», который предлагает проводить исследования по всему миру, опираясь на 4 возрастные категории: до 20–25, от 20–25 до 35, от 36 до 50 и от 51 до 65, где 1 этап – получение образования; 2 этап – начало профессиональной карьеры и получение независимости от семьи; 3 этап – зрелость и период максимальных профессиональных достижений; 4 этап – профессиональная зрелость и пенсионный возраст. Информанты тестируются каждые 15 лет, и исследователи фиксируют изменения в их языке и манере говорить на фонологическом, морфемном, лексическом и синтаксическом уровнях.

Каждую из этих групп отличают свойственные только им речевые характеристики, а следовательно, и социолекты.

Социолект (*англ.* sociolect от *лат.* *societas* – общество и (диалект) – совокупность особенностей речи социальной группы с характерным словоупотреблением, способами выражения мысли и стилистики, реже – профессиональный диалект [1].

Так как своего пика гендерные проявления языка достигают в период с 12 до 20–25 лет, то и процессы словообразования наиболее активны именно в этот период. Поэтому для изучения новейших тенденций в языке следует обращаться к изучению именно языка подростков, их сленга и группового жаргона.

Рассмотрим сленг и групповой жаргон подростков с точки зрения проявления некоторых их особенностей на различных уровнях языка. Языковой уровень – одна из основных подсистем языка, выделяемых на основании свойств и функций единиц языка, рассматриваемых в порядке их иерархии [4]. Традиционно лингвистами выделяются четыре основных уровня (фонологический, морфемный, лексический и синтаксический) и три промежуточных (морфонологический, словообразовательный и фразеологический) по принципу вычленения или невычленения их минимальных единиц. Анализируя особенности сленга и группового жаргона подростков, стоит остановиться более подробно на тех уровнях, где они наиболее заметны: морфонологическом, лексическом и синтаксическом.

Говоря об особенностях морфонологического уровня сленга, мы в первую очередь анализируем фонетические характеристики говорящих. Отслеживание изменений в акустической оболочке слова представляет особую сложность, ведь помимо социальной вариативности,

язык ощущает на себе влияние и вариативности территориальной. Однако, в отличие от методов изучения территориальной вариативности, методы изучения вариативности социальной еще не столь технично проработаны. Принимая во внимание данный факт, можно условно выделить некоторые наиболее заметные фонетические тенденции в речи современной испанской молодежи:

- удлинение звуков;
- метатеза и замена одних звуков другими;
- ослабление и выпадение звуков;
- добавление звуков.

Теперь рассмотрим эти явления более подробно.

Основными причинами удлинения звуков в современном разговорном испанском языке являются:

- 1) компенсирование недостаточности речи и структурирование хода дальнейшей мысли:

Mira es queeee si tú quieres venir yuyu es quee / tú sabes que la gente no quieree yuyu ahora esto así es u marrón pa(ra) nosotros poqueee / ahora ¿qué les decimos?

- 2) сохранение за собой очередности в диалоге:

Pués ayer me crecé con él yuyuy va y me dice él tíoooooo / oye /que al inal no voy / ¿eh?

- 3) экспрессивность:

¡Qué carajazooooo!
¡Qué bueeeno!

- 4) эвфемизация смысла высказывания, передача эмоций:

- ¿Cómo está la paella? ¿Te gusta?
- Bueeeeno / no está mal del todo // ¡Es broma! Está muy buena

Из примеров видно, что удлинение звуков из фонетического явления становится отчасти явлением лексического характера, т. е. приносит новые смыслы и интерпретации в высказывание. Современные подростки, используя подобные приемы в повседневном общении, создают некую сетку значений для своего собеседника.

Помимо удлинения гласных, можно говорить о периодической замене одного звука или звукового сочетания на другое, при этом также делая различие между изменением в произнесении гласных

и согласных. Ввиду общей тенденции к расслаблению мышц артикуляции в быстрой неформальной речи, а также тенденции к экономии усилий в процессе говорения, многие гласные становятся более ослабленными или не произносятся вообще. Как отмечает А. Бланко Каналес, эта тенденция характерна для всех социолектов и идиолектов (от *grec. idio* – своеобразный, особый + *dialektos* – говор, наречие). Совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка. Подобные изменения частотны в основном в безударных гласных, например: [e] может переходить в [i], как в словах *debilidad, ceremonia* и др.; [u] может переходить в [o], как в словах *municipio, sepultura* и др. Таким образом, можно сделать вывод, что гласные становятся более закрытыми.

Кроме того, в речи подростков прослеживается тенденция к монофтонгизации. Гласные, находясь в близком соседстве с другими звуками, ассимилируются с ними и образуют один, качественно другой звук, например гласный [a] в таких фразах, как *no quiero nada* ['no 'kiero 'na], *para allá* [pa'ya] или дифтонг [ue], который становится монофтонгом в таких словах, как *bueno* ['beno] и др.

Безусловно, подобные изменения происходят в речи далеко не всех испанцев и могут быть характерны только для жителей определенных областей или носителей определенного социолекта, поэтому каждый отдельно взятый феномен следует рассматривать более конкретно и детально.

Анализируя изменения в произнесении согласных, можно выделить несколько наиболее показательных явлений для современного испанского разговорного языка, например, йеизмо (*calló, cayó*), произнесение или непроизнесение межзубного глухого [z] и [c] (*persona, cereza*), аспирация апикально-альвеолярного [s] (*los amigos*), нейтрализация смычных [l] и [r] (*bolsa, cuerpo*), нейтрализация смычных [p] и [b], [t] и [d], [k] и [g] (*capturar, atleta, ignorante*), ослабление [d] на конце слова (*verdad, pared*), фонетическая эквивалентность схожих звуков (*bueno, vuelta*), веляризация [h] в начале слова (*un kilo de habas*), ассимилизация [r] (*tronco*), веляризация [rr] (*Ramón-jamón*), замена [y] и [ʎ] на [ɥ] и их фриктивизация до [ʃ] (*chica, llamar*), переход интервокальной [ð] в [r] (*cada, salada*), веляризация [n] на конце слова (*copión, anden*).

Также в испанском разговорном языке весьма распространены случаи метатезы, т. е. перестановки букв и слогов в слове (Ср. *palabra* /

parabla; de repente / redemente; satisfacción / sastifación). Впрочем, стоит отметить, что это явление более характерно для речи подростков с низким уровнем образованности, хотя подобное некорректное произнесение иногда закрепляется в речи и более грамотных носителей.

Однако в условиях экономии времени и усилий вне зависимости от территориальной принадлежности или социального статуса носителя в большинстве случаев мы сталкиваемся именно с ослаблением или выпадением звуков, а не их удлинением и заменой. Условно можно выделить три возможных варианта описания процессов, происходящих в составе слова: афереза, апокопа и синкопа.

Афереза (*греч.* ἀφαίρεσις – отнятие, лишение) – утрата начального звука или звуков слова. Причины утраты начальной буквы или слога еще до конца не изучены, поэтому не существует строго регламентированных правил усечения основы. Наиболее распространено выпадение начального слога в именах собственных (*Tina* вместо *Cristina*, *Nando* вместо *Fernando*). Кроме того, в разговорной речи подростков нередко можно услышать слова и выражения, которые теряют первый слог основы и не поддаются никакой лингвистической классификации (*norabuena* вместо *enhorabuena*, *tate quieto* вместо *estate quieto*).

Апокопа (*греч.* ἀποκοπή – отсечение) – утрата конечного звука или звуков слова вследствие фонетических процессов [1]. Помимо уже ставших нормой усечений в некоторых именах собственных (*Montserrat – Monse, Rafael – Rafa, Nicolás – Nico*), числительных (*tercero – tercer, primero – primer*), местоимениях (*alguno – algun, ninguno – nungun*) и др., в молодежной среде наметились новые тенденции:

1) потеря конечного [r] в инфинитивах (*dejar* [de'xa], *avisar* [aβi'sa], *coger* [ko'xe]), инфинитивах с беспредложными местоимениями (*perderlo* [per'delo], *decirle* [de'θile]), инфинитивах при определенном артикле *cocer las patatas* [co'θe lah pa'tata], *asar los pimientos* [a'sa loh pi'mjeɲto], однако в разговорном языке существует и противоположная тенденция к нарочитому утрированию конечного [r] (¡tienes que creérrrtemelo!);

2) выпадение [s] (*nosotros* [no'sotro], *además* [aðe'ma], *eres* ['ere]) в некоторых случаях вместе с s выпадают и другие смежные звуки (*está* ['ta], *estamos* ['tamo]);

3) потеря конечного [l] в существительных (*sal* ['sa], *arbol* ['arβo], *total* [to'ta]).

Синкопа (*греч.* συνκοπή – сокращение) – выпадение одного или нескольких звуков внутри слова [1]. Наиболее распространенным примером синкопы является ослабление или выпадение интервокального [d] не только в причастиях, но и в прилагательных, существительных и других частях речи (*parado* [pa'ra^o] и [pa'rao], *pringado* [priŋ'ga^o] и [priŋ'gao], *salada* [sa'laða] и [sa'la], *todo* ['toðo] и ['to]). Постепенно [d] слабеет до [ð], а затем и вовсе исчезает. Данная тенденция характерна для всех смычных интервокальных согласных, например, [g] также слабеет до [ɣ], а затем исчезает (*migaja* ['mij'aha], *agua* ['a'wa]).

Добавление звуков встречается значительно реже ослабления и выпадения. Лингвисты предлагают выделять эпентезу, протезу и парагогу.

Эпентеза (*греч.* ἐπένησις – вставка) – появление в слове звука, который этимологически, исторически отсутствовал в нем и является проявлением тенденции к облегчению произношения или аналогического воздействия [1]. Подобные добавления типичны для носителей языка с низким уровнем образования. М. Альвар в своих работах указывает, что эпентеза в испанском языке чаще всего выражается добавлением носового звука или вибранта в смычной позиции, а также удвоением прямого слога (*canasta* [ka'nastra], *adelante* [a'lan^{tre}]), хотя в основу могут прийти звуки и другого места образования (*trompezar* вместо *tropezar*, *toballa* вместо *toalla*).

Протеза (*греч.* προθεσις – выставление, присоединение) – появление добавочного звука перед первым звуком слова для облегчения произношения. Наряду с эпентезой, протеза также редко встречается в речи образованного населения (*afusilar* вместо *fusilar*, *arrascar* вместо *rascar*). Особый интерес представляет дифтонг [hue] в начале слова, который в неформальном общении становится сильным [gwe]: ['gweβo] вместо *huevo*, ['gweɫba] вместо *huelva*. Впрочем подобная эпентеза нередка и в середине слова ([paɾi'gweɫa] *parihuela*).

Парагога (*греч.*, от *parago* – удлинять) – удлинение слова добавлением в конце его нескольких букв или слогов. Парагога в речи подростков проявляется в результате добавления *s* в формах Pretérito Indefinido второго лица, единственного числа (*hablastes*, *sentistes*) и существительных единственного числа (*contrafríos* вместо *contrafrío*, *guardarropas* вместо *guardarropa*) по аналогии с существительными,

образованными сложением. Также частотно добавление *n* ([a'sin] вместо *así*, [nadjen] вместо *nadie*).

Проанализировав некоторые современные фонетические тенденции, типичные для современной молодежи, можно сделать вывод, что изменения в акустической оболочке слова имеют разнонаправленные векторы. Объяснить предпосылки подобных изменений в фонетическом строе языка представляет особую лингвистическую сложность, однако так или иначе эволюция языковых процессов стремится к экономии произносительных усилий, экономии фонем, а также соблюдению некоторых принципов лингвистической симметрии. Изменения на морфонологическом уровне, как и на других уровнях испанского языка, являются естественной реакцией наиболее активного слоя населения на социальные, культурные, политические и другие изменения в стране, а также на изменения, происходящие в других языках в условиях глобализации. Подобная реакция сначала ощущается в отдельных идиолектах, а затем распространяется на социолекты, в первую очередь на социолект подростков, а значит на их сленг и групповой жаргон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лапина И., Маталина Е.* Большой энциклопедический словарь. – М. : АСТ, Астрель, 2003. – 1248 с.
2. *Пищальникова В. А., Сонин А. Г.* Общее языкознание : учебник для вузов. – М. : Академия, 2009. – 447 с.
3. *Cameron R.* Language change or changing selves?: Direct quotation strategies in the Spanish of San Juan. – Puerto Rico : Diachronica, 2000. – P. 249–292.
4. *Chambers J. K.* The Handbook of Language Variation and Change. – Oxford : Blackwell, 2002. – 832 p.
5. *Diccionario de Real Academia Española.* – Barcelona : S.L.U. Espasa Libros, 2007. (Edición en CD)
6. *Gaviño Rodríguez, V.* El estudio de la coloquialidad y su identificación en el continuum de variedades de uso de la lengua // Nuevas tendencias en la investigación lingüística / Luque Durán, J. de D., Pamies Bertrán, A. y Manjón Pozas, F. J. (eds). – Granada : Granada Lingvistica, 2002. – P. 345–350.
7. *Francisco Moreno Fernández.* Principios de sociolingüística y sociología del lenguaje. – Barcelona : Ariel Letras, 2005. – 224 p.
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.merriam-webster.com/>

УДК 81'373.4

А. С. Петракова

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка МГЛУ
e-mail: nastyapetrakova@gmail.com

ЗАКОНОМЕРНОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ НОМИНАЦИИ ФЛОРОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается функционально-генетический подход к номинации флоронимов во французском и румынском языках в сопоставительном аспекте. Устанавливаются закономерности мотивационной номинации флоронимов – мотивировочные признаки и способы номинации, обусловленные латинскими этимонами, человеческим, этнокультурным и прагматическим факторами. Проводится сопоставление выявленных мотивировочных признаков и способов номинации.

Ключевые слова: флороним; способ номинации; мотивировочный признак; внутренняя форма.

Petrakova A. S.

Postgraduate Student, Department of French Lexicology and Stylistics,
Faculty of French Language, MSLU
e-mail: nastyapetrakova@gmail.com

REGULARITIES OF MOTIVATED NOMINATIONS OF FLORONYMS IN FRENCH AND ROMANIAN LANGUAGES

The author develops functional and genetic approach to the problem of nomination of floronyms in two Romanic languages – French and Romanian. Regularities of motivated nominations of floronyms in both languages are revealed, they are motivating markers and means of nomination conditioned by Latin etymons, human, ethnocultural and pragmatic factors. Motivating markers and means of nomination of flowers in French and Romanian languages are compared on particular examples.

Key words: floronym; means of nomination; motivating marker; interior form.

Номинация (от *лат.* *nominatio* – (на)именование) обусловлена означающей функцией языка, его способностью присваивать имя, название предметам и явлениям объективной действительности, в том числе духовной деятельности человека, в процессе его познавательной деятельности, когнитивным способностям. Номинация осуществляется главным образом лексическими средствами. Таким образом, процесс именования – явление многомерное и многоаспектное,

вбирающее в себя все разнообразие и всю глубину проблем взаимоотношения языка и действительности, языка и мышления, языка и мира человеческих эмоций [15]. В. Г. Гак отмечал, что термин «номинация» может употребляться в динамическом аспекте, обозначая процесс наименования, и в статистическом, обозначая результат, само наименование [5].

Являя собой процесс наименования, осуществляемый в несколько этапов (выделение сознанием объекта, подлежащего наименованию, осмысление обозначаемого и выбор адекватного языкового средства, установление более тесной и постоянной связи между обозначаемым и обозначающим, закрепление за данным языковым отрезком определенного содержания и т. п.), а также результат этого процесса, номинация выступает одновременно и как продукт классификационно-познавательной речевой, языковой деятельности [8].

Цель данной статьи – сопоставительный анализ ряда флоронимов во французском и румынском языках с историко-генетической точки зрения. Специфика каждого конкретного языка в сфере создания лексических единиц, способных выполнять номинативную функцию, в значительной степени обусловлена особенностями его грамматического строя. В то же время основные способы номинации (деривация, семантический перенос, композитообразование и др.) являются универсальными и занимают центральное положение в системе номинативных средств языка [2]. Теория номинации в современной лингвистике является одной из формирующихся и развивающихся направлений и находится в поле зрения многих исследователей. Говоря о номинации, нельзя не упомянуть учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, а также понятие «внутренней формы слова», разработанного А. А. Потебней на основе учения В. Гумбольдта. По сути внутренняя форма слова – это его «ближайшее этимологическое значение», осознаваемое носителями языка. А. А. Потебня определял внутреннюю форму слова как «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [14, с. 98]. Понятие «внешней» и «внутренней формы» отдельного знака в «языковом сознании», противопоставленном «внеязыковому сознанию» как инструменту отражения мира и осуществления логических операций, введенное В. Гумбольдтом, дало А. А. Потебне возможность вычленить «минимум внутренней формы», служащей

для намека с помощью знака на определенный элемент внеязыкового сознания. Каждый акт образования номинативной единицы начинается с выделения, идентификации объекта реальности, обладающего многочисленными свойствами и отношениями. В результате классифицирующего «вторжения» мышления человека, редукции разнообразия осуществляется отбор отличительного признака [5].

В. Г. Гак выделяет два типа номинации в зависимости от обозначаемого объекта: элементная и событийная (ситуативная). Каждый язык отдает предпочтение определенным типам номинации. Элементная номинация обозначает определенный элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект. Номинантом здесь может быть слово или словосочетание, так обозначаемое ими явление предстает как изолированный, взятый обособленно элемент действительности. Событийная номинация в качестве номинанта имеет микроситуацию, т. е. событие, факт, объединяющий целый ряд элементов. Она имеет форму предложения [5]. Предметом нашего рассмотрения является элементная номинация. Приведем пример, флороним лат. *coronilla* – *вязель* (от *вязать*, так как растение стелется по земле, цепляясь усиками), второе название *заячий клевер* (из-за отдаленного сходства листьев вязаля с листьями клевера), фр. *coronille*, разновидности *coronille des jardins*, *coronille bigarée*, рум. *coroniște* или *cunună*, *cununiță*, *unghia-găinii*. Цветки этого растения мелкие, собранные в соцветия – зонтики, очень напоминают венец или даже корону, благодаря чему и получил этот флороним в латинском, а впоследствии и во французском, и в румынском такое наименование. Всего *coronille* включает в себя 10 видов, таким образом, внутренняя форма наименование сохранилась во всех разновидностях этого цветка.

Теория номинации связана прежде всего с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности [16]. Предметом теории номинации является изучение и описание общих закономерностей образования языковых единиц, средств и способов их образования, роли человеческого фактора в процессе наименования и т. д. Для называния французских и румынских флоронимов используются различные принципы номинации. Таким образом, мотивационная

направленность изучения наименований флоронимов входит в теорию номинации в целом.

И. Я. Садовникова в своем исследовании отмечает, что способ номинации – это прием наименования, представленный мотивировочным признаком [16]. Тем самым можно говорить о способе номинации, как о форме, а о принципе номинации – как о содержании. Принцип номинации – это исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых именовании. Так, при назывании растений на основе обобщения ряда мотивировочных особенностей – цвета, запаха, вкуса и др. – сформировался принцип номинации по признаку [16]. Выделение принципов номинации основано на свойствах и признаках самих реалий. Одни названия говорят о способах применения тех или иных лекарственных растений, другие – о месте их произрастания, третьи являются метафорическими и отражают определенные внешние данные, например, схожесть с животным миром и т. п. Это приводит к тому, что в каждой тематической группе названий образуется специфически ограниченный набор принципов номинации, отражающих, по мнению В. А. Меркуловой, «повторяющиеся, устойчивые, типичные этимологические признаки для членов данной группы» [12, с. 72].

В. В. Голев выделяет основные существенные (сущностные) признаки, производные от них, и признаки случайные (не обусловленные сущностью). Но сугубо лингвистическими аспектами изучение принципов номинации ограничивать нельзя, так как непосредственно определяющими для них являются внеязыковые факторы. Само выделение принципов номинации и их классификация основаны на этих факторах: свойствах и признаках самих реалий [6].

Как показали последние изыскания в области номинации, наименования флоронимов могут рассматриваться в двух плоскостях: как продукт научной номинации и как результат обыденно-когнитивной номинации [18]. Флороним *лаванда* и во французском, и в румынском имеет по два наименования: ботаническое – фр. *lavande* и рум. *lavandă*, общеупотребительное – фр. *spic* и рум. *levănțică*.

Хорошо всем известная *ромашка* во французском языке имеет два названия: ботаническое – *camomille* (*camomille allemande* = *camomille commune* – *ромашка аптечная* (лат. *Matricaria chamomilla*), *ромашка*

ободранная (лат. *Matricaria chamomilla*), *camomille double* = *camomille rotaine* – пупавка благородная (синонимы *римская ромашка*, *хаме-мелюм благородный*) (*Anthemis nobilis*) и обыденное – *marguerite* (от лат. *margarita* – жемчуг). Считается, что это название цветку подарило популярное женское имя *Marguerite* и производные от него – *Margo*, *Marguerite-marie*, *Marjorie*. В румынском языке у ромашки также два названия: обыденное – *mușețel* и ботаническое – *romaniță*. Интересно, что в румынском языке *margaretă* (лат. *Chrysanthemum leucanthemum*) означает *маргаритка*.

В научной систематике доминирующим оказывается осмысление принципов научной систематизации различных искусственных и естественных реалий, в том числе и ботанических. Обыденная номинация в соответствии с принципами когнитивной лингвистики, которая рассматривает язык как когнитивный феномен, может рассматриваться как продукт когнитивной деятельности человека, обусловленной особенностями языковой репрезентации предметов объективной действительности субъектом познания. Флоронимы (фитонимы) как продукты обыденно-когнитивной номинации отражают особенности менталитета народа в отношении мира растений. Структура номинации показывает, что лежит в основе мотивации наименований растений [16]. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующие данное утверждение.

- *нарцисс ложный*, или *желтый первоцвет* (лат. *Primulaveris*), – фр. *coison* – *кукушка*, рум. *ciuboțica-cucului* – *клювик кукушки*. В румынском и французском языках связь этого наименования с птицей кукушкой не случайна. Нарцисс ложный начинает цвести весной в период начала пения кукушки. Таким образом, в наименовании сыграли важную роль два временных фактора: совпадение периода цветения первоцвета с периодом пения кукушки, тем самым определяющим для номинации стала именно кукушка;

- высокогорное растение *аконит клубучковый* (ботаническое название), или *борец клубучковый* (лат. *Aconitum*), он же *волчий корень*, или *волкобой*, во французском языке имеет названия *aconite*, *aconite-loup* и *tue-loup*, в румынском – *aconitum*; *aconit* (med.); *otag*. Аконит – ядовитое растение, используемое в медицинских целях, а также для отравления волков и других хищников. Несмотря на то что аконит произрастает и во Франции, и в Румынии, в румынском языке отсутствует в названии растения указание на его применение

для отравления волков, как это имеет место в русском и во французском, хотя французское и румынское названия восходят к латыни. Итак, в двух из трех языков название аконита говорит нам о его приращении, мотивация номинации ясна;

- *дудник, дудник лесной, дягиль лесной* (лат. *Angelica archangelica*) во французском сохраняет первую часть от латинского названия *angélique*, а вторую – получает от места произрастания – *des bois*. В румынском же название растение получает только от латинского – *angelica*;

- *адонис весенний, горюцвет* (из-за ярко-желтых цветов), *черногорка, заячья трава, заячий мак* (лат. *Adonis vernalis*), в румынском – *adonis, ruscuța, cocoșel, scânteiță, spânț, deditei-galbeni pl., chimen-câinesc*. В русском языке в номинации отражается употребление этого растения зайцами (*заячья трава, заячий мак*), а в румынском – указывается на предпочтение этой травы курами и петухами, а также обращается внимание на окрас лепестков цветка, но не делается акцента на периоде цветения, во французском же наоборот все внимание приковано именно к этому фактору – *adonis, adonide de printemps*;

- *горная арника* калька с латинского *arnica montana*, сохраняет в названии *горная*, как во французском – *arnica des montagnes*, так и в румынском – *arnica, podbal-de-munte, carul-pădurilor*, указывая, что именно в горах произрастает данное растение.

- *ail des bois* или *ail des montagnes* – на французском, *leurda*, или *ail de pădure*, – румынский эквивалент названия, *Allium montanum* – латинское название на русский язык переводится как *черемша, дикий лук*. Происхождение слова *ail* спорно. Одни исследователи считают, что родовое имя обязано своим названием чесноку: в Древнем Риме чеснок называли *allium*. Другие связывают происхождение этого родового названия с кельтским словом *all* – *жгучий*. И в румынском, и во французском указывается в наименовании место произрастания – лес;

Как видно из примеров, в процессе номинации растений человек активизирует не только все чувственные модусы – зрение, осязание, обоняние, но и наблюдает за растениями и фазами их роста, поведением животных и их отношением к различным растениям. Номинация помимо прочего ищет практическое применение (например, для лечебных целей, ритуальных – магических или в качестве отравы) цветам, что играет немаловажную роль в наименовании, классифицировании и в культивировании растений.

Но при этом следует помнить, что в процессе словотворчества значительную роль играет стихийное наименование, иногда волею случая. Осознанное наименование предполагает наличие некоей конечной цели, стихийность же синонимична неосознаваемости, случайности, где номинатор подвластен индивидуальному опыту, субъективному восприятию и пониманию мира. Лингвист и философ Л. Ф. Лосев писал по этому поводу: «... даже если вещь названа решительно без всяких подробностей, а просто как таковая, как простейший предмет простейшего указания, даже и в этом случае сознание продельывает некоторого рода творческую работу: оно выделяет эту вещь из других вещей, оно отвлекается от разных подробностей, свойственных вещи, всех ее качеств и количеств и сосредотачивается пока только на самом факте ее существования» [9, с. 85]. Он говорил о естественной номинации, которая определяется как процесс непреднамеренный, практически неосознанный, «оно само создано».

В. В. Копчева справедливо пишет: «Слово необходимо, и оно создается, коль скоро «под рукой» не оказывается ничего подходящего. От этого слова кажутся естественными и органичными, а не созданными нарочито, как при искусственной номинации, где слова создаются с определенной целью, где доминируют сознательные установки. Но и при наличии определенного ряда требований к названию, нельзя отрицать наличия и стихийности, то есть искусственная номинация практически невозможна без естественной. Каждая конкретная номинативная ситуация, заканчивающаяся созданием слова, включает в себя массу факторов лингвистического и экстралингвистического порядка, комбинация этих факторов складывается самым стихийным, непредсказуемым способом» [7, с. 27]. Похожие идеи высказывает Н. П. Семенов: «... в составлении названий растений вообще лучше всего подражать простому народу. Ему всегда удаются производные слова... Народ никогда не составит слова в противность духу языка, как это нередко происходит в литературных и ученых произведениях. Его инстинкт в этом случае изумителен» [17, с. 13].

Как видно из выше рассмотренных примеров, почти все фитонимы имеют народное и научное название. Народное наименование флоронимов это процесс естественной номинации. Н. И. Анненков говорил, что растение должно обладать «замечательностями», чтобы простой человек выделил его из общего числа, обратил на него свое

внимание и дал ему имя. Обыденная номинация четко и ясно отражает внешние признаки растения или его применение, что помогает обывателю, не имеющему знаний в области ботаники, его распознать и применить [1]. Но для научной классификации обыденные названия не применимы, так как часты случаи наименования двух разных фитонимов одинаково, из-за отсутствия явных отличительных признаков. Так, например, очень часто путают ландыш с купеной многоцветковой, встречаются даже случаи наименования купены во французском, как *cousine du muguet* и *faux-muguet*.

Рассмотрим несколько примеров наименований флоронимов во французском и румынском языках, на обыденную номинацию которых повлиял их внешний вид. Начнем с упомянутой выше *купены многоцветковой* (лат. *Convallaria majoniflora*), так как во французском и румынском языках ее название представляет для нас интерес. *Grenouillet* – научное название купены во французском имеет синоним *sceau-de-Salomon*, его румынский аналог – *seal lui Solomon*. В народном наименовании цветка отмечено сходство его корневища с печатью. А точнее, на месте увядшего стебля формируется неглубокий овальный след, очень похожий на печать, но в нем нет каких-либо формирований в виде треугольников, что могло бы дать повод для сравнения этого следа с печатью Соломона. Это растение применяется в лекарственных целях, но оно смертельно ядовито в неправильных дозах, так что нужна мудрость самого Соломона, чтобы использовать для лечения это растение и не навредить. Как видно, наименование этого растения обязано своему корневищу (внешнему виду), своему применению и почитанию мудрости Соломона (культурный фактор).

Волжанка, или *козлиная борода* (*aruncus*), обладательница белых пушистых продолговатых соцветий, очень напоминающих козлиную бороду, названа по своему внешнему виду. Во французском языке – *barbe de bouc*, в румынском – *bárba-cáprei*.

Лютик едкий, или *куриная слепота* (*Ranunculus ácris*), в русском языке наименование как народное, так и ботаническое, говорит о ядовитых свойствах растения, во французском же языке этот фактор игнорируется, а в названии доминирует цвет цветков – *bouton-d'or*, в синониме же уточняется место произрастания – *renoncule terrestre*. В румынском языке – *untîtor*, что в переводе означает «маслице», желто-золотые цветки похожи на масло, что и повлияло на номинацию.

А. К. Матвеев выдвинул предположение о существовании «всеобщих универсалий» номинации, например наименование по цвету или размеру. Но это неприменимо ко всем группам слов, поскольку тематические группы могут обладать определенной замкнутостью [10].

Принято выделять первичную и вторичную номинации в зависимости от разновидности базовых слов. Так, в работах С. С. Масловой-Лощанской, Г. В. Колшанского, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой и В. Н. Телия под первичной номинацией понимается изначально языковое означивание, первообразное слово, которым, если обратиться к библейскому образу, Адам нарек каждый предмет познаваемого им мира [3]. О первичной номинации образно писал польский писатель Ян Парандовский: «Адам только тогда стал властелином мира, доверенного ему Богом, когда каждую вещь обозначил особым названием. Будь то растение, насекомое или птица, но, пока мы не узнаем, как оно называется, это всего лишь неопределенная частица мира растений, насекомых, птиц. Только в убогом и легкомысленном жаргоне современных мещан неопределенное «это» выручает от незнания предметов; только такие люди умеют жить среди вещей без названий и спокойно смотреть на «дерево», «куст», «злаки». Народ не терпит предметов, оторванных от действительности, поэтому произвольно он живет не среди деревьев, а среди дубов, буков, берез, а злаки должны быть рожью или пшеницей» [12, с. 78]. Иначе говоря для первичной номинации характерно «простое» отношение, отражающее элементы действительности. Вторичная номинация это использование фонетического облика уже существующей языковой единицы для нового обозначаемого, в новой функции наречения. Например, *фр.* *cousu* – наименование птицы (первичная номинация), наименование цветка (вторичная).

В классификации признаков номинации В. В. Копчевой выделяются объективные (собственные и относительные) и условные (мемориальные и собственно-условные). Собственные объективные это характерные признаки, т. е. форма, размер, окраска, строение, внешний вид, запах, вкус и т. д. Но, несмотря на очевидные объективные факторы, номинатор зависим от своего мировосприятия, стереотипов, уровня знаний и опыта, от своей культуры, моды, традиций и т. д. Невозможно предугадать, почему именно тот или иной фактор (признак, свойство) сыграл решающую роль в наименовании. Мильшин отмечает, что самый существенный субъективный фактор в процессе

номинации – установка, с которой номинатор приступает к созданию слова [приводится по: 7]. Так, в 1982 г. редакцией передачи «Музыкальный киоск» был объявлен конкурс на лучшие названия для новых сортов цветов, большинство зрителей были привязаны к музыкальному характеру передачи и предлагали названия типа: *увертюра, соната, мелодия, Рахманинов, Майя Плисецкая* и т. п.

Знание признаков растений, часто реализующееся в названии, становится коллективным опытом, что выражается в общем фонде знания народа, который далее передается из поколения в поколение в процессе жизненной практики, повседневности и быта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анненков Н. И.* Простонародные названия русских растений Москвы. – М., 1858. – 159 с.
2. *Балхия К., Таттибаева А.* Способы номинации и мотивации композитообразований // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : Междунар. науч. конф. 11–13 декабря 2001 г. – Казань, 2011. – С. 52–55.
3. *Булах Е. А.* К вопросу о мотивационных основаниях номинации растений в английском, немецком и французском языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rusnauka.com/PRNIT/Philologia/bulah%20e.a.doc.htm>
4. *Вардзелаивили Ж. А.* К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях // Славистика в Грузии. – Тб., 2000. – № 1. – С. 62–68.
5. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
6. *Голев Н. Д.* О принципах номинации и методе их исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z66.html#p14>
7. *Копчева В. В.* Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений) : дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1985. – 325 с.
8. *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М. : Наука, 1978. – 116 с.
9. *Лосев Л. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
10. *Матвеев А. К.* Топономастика и современность // Вопросы ономастики. – Свердловск : Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1974. – № 8–9. – С. 4–14.

11. *Мельников Г. П.* Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // Беседы в обществе любителей российской словесности : сб. науч. тр. – 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm>
12. *Меркулова В. А.* О некоторых принципах этимологии названий растений // Этимология / под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1965. – С. 72–87.
13. *Парандовский Я.* Алхимия слова. – М. : Пилигрим, 1993. – 108 с.
14. *Потебня А. А.* Мысль и язык. – 5-е изд. – Одесса, 1926. – 207 с.
15. *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург : Уральский университет, 1992. – 147 с.
16. *Садовникова И. И.* Процесс и способ номинации растительной лексики в эвенском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philologia/4_102206.doc.htm
17. *Семенов Н. П.* Русская номенклатура наиболее известных в нашей флоре и культуре и некоторых общеупотребляемых растений. – СПб. : Оникс, 1978. – 222 с.
18. *Шумбасова С. С.* Английские флоронимы: способы номинации и классификации // Вестник Моск. гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. – 2011. – № 3. – С. 104–114. – (Серия Филологические науки).

УДК 81'373.612.2

Л. В. Порохницкая

доктор филологических наук, доцент кафедры лексикологии
английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: lidie@list.ru

КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ СЕГМЕНТОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО НОМИНАТИВНОГО БАЗИСА КАК КРИТЕРИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

В статье представлена методика выявления и сопоставления константных зон и зон вариативности в структуре концептуального номинативного базиса эвфемистических единиц двух германских и трех романских языков.

Ключевые слова: эвфемизм; вариативность; константность; метафорический концепт; концептуально-метафорический номинативный базис; сопоставительное исследование.

Porokhnitskaya L. V.

Associate Professor, PhD, Department of English lexicology,
Faculty of Human and Applied Studies, MSLU
e-mail: lidie@list.ru

CONSTANCY AND VARIABILITY WITHIN THE STRUCTURE OF THE CONCEPTUAL NOMINATIVE BASIS AS THE CRITERION OF COMPARATIVE STUDY OF EUPHEMISMS

The article presents the method of determining and comparing constant and variable segments within the structure of the conceptual nominative basis of euphemisms in two Germanic and three Romance languages.

Key words: euphemism; constancy; variability; conceptual nominative basis; comparative study.

Обзор исследований, изучающий эвфемизмы и процесс эвфемизации в разных языках, показывает, что наименее исследованными и наиболее спорными являются две основные проблемы. Первая – это вопрос о том, на основании каких концептуальных моделей происходит формирование семантики эвфемизмов как единиц вторичной номинации. Вторая – исследования в области эвфемии существенно затрудняются тем, что неясными остаются критерии и основания сопоставления эвфемизмов в разных языках, что осложняет поиск общезыковых закономерностей формирования эвфемизмов.

Рассмотрение способов пополнения эвфемистического фонда в двух германских (английский, немецкий) и трех романских языках (французский, испанский, итальянский) показывает, что во всех этих языках используются одни и те же способы, совпадающие с общими способами пополнения словарного состава. Речь идет как о внутри-системных способах, включающих «словные» (фонетические, семантические и словообразовательные) и фразообразовательные способы («сверхсловные»), а также внешние (т. е. заимствования).

Сопоставление эвфемизмов пяти языков по способам пополнения эвфемистического фонда, которые обнаруживают существенную унификацию, не является показательным, поскольку отражает особенности каждой языковой системы (например, в немецком языке более заметна роль словосложения) и не дает новой информации о сущности эвфемии. Проведенное исследование позволяет заключить, что сопоставление только «поверхностных» способов образования эвфемизмов не может служить объективным критерием сравнительного анализа эвфемизмов разных языков. Кроме того, во многих случаях в основе морфологических и некоторых фонетических способов лежит действие метафоры или метонимии как базовых глубинных механизмов формирования значения, например:

– усечение:

англ. to change от to change nappies – сменить памперс, *букв.* ‘сменить’;

итал. non riuscire – сделать аборт, *букв.* ‘не удалось’;

– словосложение:

нем. Erdmöbel – гроб, *букв.* ‘земляная мебель’

– рифмованный сленг:

англ. the excuse me – туалет вместо w.c., *букв.* ‘прошу прощения’

Метафора и метонимия получили достаточно подробное освещение в трудах по проблемам эвфемии. Их важнейшую роль в эвфемизации отмечали, в частности, такие исследователи, как С. Видлак [2], А. М. Кацев [3], В. П. Москвин [4] и др. Однако мы полагаем, что метафора и метонимия – это не столько семантические способы пополнения словарного состава, сколько когнитивные модели: они присутствуют в формировании семантики словообразовательных производных, а также фразеологизмов и свободных сочетаний.

Применительно к целям нашего исследования было проведено уточнение некоторых основополагающих теорий концептуальной метафоры и метонимии. Во-первых, концептуальная метафора – это не метафора особого рода, а типовая форма смыслового переноса, которую точнее обозначать как «метафорический концепт» (МК) [5; 1]. Во-вторых, метафорические и метонимические концепты обладают разной степенью сложности; имеются более простые метафорические концепты (КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ и др.), которые могут являться строевыми элементами для более сложных метафорических образов (таких как: ПУТЕШЕСТВИЕ, МЕДИЦИНА, СПОРТ и т. д.). Эти концептуальные структуры разной степени сложности представляют собой не разрозненные ментальные сущности; они формируют стройную, иерархически организованную систему, в которой более простые концепты формируют более сложные.

Основной гипотезой настоящего исследования послужило предположение о том, что в основе семантики эвфемизмов, участвующих в описании одной предметной области в разных языках, лежит единый иерархически организованный концептуально-метафорический комплекс, в котором имеются как константные сегменты, так и зоны вариативности. Предполагалась, что каждый язык может выбирать для эвфемистического описания разные участки этого номинативного базиса. В качестве такого общего концептуально-метафорического образования использовалась идея концептуально-метафорического номинативного базиса [1], в которую были внесены уточнения, отвечающие требованиям проводимого исследования.

На первом этапе исследования выявлялись те метафорические и метонимические концепты, которые лежат в основе семантики эвфемизмов двух германских и трех романских языков, принадлежащих номинативной области «пьянство». Далее на основании операций логического вывода формировалась система метафорических и метонимических оснований семантики эвфемизмов с подразделением на четыре блока: антропоморфная метафора, «сложные артефакты» (механистические и строительные метафоры), «природные явления» и блок базовых представлений (ОБЪЕКТИВАЦИЯ, КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ, СВЯЗЬ и т. д.).

Проведенное исследование показало, что семантика эвфемизмов номинативной сферы «пьянство» формируется на основе иерархически

организованной системы метафорических и метонимических концептов, которые обеспечивают кодирование информации и активизируют процессы вторичной номинации в тех случаях, когда прямое именование объекта считается неприемлемым по религиозным, этическим, политическим и другим соображениям. На основании проведенного исследования можно утверждать, что выявленная система метафорических и метонимических концептов носит универсальный характер и представляет собой единый концептуальный номинативный базис, обеспечивающий формирование эвфемизмов в английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках.

Концептуально-метафорический и метонимический базис, обеспечивающий формирование эвфемизмов в языке, может служить объективным основанием для сопоставления эвфемистических фондов разных языков. Критериями сопоставления являются: наличие того или иного метафорического (метонимического) концепта в системе концептуально-метафорической репрезентации табуированного понятия в конкретном языке и степень активности концепта. Метафорические и метонимические концепты, обусловленные единством эмпирической базы сопоставляемых лингвокультур (например, тело человека, природные стихии), представляющие собой элементы обще-европейских культурных кодов (например, бог, рай), а также большинство базовых представлений характеризуются в среднем одинаковой продуктивностью во всех анализируемых языках. Отмеченные сегменты можно считать константными элементами концептуально-метафорического номинативного базиса эвфемии анализируемой номинативной сферы.

В то же время продуктивность отдельных МК и некоторых концептуальных сегментов, включающих эти МК, может варьироваться от языка к языку, что обусловлено национально-культурным ракурсом видения исследуемого феномена в каждой конкретной лингвокультуре. Так, например, несмотря на высокую активность МК физиология во всех анализируемых языках, концептуально-метафорическая репрезентация опьянения как болезни в большей степени характерна для английского и испанского языков (например, исп. *cardiaco*, брит. англ. *paralytic*), в то время как осмысление эвфемизируемого порока в терминах лечебной процедуры оказывается более востребованным в английском, французском и немецком языках (например, англ. *cough*

medicine – лекарство от кашля; *нем.* Medizin; *фр.* antigrippe – [лекарство] против гриппа). Во французском языке более высокой активностью, чем в других языках отмечен МК ЗАГРЯЗНЕНИЕ (*фр.* avoir le nez sale – *букв.* ‘иметь грязный нос’), а в английском – МК МОРЕХОДСТВО (например, *англ.* to be at sea – *букв.* ‘быть в море’). МК ПЕРСОНИФИКАЦИЯ характеризуется более высокой продуктивностью в анализируемых романских языках, чем германских (например, *фр.* blonde – пиво, *букв.* ‘блондинка’, *исп.* amable – *букв.* ‘дружелюбный’).

Вариативность продуктивности метафорических (метонимических) концептов при формировании эвфемизмов в значительной степени обусловлена спецификой каждой отдельной лингвокультуры, в частности культурными традициями социума, религиозно-мифологическим фоном, географическими факторами и особенностями экономического развития государства. В частности, в английском языке большей активностью по сравнению с другими языками отмечен МК ЧАЙ (например, *англ.* to smash the teapot – *букв.* ‘разбить заварочный чайник’) и МК КОРАБЛЬ (например, *англ.* decks awash – *букв.* ‘палубы под водой’). На активность метафорических концептов и продуктивность номинативных сфер эвфемизации существенным образом влияет экстралингвистическая ситуация: отношение к табуируемому понятию (например, для итальянского языка характерна сравнительно низкая продуктивность эвфемизации в сфере пьянства).

Выявление и сопоставление константных зон и зон вариативности концептуального номинативного базиса, участвующих в продуцировании эвфемистических единиц одной табуированной области, может вскрыть как универсальные черты процесса эвфемизации, так и особенности эвфемистического описания данного явления в конкретной лингвокультуре. Представляется, что разработанная методика в дальнейшем может применяться для сопоставительного изучения не только эвфемизмов, но и других единиц вторичной номинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Сборник научных трудов к 100-летию И. И. Чернышевой. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 13–30.
2. *Видлак С.* Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. – М. : Наука, 1965. – С. 267–285.

3. *Кацев А. М.* Языковое табу и эвфемия. – Л. : Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1988. – 79 с.
4. *Москвин В. П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 2001. – № 3. – С. 58–70.
5. *Lakoff G., Jonson M.* Metaphors We Live by. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

УДК 811-133.1'28

В. В. Пылакина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка переводческого факультета МГЛУ
e-mail: veronikap2002@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье речь идет о процессе заимствования во французском языке на различных этапах его развития. Особое внимание обращается на современный французский язык, в том числе язык Интернета и СМС, которые активно заимствуют лексику из английского языка.

Ключевые слова: заимствования во французском языке; заимствования из английского языка; пуризм; франгле.

Pylakina V. V.

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
French Department, Faculty of translation and interpretation, MSLU
e-mail: veronikap2002@mail.ru

LOANWORDS ADOPTION AS WAY OF FRENCH VOCABULARY ENRICHMENT

The article concerns the process of loanwords adoption in French at different stages of its development. Special attention is paid to the modern French, including the language of Internet and SMS that actively uses English words.

Key words: loanwords in French; loanwords from English; purism; FrenGLISH.

Процесс лексического обогащения языка происходит непрерывно, однако его интенсивность изменяется в различные исторические периоды. Отношение к развитию лексики всегда было противоречивым. Известнейший французский лингвист Фердинанд Брюно приводит слова поэта Пьера Ронсара, писавшего еще в XVI в.: «Чем больше слов будет в нашем языке, тем совершеннее он будет»¹ [4, с. 168]. Носителями другой точки зрения являются пуристы. Пуризм как лингвистическое течение зародился в XVII в., и его первыми представителями, точнее, представительницами, были прециозные придворные дамы, которые всячески следили за чистотой языка (*pureté de la langue*), откуда и термин «пуризм». «Пуризм (фр. *purisme*, от лат. *purus* –

¹ Зд. и далее перевод наш. – В. П.

чистый) – стремление очистить литературный язык от иноязычных заимствований, разного рода новообразований, от элементов внелитературной речи (диалектов, просторечия и др.)» [1, с. 247]. Известный французский лингвист Морис Гревисс с иронией отмечает, что «пуристами называются те, кто защищает чистоту языка, высказывая свое «фи» его развитию» [5, с. 20].

Способы пополнения лексики в различные эпохи также могут различаться. Одним из наиболее древних и распространенных является заимствование. Выбор языка, из которого предпочтительно происходит заимствование в тот или иной исторический период, предопределяется интра- и экстралингвистическими факторами. К интралингвистическим факторам следует отнести, в частности, языковое родство. Заимствование легче происходит из родственных языков, такая лексика, как правило, фонетически ближе и этимологически понятнее носителям языка. Для французского языка родственными являются языки романской группы. Прежде всего это латынь. В Средние века близость к латыни считалась признаком совершенства языка, поэтому процветало заимствование из нее. Этот вид заимствования начинается очень рано и никогда не прекращается. Но не только латынь может служить источником заимствования. Во все эпохи французский язык проявлял интерес к другим романским языкам, прежде всего к итальянскому. Помимо генеалогической близости, следует учитывать экстралингвистические факторы, такие как престиж языка в данный момент времени. Престиж языка во многом предопределяется той ролью, которую играет страна, говорящая на этом языке, на международной арене. Не будем забывать, что Италия была передовой страной эпохи Возрождения, которая на 100–150 лет опережала в своем развитии остальные страны Европы и служила ориентиром для других европейских стран.

Соответственно, роль ведущей мировой державы, которую в различные эпохи играют разные страны, приводит к росту престижа ее языка, следовательно, и к активизации процесса заимствования из этого языка. В настоящее время безусловным мировым лидером является английский язык, и он же служит основным источником заимствований. Несмотря на сознательное сопротивление значительной части носителей французского языка обвалу заимствований, произошло формирование языкового явления, которое было названо

«le franglais» (иногда в англоязычной среде его называют «frenghish»). Термин «franglais» был создан французским лингвистом Максом Ра-том и впервые употреблен в газете «Франс-Суар» в 1959 г. Об этом явлении заговорили во весь голос после публикации в 1964 г. Ренэ Этьемблем книги «Parlez-vous franglais?». Кстати, явление это далеко не уникальное. Немцы говорят о формировании «denglish», испанцы – «spanglish».

Пути и причины формирования франгле различны. В некоторых случаях речь идет о естественном смешении двух языков в зоне проживания франко- и англоговорящего населения. На территории США это штат Новый Орлеан, на территории Канады – провинции Квебек и Онтарио. Тогда можно говорить о формировании английского адстрата (большого числа заимствований из английского) во французском языке, которое произошло в результате непосредственных контактов носителей. «Адстрат (от лат. *ad* – *при*, *около* и *stratum* – *слой*, *пласт*) – совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контактов народов, говорящих на этих языках» [1, с. 19]. Можно сказать, что такой франгле сформировался естественным путем. Хотя именно в Квебеке это явление породило очень серьезное противодействие. В настоящий момент Квебек превратился в оплот борьбы за чистоту французского языка. Именно там создано большое количество сайтов, призванных помочь франкофонным канадцам заменить английское слово французским. На этих сайтах разъясняется разница в значении и употреблении заимствований из английского и исконных французских слов, предлагаются контексты, помогающие осознать разницу между ними.

Бывает, что франгле используется англичанами, плохо знающими французский, при общении с французами, которые, как известно, не имеют большого желания говорить по-английски, даже если они и знают этот язык. Иногда, напротив, франгле синтезируют французы, вынужденные говорить по-английски, если им не хватает английских слов.

Есть еще одна причина искусственного формирования франгле – мода и желание продемонстрировать свою образованность. Сейчас считается престижным и обязательным умение говорить по-английски, но нужными знаниями обладают далеко не все, тогда на помощь приходит франгле.

Эта тенденция приводит к появлению еще одного варианта франгле – создания слов, похожих на английские, но таковыми не являющихся. Примеров таких дериватов становится все больше и больше. Наиболее продуктивен в этом случае заимствованный из английского языка суффикс *-ing*. В частности, существительное *bronzing*, вопреки своей внешней форме, является не заимствованием из английского, а существительным, образованным от глагола *bronzer* с помощью суффикса *-ing*. Также во французском языке, но по-видимому, от английской основы *foot*, было образовано существительное *footing* (по-английски *a jog* или *a run*). Существительное *planning* (*a schedule workplan* в английском) также было образовано во французском языке, возможно, от глагола *planer*, правда, имеющего во французском языке другое значение, «планировать, парить» [6, с. 1451], или от существительного *plan*. При этом основа подверглась дальнейшей орфографической доработке, чтобы соответствовать вымышленному английскому прообразу. Популярный во французском англицизм *camping* также отнюдь не заимствован, а по-видимому, образован от глагола *camper*. В английском языке это существительное отсутствует, в английском языке Великобритании употребляется *campiste*, в английском Америки – *campground*. Существительного *smoking* нет в английском языке. Англичане называют этот предмет одежды *dinner jacket*, американцы *tuxedo*. Слово *smoking* в английском языке существует только как форма глагола *to smoke*, т. е. французское существительное *smoking* является субстантивированной глагольной формой, возникшей в результате усечения выражения *smoking jacket*. Аналогичным способом было образовано существительное *parking* (в американском *parking lot*, в английском *car park*). Возможно также, что оно было образовано суффиксом *-ing* от глагола *parquer* с последующей орфографической трансформацией под английский «оригинал». Не совсем понятен способ образования существительного *brushing* (во французском языке «укладка волос феном и круглой щеткой»), которое отсутствует в английском, где это явление передается при помощи лексем *a blow-dry* или *blow wave*. Во французский язык прочно вошло существительное *le zapping* (англ. *channel hopping* или *channel surfing*), от которого был образован широко употребительный глагол *zapper*.

Еще более интересным примером словообразования является существительное *relooking*, для создания которого был использован

крайне редкий для французского языка парасинтетический способ деривации, состоящий в одновременном прибавлении префикса и суффикса к корню, в данном случае, префикса *re-* и суффикса *-ing* к корню *-look-*. Англицизм *look* широко распространен и любим во французском языке, и о его полном освоении, в частности, свидетельствует появление такого производного, как *relooking* (его аналогами в английском являются *makeover* или *make-over*).

В одном случае был использован французский суффикс *-eur* со значением деятеля, который образовал дериват от нетипичной для себя основы. Обычно суффикс *-eur* образует производные от глаголов, примеры образования новых слов от существительных единичны, но в данном случае дериват был образован от именной основы (*un stripteaseur* – *стриптизер*, ж. р. *une stripteaseuse*, образовано от *striptease*, в английском это значение передается существительным *stripper*).

Для такого рода лексем, созданных во французском языке на английский манер, даже было введено название «франглицизмы» («des franglicismes»). К этой категории относятся также *des baskets* (*кроссовки*, англ. *tennis shoes*), *un(e) people* (*знаменитость*, англ. *celebrities* или *celebs*), *un flipper* (*электрический бильярд*, англ. *a pinball machine*). Кроме того, к ложным заимствованиям из английского относятся такие слова и выражения, как *un break* (*вагон*, англ. *an estate car*, амер. *a station wagon*), *une pompom girl* (*девушка из группы поддержки футбольной команды*, англ. *cheerleader*).

В ходе исследования удалось выявить редкий пример двойного заимствования. По имеющимся данным, существительное *tennisman* образовано во французском языке от существительного *tennis*, которое, в свою очередь, восходит к старофранцузскому *tenez* (форме 2-го л. мн. ч. императива глагола *tenir*) [3, с. 629]. Словообразовательной моделью, судя по всему, послужило существительное *businessman*. Таким образом, *tennisman* является существительным, образованным путем словосложения по английской модели, но во французском языке. Еще один пример, который иногда относят к ложным англицизмам, это *rosbeef*. Его второй корень *beef* является двойным заимствованием и происходит от старофранцузского *bœuf*. Однако этот пример можно считать спорным, так как в английском языке существует выражение *roast beef* [3, с. 561; 2, с. 853, 94], и в данном случае речь идет скорее об освоении заимствования из английского языка, чем о создании ложного англицизма.

Другими примерами создания сложных слов можно считать *un baby-foot* (настольный футбол, англ. *table football*), *un ball-trap* (стрельба по летящим мишеням, англ. *clay-pigeon*, амер. англ. *table soccer*), *un camping-car* (автофургон для кемпинга, англ. *camper van*, амер. англ. *recreational vehicle* или *RV*).

Выявлено прилагательное *top*, которое считается созданным во французском языке (*top model*, *top niveau*). В английском языке это значение передается прилагательными *brilliant* или *great*.

Франгле представляет собой комплексное явление, охватывающее прежде всего сферу лексики. Речь идет как об избыточном количестве заимствований (*café break = pause café; dicuter sur un chat = forum, un véhicule hatchback, être en top, une conf call = une conférence téléphonique, jobbing* (подработка, фр. *petit bouleau*), *jobbeur* (мот, кто подрабатывает; фр. *celui qui fait des petits boulots*), *doggy bag* (накет, в который собирают остатки еды для собаки; фр. *sac où l'on ramasse des restes d'un repas pour le chien*), так и об изменении семантики французских слов, т. е. о приобретении ими значений их английских аналогов, например, *contrôler* в значении «commander», наиболее ярким употреблением является выражение *contrôler par ordinateur* (*commander par ordinateur*).

Еще одним путем пополнения франгле является калькирование, как, например, *garder la ligne*, употребленное в значении «не класть трубку, ждать у телефона, rester au téléphone», а не в собственно французском значении «следить за своим весом, не толстеть, maintenir son poids», является калькой с английского *keep the line*.

Франгле имеет и свою синтаксическую специфику. Ему свойственна, например, постановка прилагательного перед существительным (*la positive attitude*, выражение, приписываемое Жан-Пьеру Раффарену в его бытность премьер-министром), использование прилагательных вместо наречий (*je m'ennuie grave*), изменение порядка слов в названиях отелей, ресторанов и т. д. (*Normandie Hôtel, Comfort Hôtel, Avenir Hôtel*).

Следует, однако, отметить, что франгле не является языком в полном понимании этого слова. У франгле нет понятия нормы, его обогащение происходит стихийно, часто является авторским и ситуативным. Это скорее жаргон франко- и англоговорящей молодежи, который, несмотря на свою сиюминутность, оказывает серьезное влияние на дальнейшее развитие французского языка.

Еще одно неожиданное, но весьма актуальное преломление франгле получил в языке СМС. Французская молодежь употребляет в текстах СМС такие выражения, как *feed-back* «retour sur expérience», *over-booké* «saturé de travail, saturé de réunion», *brainstorming* «séance pendant laquelle des gens en réunion doivent pondre des idées, de brain «cerveau» et *storming* «les éclairs qui sortent du serveau», *now* («maintenant»), *ne* («no comment»), *why* («pourquoi»). В некоторых случаях эти англицизмы могут передаваться при помощи цифр, например, *2day* (*today* «aujourd'hui»), *4me* (*for me* «pour moi»), *2L8* (*too late* «trop tard»), *2gether* (*together*), *sk8* (*skate*). В других случаях используются буквенные аббревиатуры, например: *lol* («éclater de rire», несмотря на существование его французского синонима *mdr* «mort de rire»), *WE* (*week-end*), *ASAP* (*as soon as possible* «aussi vite que possible»), *KS* (*kill steal* «acronyme de l'expression anglaise "Kill Steal / Stealing" signifiant littéralement, le fait de "voler une mort". C'est-à-dire donner le coup de grâce à un adversaire, ayant été largement déjà blessé par un autre joueur afin de bénéficier indûment de la victoire. Par extension, un "Kill Stealer" est un joueur opportuniste, abusant de cette pratique très mal perçue par les joueurs»). Русскоязычные геймеры передают это как *крысятничать*). Иногда используются и полные английские слова, если они короче французских, например *go* – *aller*. В некоторых случаях непонятно, мы имеем дело с английским или французским сокращением, например *1mn* «juste une minute».

В последнее время сокращения, свойственные языку СМС, стали распространяться и на язык Интернета, где их использование кажется менее оправданным ввиду отсутствия прямой необходимости экономить на знаках. Однако этот язык уже настолько вошел в привычку французской молодежи, что она не собирается от него отказываться и в интернет-переписке. Более того, в последнее время эта тенденция охватывает и людей, достигших зрелого возраста, которые употребляют такие сокращения в том числе и для того, чтобы показать, что они еще очень молоды.

Таким образом, в настоящее время в силу высокого престижа английского языка на международной арене, он является одним из основных источников заимствования для французского языка, несмотря на предпринимаемые попытки ограничить распространение англицизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. *Мюллер В. К.* Англо-русский словарь. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Гос. издат. иностр. и нац. словарей, 1960. – 1192 с.
3. *Bloch O., Wartburg W. von.* Dictionnaire étymologique de la langue française. – 10-e éd. – P. : PUF, 1994. – 682 p.
4. *Brunot F.* Histoire de la langue française dès origines à nos jours: En XIV v. – V. II: Le XVe siècle (1905–1906). – P. : A.Colin, 1967. – 512 p.
5. *Grevisse M.* Le bon usage. Grammaire française. – 13-e éd. rev. – P. : Duculot, 1993. – 1762 p.
6. *Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P. : Le Robert, 1986. – 2171 p.

УДК 82.191

И. Б. Смирнова

старший лаборант кафедры литературы

e-mail: le21mars@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ «FIN AMOR» В ЦИКЛЕ О ПАРИ.
ИЗУЧЕНИЕ МАНЕР И ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ
МЕЖДУ ГЛАВНЫМИ ГЕРОЯМИ. ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ СЕНЬЯЛИ**

Автор анализирует концепцию «любви совершенной» в манерах и косвенных формах обращения главных героев друг к другу. В наибольшей мере подходящим для анализа предстает материал романских песенных цитаций из авторских и народных поэтических произведений высокого Средневековья. Несмотря на факт поклонения друг другу Дамы и Рыцаря в любовных до-брачных отношениях, в романах о пари нигде не встречается обожествление главных персонажей. В высшей мере утонченным выражением концепции куртуазности в романах о пари служат «флористические» сеньяли главных героинь. Образы «женских» цветов приближают олицетворяемых девушек к области божественного.

Ключевые слова: куртуазно-реалистическая разновидность рыцарского романа; социально-финансовая проблематика; последовательная реализация героями теоретической концепции куртуазных отношений; нелегитимная публичная похвальба; авторские и народные поэтические интерполяции; манеры и формы косвенного обращения; герметическое письмо.

Smirnova I. B.

Senior Assistant, Literature Chair, MSLU

e-mail: le21mars@mail.ru

**THE CONCEPT “FIN AMOR” IN SERIES ON BET.
THE STUDY OF MANNERS AND FORMS OF ADDRESS
BETWEEN THE PROTAGONISTS. FLORAL SIGNALS**

The paper studies the concept of the “perfect love” in manners and indirect forms of treatment of the main characters. To the greatest extent appropriate for the analysis of material present novel song citations of personal and folk poetry. Despite the worship of each other, the main characters in love premarital relationships in the novels of betting found no cases of the deification of each other. Supremely refined expression of the concept of courtesy in the novels of bet is “floral” senyal. Images of the “female” flower raise the heroine closer to the area of the divine.

Key words: courtly-realistic kind of romance; social and financial problems; consistent implementation by the heroes of the theoretical concept of courtly relations; illegitimate public boasting; personal and folk poetry interpolation; manners and forms of indirect address; hermetic letter.

1. Введение

Так называемая куртуазно-реалистическая разновидность рыцарского романа, начало которой во французской литературе положил Жан Ренар со своей версией пари-сюжета «без пари», представляет собой модификацию темы любви, немного «заниженную» социально-финансовой проблематикой и имущественной стороной семейных отношений, связанной с утратой и последующим обретением дворянского титула и земельных владений. Однако сама фабула при этом, за вычетом «вторичного» пари [2], традиционна и прочитывается как последовательная реализация героями теоретической концепции куртуазных отношений, испытываемых извне вызовом «завистника» и изнутри борьбой в душе партнеров между взаимным доверием (по сердцу) и недоверием (по требованию светского общества). Такая заниженная финансовыми трудностями модификация для современного читателя, не мыслящего решения жизненного сценария без параллельного решения денежного вопроса и часто сверх меры озабоченного вопросами титула и почестей, предстает как более жизненная, в сравнении со всеми предыдущими: античной, где любовь часто является ведущей темой; восточно-византийской, где она становится важнее рыцарских подвигов; артуровской, где любовные истории сопровождаются романтическим поиском Святой Чаши или порой вовсе уходят на задний план, становясь второстепенными по отношению к главной религиозной линии сюжета. Это одна из причин, по которым современное литературоведение и приписывает данной модификации некоторую реалистичность (*les effets du réel*). Однако постановка вопроса о проблематизации отношений между главными персонажами как людьми свободными от каких-либо посторонних обязательств (как для «Розы», где ни Конрад, ни Лиенор до своей встречи никогда не были в браке, так и для «Фиалки», где Жерар и Эврио встречаются совсем юными) или как семейной парой (для «Графа Пуатье»), спасая героев от моральных мучений, связанных с возможным нарушением брачного договора во имя любви, отводит циклу «о пари» особое место в куртуазном универсуме средневековой литературы.

Идеальные социальные условия для любви и вступления героев в брак или спокойной семейной жизни («Пуатье») проблематизируются лишь случайным, не вполне эстетичным поведением рыцаря, т. е. нелегитимной публичной похвалой достоинствами жены или подруги, и не вполне этичным вмешательством постороннего лица, которое воспринимается современным европейским сознанием либо как хороший

знаток светских правил, ловко воспользовавшийся промахом желторотого птенца и преподающий ему неуклюжий урок *bon ton*, либо как примитивный злонамеренный хищник, любой ценой желающий обогатиться. Причем в первом случае на пути «от героя к человеку» он предстает более как человек, а во втором – более как сказочный герой. В данной вполне легитимной позиции по отношению друг к другу, т. е. как состоящие в общении в течение уже семи лет друзья («Фиалка»), как супруги («Пуатье») или как заочные знакомые («Роза»), ничто не могло помешать героям открыто высказывать свои чувства в монологах или хотя бы в песнях, которые авторы «Розы» и «Фиалки» сделали средством выражения своих мыслей, эмоций, предчувствий и намерений. Друг перед другом, без посторонних свидетелей, в качестве признания (между знакомыми), утверждения (между старыми друзьями) или поддержания (между супругами) симпатии и любви, высказываемые монологи и песни самого возвышенного характера не были бы преступны и могли бы обнаружить для слушателя или читателя глубину трех стадий человеческих отношений, облагороженных куртуазным взглядом на мир. Допустим, они не высказывали бы это один другому, но могли бы, во всяком случае, сочинять и записывать, и эти сочинения могли бы быть интерполированы в ткань романа с тем же успехом, что и чужие отрывки, которые поныне исполняют функцию «усиления красок». Однако ни в одном из рассмотренных нами романов с интерполяциями (в число которых как близкий по проблематике входит также небольшой анонимный лэ «Шатлена де Вержи» длиной всего около одной тысячи строк) не присутствует открытое признание божественной сущности идеального Возлюбленного или Возлюбленной, т. е. сама концепция *fin amor* в романах пари-цикла не выходит за рамки человеческого и не переходит в мир божественного. Не позволяет ли ей перерасти «человеческое» молодой возраст героев? Или сам жанр, озабоченный более узкой проблемой верности, нежели абстрактными вопросами теории индивидуальной любви и ее духовной и физической природы?

Как бы то ни было, среди песен не присутствует идея обожествления любимого существа М¹. Хотя ведь в эпоху создания этих романов среди богатого наследия трубадуров и труверов, многие из которых еще продолжали жить и творить, есть немало подобных образцов, пусть даже только обращенных к Ж от имени М.

---

¹ Литерами «М» и «Ж», вслед за Отто Вейнингером, мы обозначаем Мужское и Женское начала, а также представителей соответствующего пола.

2. Цитации

В описаниях избранных цитаций «Розы» и «Фиалки» мы хотим лишь показать все возможные варианты обращения к объекту любви и ее поименования, принятые в куртуазной лирике трубадуров и труверов и вошедшие в виде отрывков в наши романы, задавая архетип взаимоотношений между М и Ж героями. Идея обожествления М или Ж прямо не выражается. Комментированные цитации «Розы» представляют для нас более полную картину стихии любви как ее воспринимали и порождали мужчины и женщины Средних веков. Придерживаясь темы «любовное обращение», «обращение с любовью», «обращение к любви», при рассмотрении «Розы» мы лишь единожды подойдем к идее обожествления женщины (в песне Бернара де Вентадорна). Но лишь подойдем, ее не касаясь, так как старофранцузский текст не содержит ни идеи, ни слова *Царица*, переложеного таким образом на французскую современную прозу, в оригинале «похитившая (тело, душу, разум, весь мир из области зрения)». Вершиной понимания любви в «Романе о Розе» через призму интерполяций предстает символ лилии в игровом народном летнем рефрене, объединяющий в себе как христианскую идею чистоты, так и светские универсальные концепты «лета», «брака» и «счастья». Тогда как в «Фиалке» вершиной понимания любви между М и Ж через призму интерполяций предстает именно понятийный, а не символический, почти религиозный рефрен – по свидетельствам иных исследователей он имеет церковное происхождение – о любви в широком смысле слова, в ее христианском аспекте.

2.1. Цитации «Романа о Фиалке»

Первая серия интерполяций идентична вводной серии песен «Розы». Цитации «Фиалки» открывает серия женских рефренов, которые по большей части не имеют автора и цитируются в других источниках как народные. Речь в них идет о влюбленности, и не раз в оппозиции «муж – друг» звучат они то в попытке примириться с ситуацией: «Учитесь мужа уважать, иль с Вами больше не дружу»¹ (141–142)², то в признании поражения: «Я не могу на друга не смотреть И мужа в этом слушать не могу» (152–153). Мужские рефре-

---

¹ Русские тексты песен, не соответствующие ни по ритмическому рисунку, ни по рифме оригиналу, но сохраняющие музыкальность в контексте русского перевода романа, представлены нашими вольными переводами. – И. С.

² Номера строк и старофранцузский текст песен приводится по изданию [6].

ны Жерара, например: «По выбору люблю – не трачу время зря» (204–205)¹ и «О, разве я могу не быть счастливым, Когда люблю красивейшую всех!» (237–238), носят более общий характер и не имеют на себе ни тени подобного противоречия: любовь и уважение сошлись на едином предмете, который исполнитель готов превозносить до небес.

И в женских, и в мужских рефренах как *persona grata* звучит слово *ami* или *amie*, явно происходящее во французском языке от глагола *aimer* – *любить*. Ответная женская песнь Эврио, заимствованная с небольшими изменениями у Молио Аррасского, адресована не Жерару, а Лизьяру, в которой, однако, также любовь заставляет восхвалить Эврио красоту и преданность друга (*ami*): «Ains l’amerai, que j’en sui bien amee» (441–449). Таким образом, если бы песня была исполнена на празднике или на пиру, т. е. «на публику», а не тэт-а-гэт проходимцу в ответ на его домогательства, тут же нашелся бы ловкач, который, поймав Эврио на слове *j’en sui bien amee*, поспешил бы заключить с ней пари.

Другие примеры употребления слова *друг*. Марота поет народный «Романс Эврио» (2303–2309), скучающей о своем друге Рено. Жерар призывает в помощь Бога (4178–4180), чтобы отыскать любимую *amie*. Понятия «*Diu*» и «*il*» всегда разведены. Например, в рефрене Эгланты «С ума сойти рискую: / свидетель Бог мне в том. / Всё брежу и тоскую / о рыцаре одном...» (3123–3125) или в песне Эгланты, где она *ради Бога* просит гонца отыскать *того, кого любит*, чтобы передать ему, что умрет, если он не сжалится над ее любовью (4409–4410). Всех тех рефренов, где предмет поклонения никак не назван, а на него лишь бесцветно указывают местоимения и определительные придаточные *ту, которую* или *тот, кого*, мы даже не упоминаем по причине их большого количества.

Так, в «Романе о Фиалке» лишь мужчина Жерар выступает с песней, в которой взывает непосредственно к языческому богу любви Амуру: «Amors, quant m’iert ceste painne achieve...» (2339–2345). И лишь мужчина, т. е. Жерар, возвышается над фамильярным *amie*, называя в рефрене свою возлюбленную *dame*, чем подчеркивает ее

¹ С данным рефреном слегка перекликается по теме женский рефрен, исполненный влюбленной в Жерара Эглиной «Радость я любви познаю, Коль по сердцу выбираю» (2050–2051), и кульминационный женский рефрен Эврио, который она исполняет от счастья, что Жерар простил и принял ее: «В любви я выстрадала счастье...» (5701–5702).

индивидуальные достоинства, никак не связанные с красотой, которая, как известно, *в глазах любящего* (поговорка):

Кто даму эту выбирает,
В любви своей не проиграет (935–936).

И затем вновь в строфе из Одфруа ле Батара называет свой идол *та douche dame*:

Я даму лишь узрел
– Seriously заболел
Навек. И несомненно
– Болезнь та совершенна! (3236–3243)

Другие примеры употребления слова *dame*. И только Жерар называет свою подругу в одной строке *dama, compaigne, amie*, цитируя строфу из песни шатлена де Куси: «Не сможет сердце не разбиться, Коль с нею должен я проститься...» (4623–4631). В другой цитации, исполняя по просьбе подруги «на едином дыхании» песню Гаса Брюле, он величает ее *своей Дамой*, где кульминационная идея посвящения «пенья» как нельзя ближе перекликается с идеей посвящения «Романа о Фиалке» Жербером де Монтрей графине Марии де Понтье, выстрадавшей счастье возвращения ей королевской милостью земель, титула и мужа, отбывавшего в ссылке вину предательства [5, р. IV–V]:

Посвящаю мое ныне пенье
Даме той, кто не терпит сравненья.
Бог столь щедро ее наградил,
Что я всех для неё позабыл... (5790–5797)

Венчает же собрание сорока цитаций «Романа о Фиалке» рефрен Жерара о любви, которая в современном французском переложении передана как «бог любви», следовательно, Амур.

J'en sai dues, li uns en sui,
Cui amours ont fait grant anui
(6125–6126).

Амур сгубил людей двоих,
И я несчастнейший из них.

Мы полагаем, персонализация любви в данном рефрене излишня. С действующим лицом «любовь» он идеально предваряет заключительный сороковой, названный Баффомом *rieux* – *религиозным* или *набожным* [6]. Переводя здесь *amour* словом *любовь*, мы замечаем христианское настроение отрывка, не найденного ни в каких других

средневековых источниках и потому не идентифицированного. Не позволяя себе исказить рифмой смысла, переведем прозой буквально:

Qui bien aime ne se doit esmaier
 Pour grevanche c'amors sache
 envoier;
 Que a chelui donne double poier
 Ki pour lui trait plus de painne et
 essaie;
 Ne sans amour n'a nus joie
 veraie.

(6116–6120)

Кто любит искренне, не должен
 возмущаться
 Посланным на его долю
 испытаниям.
 Ведь вдвойне получит тот,
 Кто больше во имя любви
 выстрадает,
 А без неё не может быть счастья.

Так, в оппозиции друг – муж, широко употребляемой в рефренах и вообще во всех вариациях женских песен «Романа о Фиалке», мы не встречаем обращения *Gосподин*, эквивалентного обращению *Дама*, которым М обозначает предмет своего почитания в особо торжественных случаях. (*Дама* тогда ведь еще не ассоциировалась с положением замужней женщины, для которого было специально введено обращение *Madame* в противовес *Mademoiselle*.)

2.2. Цитации «Романа о Розе»

Если в «Фиалке» первые песенные номера звучат на Пасху, празднуемую двором Людовика в его дворце в Пон-де-л'Арше, то в «Розе» мы слышим пение рыцарей и дам не в залах дворца, а на весенних загородных апрельских гуляниях короля Конрада и его свиты. Вне всяких сомнений, это также послепасхальный сезон, о чем мы судим по веселью придворных и весьма подробным описаниям обильных разнообразных трапез без каких-либо ограничений. Возвращаясь с лесной прогулки к обеду в лагерь, рыцари и дамы поют легкие куплеты о друге / подруге и «частушки», или народные куплеты, про Аэлис, которая выходит прогуляться с поклонником, пока спит ее супруг. Так, в строке 299¹ мы встречаем *bele amie*:

В тени раскидистых ветвей
 Танцуют все, кто влюблены.
 Журчит приветливый ручей:
 Ей-ей!
 Все в парах танцевать должны
 (Einsi doit aler qui bele amie a... 295–299).

¹ Здесь и далее песни цитируются по изданию [7].

А в строке 304 мы встречаем *мой друг – mes amis*:

Коли друг меня забыл,
Пережить мне хватит сил...
(Se mes amis m'a guerie,
por ce ne morrai ge mie. 304–305).

В песне про Аэлис, написанной от лица ее друга, мы встречаем обозначение мужа в оппозиции с желанным другом традиционным эпитетом *jaloux*:

На зорьке встала Аэлис,
Спешит уже навстречу мне.
Себя украсив, нарядив, как май.
Супруг, спи крепче, не мешай.
(Dormez, jaloux, et je m'envoierai. 318–322).

В народных «частушках» об Аэлис звучит мотив «срывания цветка». Это, пожалуй, единственное место во всем «Романе о Розе», где цветок выступает в таком фигуральном смысле:

Сегодня встала рано Аэлис,
Идет к ней на свидание брюнет.
О, как она нарядна и свежа!
Топчите траву, я сорву цветок.
(Marchiez la foille et ge qieudrai la flor).

Влюбленный Робин по траве идет,
И оттого сочнее трава растет... (542–547)

Вариаций темы столько, что танцы продолжаются до заката! (548–550)

Император и Жугле поют отрывок из Гаса Брюле об осени, когда лишь только мысль о любимой может отогреть, называя даму *la bon amor*:

Цветы увяли, и трава поблекла,
И птицы перестали петь в лесах.
Тоскуют все и холода боятся
И наступленья снова ждут тепла.
Как птицы о весне поют и лете,
Так ныне о любви моей пою.
О, Господи, услыши песни эти!
Имею радость только в ней мою.

(Et por ce chant, que nel puis oublier,
la bon'amor don't Dex joie me doihne,
car de li sont et vienent mi penser. 846–852).

Вскоре «адекватная» сезонность восстанавливается, когда император исполняет куплет из песни шатлена де Куси, в которой он прославляет май, фиалку, соловья и просит у Бога свидания перед Крестовым походом с любимой, которая не названа:

Приход весны, расцвет фиалки майской
И соловья прекраснейший напев
Меня любовью исполняют райской,
Поет и сердце с ними в унисон.
О Боже, не лиши меня блаженства
Пред тем, как я за море ухожу,
Обнять ее – красу и совершенство –
Будь милостив, прошу!
(Or m'en doint Dex en tel honor monter,
Cele ou j'ai mis mon cuer et mon penser
Q'entre mes bras la tenisse nuete
Ainz q'alasse outremer. 923–930).

Все женские «chansons à toile», т. е. песни-истории (1159–1166), (1183–1192), (1203–1216), в третьем лице повествуют о судьбах разлученных влюбленных, рефрен при этом может петься от первого лица, в непосредственном обращении к милому:

О, чужестранец, в самом деле
Моим Вы сердцем овладели
(He! He! amors d'autre pais,
Mon cuer avez et lie et souspris. 1186–1187).

Далее следует серия примеров, где поется о любви, а не возлюбленной или возлюбленном. Любовь – более абстрактна, поэтому эти песни часто подходят как для мужского, так и для женского исполнения.

Вослед за императором, и Гийом прославляет весну, причем чаще звучит приветствие апрелю и маю, т. е. месяцу Пасхи и расцвета зелени. Песня Гийома продолжает и развивает мотив любви в разлуке. Видимо, Жан Ренар не нашел для ситуации Конрада, заочно влюбившегося в Лиенор, лучшего лирического мотива, чем мотив «любви издалека» и тоски по еще никогда не виденному глазами предмету своей сердечной страсти:

Et quant me sui partiz de la
menbre mi d'une amor de lonc (1303–1304).

Находясь в радужном расположении духа, король поет гимн любви Рено де Божё Шампанского, с которым по содержанию перекликается религиозный гимн Жерара из «Фиалки», прославляющего свое выстраданное счастье и оптимистически утверждающего, что чем больше в любви страданий, тем полнее награда. Здесь *любовь* нельзя перевести ни олицетворением, ни обращением. *Amor* здесь однозначна:

Loial amor qui en fin cuer
s'est mise
n'en doit ja mes partir ne remouvoir
que la dolor qui destraint et justice
samble doucor quant l'en la puet avoir.

[Nus biens d'amors ne puet petit valoir,
Ainz sont tuit douz qant on les aime et
prise;
Ce doit chascuns bien entendre et
savoir...]

(1456–1469)

В душе коль совершенна страсть
любви,
Ее не извести, не умалить.
Страданьем испытанье не зови,
Что призвано лишь силы
укрепить.

Душа, что научается любить,
Награде будет счастлива
любой:
Умеет всякий дар она ценить.

После пира и выступления менестрелей с эпическими, романскими и фольклорными номерами, снова поет император, и снова о страданиях. Мотив его песни, как и в песне Гаса Брюле (846–852) – не весна, а тоска по ней; еще не любовь, но уже любовное волнение. Женский род старофранцузского слова *amor* вновь указывает здесь на то, что речь идет о *любви*, а не *Амуре*¹:

Mout me demeure
Que n'oi chanter
La tourte a l'entrée d'este
Autresi com ge soloie;
Mes **une amor** me desvoie
Et tient esgare
Ou j'ai mon pense,
En quel lieu que onques soie.

(1769–1776)

Тоскую от того,
Что горлица молчит.
Но песня зазвучит
В эфире вновь весеннем.
Я чую пробужденье
Души моей не в срок,
И в сердце, как весной,
Я чувствую волненье...

---

¹ Возможно, женский род старофранцузского *amor*, согласно нашей теории, указывает на то, что чувство это первым познал и назвал во французской культуре мужчина. Однако женщина со временем перехватила инициативу!

Дело в том, что хотя на дворе апрель, встреча с прекрасной Дамой, о существовании которой ему поведал Жугле, еще далека. И весна никак не расцветет в его душе полным цветом.

Следующая серия песен иллюстрирует только мужскую любовь.

В строках (1846–1851) Гийом адресует дочери хозяйки гостиницы танцевальную пастурель «О Пернелле», где прославляется *bone amor novele*, созвучная зазеленевшей весне:

C'est la jus en la praele,
Or ai bone amor novele!
Dras i gaoit Perronele.
Bien doi joie avoir:
Or ai bon'amor novele
A mon voloir.

(1846–1851)

Однажды на лугу
Я повстречал Пернеллу,
Душа моя запела.
Не ведала Пернелла,
Что сердцем овладела
Моим, – не лгу!

Жугле для Конрада поет «несезонную» зимнюю песню Гаса Брюле, которая как-то оправдывает его холостяцкое положение в его возрасте:

Contrel tens que voi frimer
les arbres et blanchioier,
m'est pris talenz
de chanter;
si n'en eusse mestier,
q'Amors me fet comparer
ce q'onques ne poi endure
a avoir faus cuer legier.
Por ce ai faille a amie

(2027–2035)

Хотя деревья белы,
Что стонут от мороза,
Меня согреет пенье,
Моя золотая грёза.
Поскольку я не лгу,
Похвастать не могу
Ни дружбой, ни любовью:
Плачу за то с лихвою,
Что фальши не хочу.

В серии народных рефренов мы даже не приводим текст оригинала, который всюду представляется однозначным и не представляет ни трудностей при переводе, ни интереса для нашей темы «манеры обращения к объекту любви» или «наименования объекта любви в куртуазной лирике».

На праздник Св. мученика Георгия снова слышатся «весенние» рефрены с призывом смелее придаваться искренней любви:

Под старую оливой
Нам не о чем жалеть,

У родника живого
Девичий хоровод.
Коль искренне полюбишь,
Так не о чем жалеть...

(Ne vous repentez mie de loiaument amer... 2369–2374)

- «частушки» о Мобержон, которая медлит возвращаться от источника:

С рассветом встала Мобержон
И нарядилась: для меня ль?
Я к ней, конечно же, пошёл,
Она же – в сторону ручья.
Скучаю я, скучаю я!
Что там такое у ручья? (2379–2385)

- короткая трогательная история в трех строках о Рено и его подруге, с которой они «проскакали всю ночь на коне»:

Рено и подруга верхом на коне
Скакали всю ночь по лугам до зари...
А вы – не желаете мне отвечать... (2389–2391)

- хвалебная «историческая» песня (2398–2404), посвященная щедрым на дары братьям де Муссон...

Когда праздничное настроение героев еще не было омрачено клеветой сенешаля, путешествуя в Кёльн через поля вдвоем с Гийомом, король снова поет о воображаемом своем «сокровище», которое никогда не видел, заимствуя куплет анонимной песни и намекая ею Гийому о своей тайной страсти, называя ее при этом *она*:

Не прав, кто верит слухам,
Что я люблю другую.
Не поведу я ухом,
Когда о том толкуют.
Услышу пусть отказ,
Но уверяю вас,
Готов служить и слугам,
Чтоб стать ей лучшим другом!

(Por ce faz lor volenté que ge cuit chascuns la voie. 3107–3114).

В анонимных куплетах (3180–3195), подслушанных злым завистливым сенешалем, которые Конрад якобы «импровизирует» у окна,

выходящего в весенний сад, вновь говорится о весне: зеленой траве, расцветшей розе, песне соловья. Обращаясь к богу любви Амуру, певец просит у него совета, как ему стать для возлюбленной милым. Он знает заранее, что ждут его какие-то «пересуды», но утешает себя тем, что *без страданий счастья не добыть*. Предмет страсти назван *bone amor* и *ele*. Песня как бы предвещает его намерение угодить Лиенор. А пока они еще не женаты – речи об этом нет: ведь после «откровения» сенешаля король будет вынужден отступить от великолепного плана женитьбы на красавице.

Пока сенешаль, носивший на щите эмблему с гербом Кея, пустив слух, что едет по делу в свою провинцию, путешествует с двумя спутниками в течение пяти дней до Доля с целью «обесчестить» Лиенор, а точнее любой ценой лишить ее возможности стать королевой, затем еще пять дней обратно в Кёльн, король по утрам слушает *одну и ту же песенку* (3402), т. е. шуточную пастурель, в исполнении менестреля Кюпелена, как бы предупреждающую короля о злых кознях рока:

Я ж подарил ей шубку из овчины.
К Террону в чём у ней любви причины?
Ей-ей, я не шучу:
Добра от пастушки я не получу (3403–3406).

Короля развлекает и другой певец, который является одновременно музыкантом и еще танцором: Гуго из Брассезы, который поет под виолу о красоте Оссри (3419–3433). Это портрет приятной молодой особы в венке из роз, которая и хороша собой, как эти розы, и имеет подходящий наряд. По предположению Г. Париса, это могла быть песня из так называемого дамского турнира, представляющего собой что-то вроде средневекового «конкурса красоты», поскольку она напоминает подобный куплет из «Tournoiement as dames» Гюона д'Уази (Huon d'Oisi). Словом, поется о весне, юности, женской красоте, подобной красной розе.

Оскорбленный и возмущенный заявлением сенешаля о бесчестии бедной Лиенор, Конрад, сойдя с большой дороги, по которой шло его войско, едет полями в полном одиночестве, и на память ему приходят куплеты Гаса Брюле, так называемая ключевая песня сюжета романного цикла «О пари», процитированная нами выше:

Разумно ль вам ревнивым быть
И за невестою следить

Иль всюду за женой ходить,
Коль не хотите разлюбить?
О, сколь приятней и мудрей
То не искать нарочно в ней,
Что не хотите находить (3625–3631).

Но урок этой песни, присутствующей также в «Фиалке», не пошел на пользу ни Жерару, ни Конраду, пока они сами не прошли сквозь испытание. Оба знали песню и считали ее достойной исполнения, однако смысл ее для них открылся лишь в развязке всех перипетий.

В песне, на авторство которой претендуют два имени – Шатлен де Куси и Роже д'Андели, звучит стойкое несогласие сердца с доводами разума и внешними обстоятельствами, препятствующими счастливой встрече. *Amour* здесь также означает обращение к богу любви, а не к возлюбленной:

За что я Вами изгнан, о Амур?
Быть с Вами не достоин почему?
Мне вынесли суровый приговор:
Вины моей пред Вами не пойму.
Доверье Ваше я не оправдал
И только наказанья заслужил.
От боли я почти что умирал,
Но больше, а не меньше полюбил (3751–3759).

В отчаянии Конрад не перестает упрекать себя в какой-то вине перед возлюбленной, которой, по сути, не было или которая состояла в недоверии ее брату или собственному сердцу. Уже будучи в Майнце в ожидании наступления Первомая, символизирующего пик весны, он, вспоминая о далекой прекрасной, так и оставшейся неведомой, Лиенор, поет куплеты Рено де Сабле, в которых автор сокрушается о том, что утратил мир сердца, и теперь осталось только умереть. Красавица изменила, и сочинитель песни последовал ее примеру, чего никак не может себе простить:

Мне больше петь не суждено,
На сердце мира больше нет
Желаю только одного:
Скорей покинуть белый свет.
Любил я, как никто,
Ей счастья желал.

Нежданно оттого ль
Обмана жертвой стал!
Утратил мужество тут я
И ей, безумный, отомстил.
Как тяжела вина моя:
Я мести меру преступил.
Ах, Дама, поздно Бога звать...
Осталось смерти ждать.
На милость Божью ль уповать? (3883–3898)

Возможно, речь идет и о какой-то иной мести. Невольно на память приходит ситуация «Романа о Фиалке», в которой Жерар, покинув Эврио в лесу, действительно чувствует себя преступившим некую «меру» наказания, если бы таковая вообще могла существовать. Наконец, только здесь, недалеко от развязки действия, в песне № 36 «Розы» Конрад называет косвенно свою далекую даму *Дамой!*

Вместе с Гийомом, которого пытался утешить сам император, он однажды прослушал в исполнении Жугле *красивую песню шартрского видама*, красноречиво вербализующую его муку. В первой строфе речь идет о том, что близко погожее лето и вся природа ему радуется, однако пение не может развеять кручины поющего. Мы приводим лишь вторую строфу, раскрывающую причину его горя. В чем же дело? Свидание лишь усугубило тоску:

Увы, страданья мне не избежать,
Гнетет меня несчастье всё сильнее.
Зачем пришлось лицо мне увидеть,
Что всех на целом свете лиц нежнее?
Никто потёмки эти не рассеет,
Как только сердце, что моим владеет...
Но если нет, – то нечего мне ждать (4127–4140).

Песня как бы говорит о том, что сближение не освобождает от забот, но порой может осложнить ту блаженную иллюзию полного взаимопонимания, которая возникает на расстоянии. С первого взгляда бесхитростный лирический мотив содержит в себе целую философию любви, которая не рекомендует подходить к цветку слишком близко, чтобы не разрушить впечатление красоты его целостности. Вблизи мы уже не видим ни корней, ни ореола, который открывается ненамеренному взгляду, лишь случайно проникающему – небо и землю.

Быть может, «лицо», увиденное автором песни шартрским видамом, было столь ослепительно, что он вообще теперь не решится и заговорить со своей любимой! Возможно, «лицо» у «цветка» – и не главное, и видеть его не обязательно: оно обманет. А главное – сущность. Не потому ли романы наши – «о Розе» и «о Фиалке», а не «о красавице Ленор» и не «о милашке Эврио».

Первого мая в королевском дворце города Майнца, напоминающего звучанием своего названия «май», звучат песни менестрелей, прибывших из самых разных мест и стран, чтобы, воспользовавшись случаем, «подзаработать» – *por aquerre* (4565). Здесь в качестве примера Жан Ренар вставляет мужскую пастурель в женском исполнении Дозтты де Труа о том, как некий юноша, гуляя весной под звонкое пение птиц, встречает на лугу поющую пастушку со стадом овец и восхищается ее обликом и особенно струящимися по ветру золотыми волосами:

Quant revient la sesons
que l'erbe reverdoie,
que droiz est et resons
que l'en deduire doie,
seuls aloie,
si pensoie
as noviaus sons
que ge soloie.
Touse gaie
ses moutons
Trovai sanz compegnons
Ou s'esbanoie
A ses chancons.
Gente ert sa facons:
Chevex que venez baloie
Avoit sores et blons.

(4568–4583)

Когда пришла весна,
Природа расцвела,
Все радуются вновь
Тому, что жизнь дана.
Я брел один,
О ней мечтал,
Хор птичий
Слух мне улаждал.
И на лугу
Вдруг увидал
Пастушку и овец:
Она одна,
Но весела:
Поет себе сама!
И волосы ее
Струятся, как волна...

Снова природа, снова весна. Здесь песня прославляет пение: возможно, это «автопортрет» самой Дозтты!

До развязки всей истории «Розы» уже не так далеко. Уже не долго Конраду переживать, сострада горестным мотивам и ужасаясь радостным. Однако пока еще он не знает *ни что говорить, ни что делать*. Две недели неизвестности сделали его совсем безразличным

к происходящему вовне. Слышится анонимная песня в исполнении менестреля из Шалона, которая оканчивается так:

Amours a non ciz maus qui me
tormente;
mes n'est pas teuls com les autres
genz l'ont,
c'est bien resons que li miens cuers
s'en sente,
qui set mout bien coment on l'en
respond.
Et ge di: «Las! Mi mal, quant
finiront?
Ne ja Jhesus fenir ne mes consente,
s'apres les mauls li bien gregnor
n'en sont.

(4587–4593)

Любовь – моё страдание
зывается.
Оно иное, чем у всех
людей.
Мне потому спокойно
не живется,
Что нет ответа страстности
моей.
Молюсь о прекращении
скорбей,
Но знаю, что страданье
не прервется,
Пока любовь с любовью
не сойдется.

Здесь, в «Розе», как впоследствии и в «Фиалке», присутствуют песни-истории. Одна из довольно пространных песен-историй в исполнении «нормандца» повествует о Эглантине, влюбленной в Анри, которая решила сама к нему явиться первой, чтобы сказать ему о своей любви и спросить, не возьмет ли он ее замуж. Своей дерзостью она добилась желаемого (2235–2294).

Так Жан Ренар исподволь вводит мотив активности главной героини Лиенор в попытке очиститься от клеветы и вернуть честь всему ее семейству и роду. Придумав ловкий ход, она бесстрашно является на первомайский праздник – «суд над клеветником» и одерживает блестящую победу.

Появление Лиенор при дворе резко изменяет мотивы песен. Хотя еще ничего не выяснилось, она не открылась сама и не обличила преступника против счастья короля, но, лишь только она вышла вся в слезах из экипажа, как «овернская песнь» Дауда де Прадаса возглашает радостное наступление в белом цвету и соловьином пеньи праздника Пасхи, от которой певец, т. е. автор песни и ее лирическое Я, ждет обновления здоровья духа и тела:

Bele m'est la voiz altane
del roissillol ei pascor
que foelle est verz, blanche flor,

Люблю порой весенней
Природы возрожденье:
И зелень, и цветенье,

et l'erbe nest en la sane
don't raverdissent cil vergier.
Et joi m'avroit tel mestier
que cors me garist et sane.

(4653–4659)

И голос соловьиный.
От радости и счастья
Пасхального причастья
Придет мне исцеленье!

Это ль не «благая весть» королю? В гости пожаловала красавица-фея. Ему сообщают о появлении чудесной особы, он покидает совет и входит в залу, где видит ее. Что произошло дальше, мы уже знаем: девушка упала к ногам короля с мольбой о помиловании. При виде слез на ее прекрасном лице присутствующие не могут ей не сопереживать. Она произносит блестящую обвинительную речь против сенешаля (4768–4773), *даже лучше, чем если бы выучилась на судью*. Следует сцена с уличением сенешаля в воровстве, которое благодаря Лиенор, подтверждается на месте вещественно. Теперь он отрекается от знакомства с ней, а заодно от насилия, в котором обвинен. Лиенор может открыться: доказана ее невиновность и невинность.

Король запекает танцевальный рефрен-диалог, в котором звучат слова «я» и «Вы», без обращений: *Que demandez vos / quant vos m'avez? que demandez vos? dont ne m'avez vos? – Ge ne demant rien se vos m'amez bien* (5106–5111). Возможно, ответную реплику пропела Лиенор... неизвестно. Но пение подхватили все остальные игровым рефреном, символически представляющим единство лета, бракосочетания и счастья (5113–5115).

Едва бароны выразили согласие на брак с королевой Лиенор – так она была хороша собой и умна – как гонцы были посланы за ее братом в Доль. По дороге задорный «племянник епископа» поет отрывок из романа:

Идут апрель, с ним Пасхи торжество,
Цветут леса и зелены луга.
В свои река вернулась берега,
И днём, и ночью слышен птичий хор...

Далее рассказывается сюжет об Эглине и графе Ги, соревнующихся в любви друг к другу (5188–5207).

Звучащая из уст рыцаря Даммартена уже упомянутая нами ранее песня Бернара де Вентадорна на диалекте пуату о жаворонке (5212–5227), оканчивается так:

Она царица надо мной:
Моими телом и душой,
Она царит над миром всем, –
Нигде не ждет меня покой
(Tol mei lou cor et tol meismes
et soi meesme et tol le mon, et portant el ne m'oste rent
fors desire et cor volon. 5225–5227).

Итак, в песне № 45 *она, похитившая всё: душу, тело и весь мир*, наконец, становится его *царицей!* Но это еще не обожествление образа.

Куплеты (5232–5252) Готье де Суаньи, звучащие из уст молодого дворянина, преподносят влюбленным урок неразглашения чувства. Возлюбленная не отвечает на предложение лирического героя песни, который, задумываясь о причинах отказа, начинает рассуждать о законе сохранения тайны. Цитируем фрагментарно:

Я вновь печален и уныл –
Молчит любимая моя.
Напрасно я ее молил:
В который раз отвергнут я! (5236–5239)

и

Когда доподлинна любовь –
Не скажешь слова никому.
Ни с кем не делишь свой секрет:
И страх, и радость – одному... (5249–5251)

Теперь, когда виновник всех бедствий Конрада и его «Розы» безымянный сенешаль томится в кандалах и наручниках запертый в темнице, в залах дворца продолжают звучать «частушки» об Аэлис, которая отдыхает на лугу под зеленеющей оливой. На танцы не может пойти тот, кто не влюблен. А «я», т. е. лирический герой народной песни, с которым легко может отождествить себя всякий слушающий, *могу и должен танцевать в кароле, потому что у меня есть подруга* (5427–5434). Будем считать, что это не похвальба, а изложение некоего неписаного правила весеннего веселья. Один граф подсказывает, что следующие строки подошли бы как раз императору:

Девушки не все водят хоровод;
Дамы, не для всех игры на лугу.
Может Аэлис смело танцевать:

Есть у ней партнёр.
Не придёте Вы танцевать на луг:
Прежде нужен друг.
Я ж – могу играть, смело танцевать
С милою моей... (5427–5434)

Подсказывают и еще одну песню для императора, в которой дважды подчеркивается факт достижения цели:

Слышны игры на лугу.
По сердцу я любить могу.
Дамы водят хоровод,
Я ж – в него не встал.
По сердцу я любить могу,
Кого избрал! (5440–5445)

В «Романе о Розе» гораздо больше весенних мотивов, чем в «Романе о Фиалке», погружающем слушателя и читателя цитаций целиком в переживания любви в разлуке. Причем, о лугах, источнике или море поют не только на природе, но, например, в залах замка и гостиницах города Сен-Трона, куда рыцари съехались на турнир, а дамы – на зрелище.

«Дама в алом платье», например, т. е. в платье цвета розы, поет о «зеленых лугах», где молодежь собирается на танцы:

C'est tot la gieus, enmi les prez,	Танцуют дамы на лугу
Vos ne sentez mie les maus d'amer!	Ах, равнодушны вы ко мне.
Dames i vont por caroler,	Как все движенья их точны,
remirez voz bras!	Танцуйте, как оне...
Vos ne sentez mie les maus d'amer	Ах, равнодушны вы ко мне,
Si com ge faz! (514–519)	К моей любви!

Ей отвечает молодой человек народной песней о Робене с изображением природного фона: *вот смоковница, вот ручей*, – здесь они и встретятся.

C'est la jus desoz l'olive,	Под смоковницей ручей
Robins enmaine s'amie.	Тихо плещется в тени.
La fontaine i sort serie	Робин с милою своей:
desoz l'olivete.	Как прекрасно это.
E non Deu! Robins enmaine	Вместе, наконец, они:
Bele Mariete (522–527).	Робин, Мари-этта!

Таким образом, нет в «Романе о Розе» почти ни одной песни, где не был бы очерчен двумя-тремя штрихами весенний пейзаж. В строках (2523–2527), например, звучит приглашение на танцы у моря:

Sor la rive de mer mignotement
alez!

На берегу морском танцуйте от
души!

На морском же берегу, видимо, народ будет праздновать первоймай:

Tout la gieus, sor rive mer,
conpaignon, or dou chanter!
<...>

На песчаном берегу будем ныне
песни петь
<...>

En l'onor de mai! (4164–4169)

Май весельем встреть!

3. Сеньяль: герметическое письмо

Цветочный знак героинь «пари»-цикла становится женским сеньялем. Старофранцузское слово *senhal* эквивалентно современному *signal*, т. е. *знак*. В том, что цветочный знак романов «О Розе» и «О Фиалке» несет, кроме особой приметы как предлога к пари, еще функцию «тайного имени», мы перестаем сомневаться, находя подтверждение этой простой и лежащей на поверхности гипотезе в работах филологов-музыковедов: П. Бэка, который, в свою очередь, ссылается на А. Жанруа: «Вместе с г-ном Жанруа мы считаем, что употребление поэтами псевдонима для обозначения дамы – весьма естественное следствие интимности чувства, предполагаемой концепцией куртуазной любви, скорее, чем орудие, направленное против любопытства мужа и происков врага, которые не поленятся доискаться правды, невзирая на покровы, которыми влюбленные окутали свою тайну»¹ [4, с. 82]. В случае наших цветочных «пари»-романов тайный знак и сеньяль служат своего рода приманкой, распалюющей азартную охоту клеветников за «красивой» тайной.

Предположив выше, что «пари»-цветы могут символизировать любые индивидуальные особенности возлюбленных главными героями романов дам, теперь мы не считаем невозможным привести в связь тайные цветочные знаки и сеньяли с особенностями индивидуального чувства любви «рыцарей», нарекших свою «пассию» тем или иным образом, по своему усмотрению. Дело в том, что, еще не имея в своем распоряжении всего того богатства и разнообразия

¹ Здесь и далее перевод наш. – И. С.

лексических, грамматических и синтаксических средств выражения, которыми располагали позднейшие эпохи, авторы почти не прилагают усилий к тому, чтобы сколько-нибудь особенным языком описать непохожесть предмета своей любви на другие ему подобные, ниже непохожесть их переживания на чувства других им подобных. Почти не изобретают эпитетов, не выдумывают оборотов речи, не занимаются словообразованием, повторяя раз навсегда, т. е. на всё Средневековье, принятые условные каноны описания красоты. Чем же им в таком случае отличиться? Поэты-песенники трубадуры и труверы старательно изобретают и со вкусом украшают свои действительно индивидуальные мелодии кансон, которые считалось неэтичным заимствовать у других авторов, в отличие, например, от мелодий сирвентеса, пастурели или альбы, которая носила более традиционный менее индивидуальный характер, о чем сообщает Ж. Бэк [4]¹. Авторы романов с песнями сами не сочиняют ни слов, ни мелодий песен, взятых ими в «арсенал» «пари»-сюжета. Поэтому логично предположить, что «пари»-цветы вполне могут оказаться воплощением знака их особой любви, не похожей на чувства других. Подсказанная французскими музыковедами гипотеза представляется нам не лишённой оснований, при том, что за нами остается право возразить против самих понятий «индивидуальности» и «личности» Средних веков, явно специфически отличающихся от современных. Тем не менее в контексте того «индивидуального» чувства, о котором говорил, в частности, Ф. Энгельс, стремление к сильному самовыражению и выбирает свой непохожий цветок. В поддержку данной пока еще гипотетической функции «пари»-цветов в соответствующих сюжетах нашего цикла говорит и тот факт, что в эпоху распространения песенного творчества, образцы которого фрагментарно присутствуют и в наших романах, рядом со всем понятным «светлым» стилем письма, у трубадуров и труверов существовал и «темный», или «герметический». По мнению Ж. Бэка, в этом явлении нельзя не увидеть «нежелания выставлять напоказ свое персональное возвышенное переживание, или то, которое мнится таковым» [4, с. 82]. Равнодушные и праздно любопытствующие не должны быть допущены как недостойные разделить это мистическое переживание, которое певцы любви обозначают как *joi e deport* (совр. *joie et transport*, т. е. *восторг счастья*). Одни его не ценят, а другие – могут ему нанести непопра-

---

¹ Гл. «Les chansons personnelles. La chanson d'amour ou canso». С. 80–109.

вимый ущерб своими нескромными взглядами. «И лишь овладевшие искусством любить “vrais amanz” “настоящие влюбленные”, которых в мире встретишь не часто, могут быть допущены к участию в радости “герметического” автора, природа которой им понятна по опыту» [4, с. 82]. С приведенной нами музыковедческой точки зрения, Роза и Фиалка – своего рода способ «герметического» письма Жана Ренара и Жербера де Монтрей, косвенно воспевающих в своих романах, безусловно, возлюбленных ими женщин. Под таким углом зрения выбор цветочного знака не столько характеризует полувывмышленных полуреальных героинь, сколько характер любви к их прототипам самих авторов. Откуда может последовать вывод, еще более гипотетический, чем наблюдение музыковедов, относящееся уже не столько к области литературоведческого анализа, сколько к области вопроса психологии писательского творчества, о том, что Жербер де Монтрей как писатель и влюбленный – человек более зрелый в понимании и переживании любви, чем Жан Ренар, даже не независимо от возраста обоих.

В статье «Автор, герой и рассказчик в эстетической деятельности» [1, с. 245] профессор А. П. Бондарев, прослеживая динамику сюжетообразующих отношений автора, рассказчика и героя, рассматривает, вслед за М. М. Бахтиным, случай абсолютной объективации героя автором. Овнешняя его, автор дистанцирует и завершает одну из своих психических функций (К. Г. Юнг), по отношению к которой он выступает как «другой», необходимый *герою* для самоидентификации. К такому типу взаимоотношений автора и героя мы относим старофранцузские стихотворные романы цикла «о пари», обвиняющие главного героя в нелегитимном хвастовстве. Обвинение вводит этический момент, который дистанцирует автора от героя. Функцию возмездия берет на себя горькая судьба героя, но оправдание приходит благодаря сохранившей честь героине Ж. Судьбе, или Провидению, дано спасти любовь героев, что и признают обе стороны. Отсюда же проистекает дифференциация между представлением о Боге как Высшем Судии – и Возлюбленном / Возлюбленной как Его орудии спасения Влюбленной / Влюбленного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев А. П. Автор, герой и рассказчик в эстетической деятельности // Культурно-языковая реальность: философское и регионоведческое изменение. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 245–258. – (Вестн. Моск. гос. лингвистич. ун-та; вып. 11 (644). Сер. Философия и культурология).

2. *Смирнова И. Б.* Исторические корни мотива «пари» во французской литературе XIII века и его романная разработка // Теория и история литературы. – М. : Рема, 2011. – Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 22 (628). Сер. Филологические науки. – С. 100–117.
3. *Смирнова И. Б.* Мифопоэтический образ Фиалки в исторической поэтике куртуазного романа // Текст и метатекст. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 120–132. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 22 (655). Сер. Филологические науки).
4. *Beck J.* La musique des troubadours / Préface de M. Rollin ; Collection “Musique” dirigée par Claude Glayman. – P. : StockMusique. Editions Stock, 1910. – 127 p.
5. *Huet G. B.* Gace Brulé. – URL : <http://archive.org/details/chansonsdegacebr00gaceuoft>
6. *Gerbert de Montreuil.* Le Roman de la Violette ou de Gérard de Nevers. – P. : Champion, éd. par Douglas Labaree Buffum, 1928. – 362 p.
7. *Jean Renart.* Le Roman de la Rose ou Guillaume de Dôle / Ed. Félix Lecoy. (= Жан Ренар. Роман о Розе, или о Гийоме де Доле. Издатель Феликс Лекуа). – P. : Champion, 1979. – 231 p.

УДК 81-114.2

Г. В. Смирнова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ
тел.: 8 (499) 245 29 94

ВЫРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье анализируются языковые средства выражения гендерной оппозиции «фемининность–маскулинность» во французском и русском языках. В качестве материала выбраны фразеологизмы как наиболее яркое средство отражения культурных и языковых идеоэтнических особенностей народа.

Ключевые слова: гендер; фемининность; маскулинность; концепт; гендерные асимметрии.

G. V. Smirnova

Ph.D., Associate Professor,
Chair of General and Comparative Linguistics, MSLU
тел.: 8 (499) 245 29 94

THE EXPRESSION OF GENDER IN FRENCH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

The article analyses linguistic means used to express gender opposition of femininity / masculinity in French and Russian. Phraseological units are chosen as the material as they vividly reflect cultural and linguistic ethnic peculiarities.

Key words: gender; femininity; masculinity; concept; gender asymmetry.

Одним из ведущих подходов к лингвистическим исследованиям на рубеже XX–XXI вв. стал антропоцентризм, что явилось следствием осознания лингвистами того, что язык – это не только средство общения, но и воплощение духовного и материального опыта народа, отражение культурных, исторических, социальных условий его существования и одновременно средство воздействия на национальное мировосприятие. Язык во все времена оставался наиболее яркой характеристикой этноса. Еще Пифагор для познания нравов народа советовал прежде всего изучать его язык.

В. Гумбольдт также отмечал необходимость изучения языка в тесной связи с человеком и его культурой, подчеркивая, что именно язык является человекообразующим фактором: «Человек думает,

чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им» [4].

Похожим образом понимает взаимоотношение человек – язык и Э. Бенвенист: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [3, с. 293].

Н. Д. Арутюнова полагает, что не столько естественные науки, сколько естественные языки служат средством постижения феномена человека [1]. Неудивительно, что проблема человека, изучение его природы, ментальности, внутреннего мира, внешности стала проблемой междисциплинарной и решается коллективными усилиями представителей множества наук и, не в последнюю очередь, гуманитарных наук, таких как философия, психология, лингвокультурология, лингвистика, литературоведение и др.

Исследования последних лет выдвигают на первый план индивидуальные характеристики говорящего субъекта. А пол человека является одной из важнейших характеристик личности. Гендерная оппозиция – фемининность / маскулинность – является фундаментальной оппозицией в теории и практике человеческого общения, а гендерные принципы взаимодействия людей имеют огромное значение для организации общества и человеческой коммуникации. Изучение фемининности и маскулинности на материале различных языков свидетельствует о том, что данная характеристика личности человека – категория динамическая, исторически изменчивая и национально обусловленная. Она включает не только анатомические, физиологические признаки пола, но и совокупность социально-аксиологических характеристик.

История гендерных исследований имеет давнюю традицию и различную степень интенсивности этих исследований. Первые упоминания фактора биологического пола в языке относятся к эпохе Античности в связи с осмыслением категории грамматического рода, причиной которого считали изначальную природную данность – наличие людей разного пола. То, что эту гипотезу поддерживали такие крупнейшие ученые, как Гердер, Гримм, Гумбольдт, явилось причиной ее лингвистического «долголетия».

В XVII в. в связи с открытием «экзотических» языков, в которых существовало разделение на мужской и женский варианты языков,

фрагментарно встречались комментарии по этому вопросу, констатирующие, что мужской вариант – это собственно язык, а женский – отклонение от него.

Некоторая интенсификация исследований данного вопроса отмечается в начале XX в. в работах Сепира, Есперсена, Маутнера [11; 12; 14], что, впрочем, не означает изменения их модальности: по-прежнему женщина рассматривается как существо менее интеллектуальное и менее способное к языку, чем мужчина, а женское в языке – как отклонение от нормы.

Мощным импульсом к гендерным исследованиям стало возникновение в 60–70-е гг. XX в. феминистской лингвистики, или феминистской критики языка, утверждавшей, что язык изначально был андроцентричен, что он создавался мужчинами, отражал мужские ценности, мужскую картину мира, признаки мужской гендерной идентичности (успешность; умственная, физическая, эмоциональная твердость; антиженственность и др.). В соответствии с мужской картиной мира, социальная роль женщины ограничивалась домом, семьей, детьми, что не требовало от нее ни инициативности, ни предприимчивости, ни честолюбия. Все эти качества характеризовали мужчину и требовали от него активности, энергичного взаимодействия с внешним миром и воздействия на него. В результате чего возникают гендерные асимметрии в языке, направленные против женщины. В связи с этим феминистская лингвистика настаивала на переосмыслении и переоценке языковых норм, тем более что в современных индустриальных обществах социальные роли и личностные социальные и психологические характеристики мужчины и женщины кардинально изменились. Более того, некоторыми исследователями отмечается кризис маскулинности, который заключается в том, что мужчины составляют количественное меньшинство населения, как биологический вид они менее жизнеспособны, чем женщины, продолжительность их жизни меньше, чем у женщин.

Таким образом, с последней четверти XX в. концепты «фемининность» и «маскулинность» прочно вошли в сферу лингвистических исследований.

Язык как социокультурный феномен располагает различными средствами лингвистического конструирования гендера. Изучение особенностей реализации гендерного фактора средствами фразеологизмов представляет исключительный интерес, который обусловлен

огромным потенциалом фразеологического фонда языка, его способностью не только хранить и передавать национально-культурную картину мира того или иного народа, но и определенным образом адаптировать лингвокультурологические средства к различного рода социально-культурным изменениям.

При этом следует с сожалением констатировать, что работ, посвященных изучению особенностей концептов «маскулинность / фемининность» в области фразеологии, не так много. Среди немногочисленных трудов интересующей нас проблематики следует прежде всего назвать монографию В. Н. Телии, в которой содержится раздел, посвященный отражению концепта «женщина» в русской фразеологии [9, с. 288]. Анализ языкового материала позволяет автору сделать следующие выводы:

- 1) для русского обыденного самосознания нехарактерно восприятие женщины как «слабого пола» и противопоставление ее «сильному полу»;
- 2) базовой для всех фразеологизмов, характеризующих женщину как сексуального партнера, является «гастрономическая» метафора «женщина – лакомый кусок»;
- 3) в христианизированной русской культуре утвердился стереотип женщины-домоседки;
- 4) для обыденного русского менталитета характерно утверждение нравственного женского канона: «честная девушка, а впоследствии, верная жена».

Вольное поведение – это безнравственное, «бесстыжее» отступление от данного канона.

Д. Ч. Малишевская [7Ы], также посвятившая свою работу рассмотрению гендерного фактора в области русской фразеологии, отмечает интересную закономерность: для русского национального сознания любое сравнение женщины с мужчиной позитивно (*мужской ум; мужская хватка*), в то время как для мужчины любое сравнение с женщиной имеет явную негативную окраску (*маменькин сынок, вести себя как баба* и др.).

О важности учета данных анализа библейских фразеологизмов применительно к изучению концептов «мужское / женское» во французском и русском языках как об одном из условий выявления базовых константных установок национальной культуры, говорит А. Г. Беликова [2].

Отражению гендерных стереотипов в русском и немецком фразеологическом фонде посвящена отдельная глава в монографии А. В. Кирилиной [6, с. 199], которая указывает на такую их общую черту, как более низкая оценка женщин по сравнению с мужчинами. Положительные характеристики женщин относятся в основном к сферам, где они оказываются полезны для мужчин.

Гендерной специфике английских фразеологизмов посвящена работа И. В. Зыковой [5, с. 231]. Гендерный подход при изучении таких базовых концептов культуры, как «фемининность / маскулинность», средствами фразеологического фонда языка поможет не только лучше понять семантику идиомы, но и вскрыть идеоэтническую специфику различных лингвокультурных сообществ.

При анализе фразеологизмов важным аспектом является установление того, каким образом фиксируется гендерный компонент, является ли он частью структуры или семантики идиом. Было установлено, что маркерами гендера могут выступать как их структурные элементы, так и смысловые компоненты семантики идиом. Таким образом, возможны два критерия отбора фразеологического материала для исследования гендерного фактора:

- 1) структурный принцип (материал отбирается по гендерным маркерам структуры; опорными компонентами структуры являются слова, обозначающие лицо мужского или женского пола);
- 2) семантический принцип (материал отбирается по гендерным маркерам семантики; отбираются фразеологизмы, в дефиниции которых есть слова, указывающие на лицо мужского или женского пола.

При анализе французских фразеологизмов, содержащих гендерно маркированные компоненты, была проведена параметризация самого человека по частям, которые отражают различные его ипостаси: интеллект и психика, внешний вид, родственные связи, черты характера, манера поведения, социальный статус и некоторые другие. Сравнение концептов «фемининность / маскулинность» во французском и русском языках показало, что во французском языке концепт «женщина» не противопоставлен негативно концепту «мужчина» в отличие от русского языка, на что указывали и В. Н. Телия, и Д. Ч. Малишевская.

Фразеологические единицы, характеризующие интеллект личности, представлены в значительном количестве как во французском языке (*avoir de l'esprit comme quatre, con comme la lune*), так и в русском (*семи пядей во лбу, без царя в голове*).

Сравнительный анализ показал как общие характеристики, так и существенные расхождения в данной фразеосемантической группе. И в русском, и во французском языках количественно преобладают фразеологизмы, отрицательно характеризующие интеллектуальные способности человека. И в русском и во французском языках локусом умственных способностей человека выступает голова. И в русском и во французском языках обнаружено значительное количество фразеологизмов, сравнивающих человека с животным, когда характеризуются низкие интеллектуальные способности человека (*тупой как баран; птичий умок; cervelle d'oiseau; un cheval de carrosse*). Однако введение в сравнительный анализ гендерного фактора показал принципиальные расхождения. Фразеологический словарь французского языка не фиксирует значительных различий в представлениях о мужском и женском уме. Понятия «умный мужчина» и «умная женщина» оцениваются как близкие по интеллектуальным свойствам (*fine lame; avoir oublier d'être con...*).

Выражение отношения к семье, семейным ценностям, к продолжению рода заключено в большом количестве фразеологизмов как русского, так и французского языка. И хотя традиционно сложившиеся взаимоотношения между супругами заключаются в доминировании мужчины (*жена да убоится мужа; la poule ne doit pas chanter devant le coq*), в обоих языках обнаруживаются фразеологизмы, фиксирующие прямо противоположное положение дел (*быть подкаблучником; держаться за бабулю юбку; porter la culotte; porter les chaussees*).

Особую подгруппу данной фразеосемантической группы составляют фразеологизмы, содержащие критерий «неверность». Но если в культурно-языковом сознании русского человека *наставлять рога* – это «изменять мужу, сожительствуя с другим мужчиной», и это крайне негативно оценивается обществом, то для благополучного существования французской семьи верность обоих супругов не признается обязательным условием (*donner un coup de canif dans le contrat*). Однако женская и мужская неверность несут разную аксиологическую нагрузку. Анализ французских фразеологизмов по данному критерию показал, что в 9 из 10 случаев женская неверность осуждается строже.

Что касается фразеологизмов, отображающих телосложение человека, то, как показал анализ фразеологических словарей [9; 13], во французском языке их оказалось гораздо больше, чем в русском.

В обоих языках выявлено приблизительно одинаковое количество фразеологизмов, указывающих на рост человека, что является следствием того, что этот внешний признак в первую очередь бросается в глаза. Но во французском языке почти все фразеологизмы указывают не только на высокий рост человека, но одновременно и на его худобу. Релевантных гендерных различий во фразеологизмах данной лексико-семантической подгруппы обнаружено не было, так как они в равной мере могут характеризовать как женщину, так и мужчину (*коломенская верста; от горшка два вершка; grande perche, un vrai grenadier*).

Фразеологические единицы, содержащие такой признак внешнего вида человека, как красота, напротив, показали значимость гендерного фактора. Во французском языке они количественно превосходят фразеологизмы того же значения в русском языке, причем акцентируется в них естественная привлекательность женщины (*belle plante; une bonne robe*), фразеологизмы, указывающие на женскую непривлекательность, единичны.

Исследование фразеологической системы двух языков как средства концептуализации гендерного фактора свидетельствует о наличии как общих, так и дифференциальных черт мужчины и женщины, что очевидно доказывает, что не существует идентичных образов маскулинности и фемининности в различных лингвокультурных сообществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. – М., 1999. – 286 с.
2. Беликова Г. В. Библизмы как способ актуализации русско-французского межкультурного диалога : дис. ... канд. культурол. наук. – М., 1999. – 232 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – 253 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
5. Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М., 2003. – 231 с.
6. Кириллина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М. : Институт Социологии РАН, 1999. – 199 с.
7. Малишевская Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете «мужчина / женщина» // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 180–184.

8. *Маслова В. А.* Homo lingualis в культуре. – М., 2007. – 319 с.
9. *Молотков А. И.* Фразеологический словарь русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1978. – 543 с.
10. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
11. *Jespersen J.* The woman / the feminist critique of language / ed. by D. Cameron. – L., 1998. – 137 p.
12. *Mauthner F.* Beitrage zu einer Kritik der Sprache. – 3 Auflage. – Band 1. Zur Sprache und Phsycologie. – Stuttgart und Berlin, 1921.
13. *Ray A. et Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. – Paris : Le Robert, 1993. – 916 p. – (Les usuels).
14. *Sepir E.* Male and female form of speech in Yana // Donum natalicium schrijnen / ed. by St. W. J. Teeuwen. – Nijmegen : Utrecht, 1929. – P. 79–85.

УДК 81'373.45

Е. М. Солнцев

кандидат филологических наук,
доцент кафедры французского языка переводческого факультета МГЛУ
e-mail: snopf@list.ru

ТРАНСКРИПЦИЯ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ДИАЛОГА

В статье на примере слов русского происхождения во французском языке рассматриваются лингвистические факторы, оказывающие влияние на допустимость и распространенность транскрипции и транслитерации при описании инокультурной реальности. В этой связи анализируются особенности русского и французского консонантизма и вокализма и графических систем русского и французского языков.

Ключевые слова: транскрипция; транслитерация; заимствование; сопоставление фонетических систем; сопоставление графических систем.

Solntsev E. M.

Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor of French Department,
Faculty of translation and interpretation
e-mail: snopf@list.ru

TRANSCRIPTION AND TRANSLITERATION IN RUSSIAN-FRENCH INTERLINGUAL DIALOGUE

Using French words of Russian origin as an example, the author undertakes to find out what linguistic factors have influence on how acceptable and frequent transcription and transliteration are when describing foreign cultural reality. To that end, the article analyses distinctive features of consonantism, vocalism and writing systems of Russian and French languages.

Key words: transcription; transliteration; linguistic borrowing; comparative analysis of phonetic systems; comparative analysis of writing systems.

В эпоху активных языковых контактов актуален вопрос о принципах передачи формы слов одного языка при переносе их в другой. Транскрипция и транслитерация являются употребительными способами такого переноса и широко используются при описании инокультурной реальности.

В настоящей статье на материале французских слов, имеющих русское происхождение, рассматривается вопрос о том, какие

лингвистические факторы влияют на допустимость и распространенность транскрипции и транслитерации и уточняются принципы, обуславливающие выбор того или иного способа межъязыкового переноса слов.

Указанные термины далеко не всегда строго разграничиваются, однако для их смешения, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Мы понимаем транскрипцию как передачу звукового облика иноязычного слова графическими средствами воспринимающего языка, транслитерацию – как побуквенную передачу слов исходного языка с помощью знаков письма воспринимающего языка [1; 4; 6; 7].

Прагматические стороны использования транскрипции и транслитерации подробно освещены в работах по переводоведению, при этом подчеркивается их важнейшая роль при передаче реалий. Исследователи отмечают, что, способствуя сохранению национального колорита и обеспечивая краткость обозначения, применение транскрипции и транслитерации тем не менее существенно затрудняет понимание. В ряде случаев транскрибированные / транслитерированные названия реалий выделяются в тексте, что противоречит важнейшему требованию к переводу – требованию схожести впечатления.

Важно подчеркнуть, что вопрос о допустимости транскрипции и транслитерации выходит за рамки перевода и межкультурной коммуникации, поскольку подлинно заимствованные слова часто употребляются в заимствующем языке без всякой связи с культурой носителей языка-источника.

Совершенно очевидно, что в принципе с помощью транскрипции можно передать любое слово исходного языка, однако при этом неизбежны определенные фонетические отклонения, степень которых зависит от сходства или различия фонетических и графических систем двух языков. Так, между русским и французским языками имеются качественные и количественные различия в составе фонем: общее количество гласных фонем во французском языке втрое больше, а согласных – вдвое меньше, чем в русском. Вместе с тем, известно, что показатели консонантной насыщенности текста в обоих языках близки. Таким образом, основной трудностью при транскрибировании русских слов во французском тексте является необходимость передать определенные согласные, отсутствующие в системе французского языка, а при транскрибировании французских слов в русском тексте

значительную сложность представляет передача специфических элементов французского вокализма.

Традицию передачи того или иного звука исходного языка графическими средствами воспринимающего языка можно считать устойчивой лишь в известной степени. Так, во французском языке наблюдаются расхождения в передаче русского шумного [ш']. По нашим наблюдениям, носители русского языка, говорящие и пишущие по-французски, склонны в этом случае использовать традиционную транскрипцию: *борщ* → *borchtch* и, опираясь на нее, произносить [bɔʁʃtʃ], тогда как носители французского языка обычно произносят [bɔʁʃ] и нередко применяют упрощенную транскрипцию *bortch*.

Неустойчивость транскрипции наблюдается и в диахроническом плане. Так, в XIX столетии преобладало написание *czar* – *царь*, ср. в стихотворении В. Гюго «Искушение» («L'Expiation»):

...Deux ennemis! le czar, le nord. Le nord est pire.

В настоящее время единственным употребительным вариантом является *tsar*.

Еще одна трудность передачи согласных русского языка непосредственно обусловлена спецификой фонологических систем обоих языков. Противопоставление согласных по признаку твердости – мягкости, имеющее смысловозначительное значение в русском языке, не находит, как правило, отражения в произношении французов. В связи с этим транскрипции различных русских слов могут совпадать, создавая ситуации непонимания: *Горький, Горки* → *Gorki*.

Другие различия отдельных признаков русских и французских согласных обычно не приводят к каким-либо затруднениям. Так, русский [p] без труда ассоциируется со значительно отличающимся от него французским увулярным или дорсальным [g], то же относится к существенно различающимся русскому твердому [л] и французскому [l].

Сопоставление систем русского и французского вокализма показывает, что между ними существуют как различия качественного и количественного порядка, так и определенные сходства. Имеющиеся различия, однако, никак не затрудняют передачу русских слов, что вполне объяснимо: в системе французского вокализма различительных признаков имеется не меньше, а больше, чем в русском языке. Такие сходства между вокалическими системами обоих языков, как некоррелятивный характер долготы гласных или отсутствие подлинных дифтонгов,

также способствуют тому, что большинство русских гласных получают устойчивые соответствия. На их выбор влияет лишь позиционная сочетаемость в соответствии с правилами французского языка.

Свойственная русскому языку редукция безударных гласных также не затрудняет транскрибирование: оно осуществляется с опорой на графическую форму слова. Определенную сложность представляет лишь передача русского [ы] – варианта фонемы [и]. Этот звук обычно передается через [i]: *кумыс* → *koumis* / *koutys* [i], однако при транскрибировании слов *калмык*, *калмыцкий* французский язык избегает «чуждого» звука, используя звук [u]: *kalmouk* [kalmuk].

Таким образом, с точки зрения затруднений для транскрипции различия между звуковыми системами двух языков не столь существенны, если отдельные компоненты звуковой системы исходного языка (его консонантизм, вокализм) оказываются по крайней мере не сложнее соответствующих компонентов звуковой системы языка воспринимающего, а большинству звуков исходного языка удастся подобрать хотя и приблизительные, но устойчивые соответствия.

В целом, говоря о фонетическом облике транскрибированных слов, нельзя не отметить, что многие из них в звуковом отношении предстают достаточно чужеродными. В связи с этим естественно предположить, что наличие в слове исходного языка таких звуков, которые имеют соответствия в языке перевода, но образуют нехарактерное для него звукосочетание, снижает целесообразность транскрипции. Это связано с тем, что артикуляция подобных звукосочетаний для носителей языка перевода весьма затруднена. При переводе и описании инокультурной реальности в этом случае часто делается выбор в пользу иных способов передачи реалий (описание, подбор приблизительного эквивалента и др.)

Для более полного выявления особенностей транскрипции и транслитерации, а также для решения вопроса о продуктивности их применения необходимо также сопоставление графических систем двух языков. При этом определяющим фактором оказывается различие основ русского и французского алфавитов (кириллица – латиница). Такое различие привело к тому, что собственно транслитерация русских слов во французском языке не прижилась.

С одной стороны, использованию транслитерации препятствует высокая степень графической асимметрии во французском языке,

затрудняющая для его носителей чтение транслитерированных слов. С другой стороны, нераспространенность транслитерации объясняется неустойчивостью традиции передачи русских графем знаками на латинской основе. Имеется не менее двенадцати существовавших или существующих до наших дней систем транслитерации русских слов латинскими буквами. Многие из этих систем противоречивы и перегружены диакритическими знаками, что вызвано слабой приспособленностью латинского алфавита к передаче особенностей русской фонологической системы: число русских фонем более чем в полтора раза превосходит число латинских букв. Транслитерация, однако, находит ограниченное применение, например, при переводе сокращений, составлении библиографических списков, в частности, при невозможности употреблять графику исходного языка по техническим причинам.

Вместе с тем при переносе слов из языков, имеющих латинскую графическую основу, французский язык широко использует транслитерацию, допуская даже включение чуждых графических элементов. Так, французский заимствовал из немецкого языка слово *Land* – федеральная земля ФРГ, причем заимствована и форма множественного числа – *Länder*, в которой имеется нехарактерное для французского языка сочетание «буква-диакритический знак» (ä). Оба слова пишутся с заглавной буквы в любой позиции, что также является заимствованной чертой немецкого правописания. В последние десятилетия именно транслитерации отдается предпочтение и в случае переноса имен собственных из латинопишущих языков: *Ljubljana* – Любляна, *Lech Walesa* – Лех Валенса. Следует признать, что использование такой транслитерации облегчает для читателя поиск соответствующих единиц в Интернете, но при этом усиливается графическая асимметрия во французском тексте, а произношение данных единиц становится нестабильным и отдалается от оригинального.

Таким образом, очевидно, что при переносе слов в язык, алфавит которого имеет иную графическую основу, возможности транслитерации зависят от того, насколько алфавит воспринимающего языка приспособлен к передаче звуковой системы исходного языка.

Если рассмотренная выше система транслитерации при передаче слов с русского языка на французский является неустоявшейся и малоупотребительной, то система практической транскрипции, напротив,

приобрела законченные черты. Этому способствует как возможность соотнесения большинства звуков русского языка с определенными звуками французского, так и наличие определенной традиции переноса русских слов (особенно имен собственных) во французские тексты.

Преимущество практической транскрипции, по крайней мере при переносе в язык, алфавит которого построен на другой графической основе, заключается в том, что ее цель – вводить иноязычные слова и их сочетания в текст, не выходя за пределы принятого алфавита, т. е. без использования новых букв или диакритических знаков. Именно практическая транскрипция обычно используется при ocasionальном транскрибировании русских слов во французских текстах. При этом следует отметить, что вкрапления русской графики во французский текст исключительно редки, поскольку количество носителей французского языка, хотя бы немного знакомых с кириллическим алфавитом, крайне незначительно.

В то же время интересен тот факт, что в написании, например, русских фамилий на *-ov* и *-ev* в течение XX в. произошел переход от транскрипции к транслитерации: ранее было распространено написание *-off*, *-eff*, в наши дни – *-ov*, *-ev*. В настоящее время написание *-off*, *-eff* применяется, как правило, при транскрибировании фамилий людей, ставших известными во Франции не позднее начала XX столетия, или их потомков, а также русских эмигрантов, прибывших во Францию в первой трети XX столетия, и (иногда) их потомков: *Marie Bashkirtseff*; *Marina Vlady, née Poliakov* и др.

Несмотря на наличие определенной традиции транскрибирования русских слов, отметим, что многие из них во французских текстах выглядят непривычно для читателя. Этому способствует обилие в транскрибированных словах нетипичных для французского языка букв или их сочетаний, используемых для обозначения русских звуков, которые не имеют прямых соответствий во французском языке: *kh*, *tch*, *chtch*, *ï* (*i tréma*) + гласная буква и др.

Таким образом, сопоставление способов переноса русских слов в текст на французском языке показывает, что налицо преобладание практической транскрипции над транслитерацией. Это вызвано целым рядом факторов, главными из которых являются различие графических основ русского и французского алфавитов и слабая приспособленность латинского алфавита к передаче особенностей звуковой системы русского языка. Тем не менее немаловажен и тот факт, что

кириллица и латиница являются родственными системами письма: их корни лежат в греческом архаическом письме. В ряде случаев существующие соответствия между многими буквами кириллицы и латиницы помогают найти соответствия между некоторыми не вполне идентичными звуками русского и французского языков. Отсюда благоприятные условия как для применения практической транскрипции, так и для использования транслитерации.

Наконец, следует учитывать, что перенесенное из одного языка в другой слово, оказываясь в иноязычном окружении, обычно бывает маркированным. Маркированность такого рода лингвисты предлагают разделять на формальную и содержательную [3]. Формальная маркированность может выражаться, в частности, в нарушении норм графики воспринимающего языка, а также в выделении иноязычного слова в письменном тексте с помощью различных графических средств – кавычек, курсива, разрядки и т. п., а в речи – с помощью пауз, замедления темпа речи, усиления артикуляции, усиления звучания. Содержательная маркированность может выражаться в том, что иноязычное слово снабжается особым определением («так называемый» и т. п.) или сопровождается пояснениями.

Можно предположить, что при исследовании других пар языков в дополнение к указанным могут быть выявлены иные закономерности, ярко проявляющиеся при сопоставлении именно этих пар языков, что позволит дополнить картину межъязыкового диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ермолович Д. И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М. : Р. Валент, 2005. – 416 с.
2. *Логачева В. К., Клышинский Э. С., Галактионов В. А.* Современные методы практической транскрипции. – М. : Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, 2012 [Электронный ресурс]. – URL : http://www.keldysh.ru/pages/cgraph/articles/dep20/publ2012/12_01.pdf
3. *Малаховский Л. В., Микулина Л. Т.* Русская культурно-коннотированная лексика в дополнении к «Большому оксфордскому словарю» // Словари и лингвострановедение. – М. : Русский язык, 1982. – С. 53–62.
4. *Суперанская А. В.* Теоретические основы практической транскрипции. – М. : Наука, 1978. – 284 с.
5. *Чугунов А. А.* Обоснованность использования приёма транскрипции/транслитерации при переводе банковской терминологии // Вестник

- Московского университета. – 2012. – № 1. – С. 56–61. – (Серия 22: Теория перевода).
6. *Dimitropoulou M., Duñabeitia J., Carreiras M.* Transliteration and transcription effects in biscriptal readers: The case of Greeklish // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2011. – Vol. 18 (4). – P. 729–735 [Электронный ресурс]. – URL : <http://link.springer.com/article/10.3758%2Fs13423-011-0095-8> (дата обращения: 23.12.2014).
  7. *Sakhno S.* Nom propre en russe : problèmes de traduction // *META: Journal des traducteurs*. – 2006. – 51 (4). – P. 706–718 [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.erudit.org/revue/meta/2006/v51/n4/014336ar.html> (дата обращения: 18.12.2014).

УДК 81'373.613

М. А. Таривердиева

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой классической филологии
тел.: 8 (499) 245 11 72

ПРОТОРОМАНСКИЙ ДИСКУРС: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются процессы, характеризующие формирование протороманского дискурса на землях Западной Европы. Различаются общезыковые явления и языковая специфика разных регионов. Рассматривается новое направление лингвистических исследований и его применимость к изучению протороманского дискурса.

Ключевые слова: протороманский дискурс; лексические заимствования; гетерогенность; гибридизация.

Tariverdieva M. A.

Ph. D. (Philology, higher doctorate degree), Professor,
Head of the Department of Classical Philology
tel.: 8 (499) 245 11 72

PROTOROMAN DISCOURSE: DYNAMICS OF DEVELOPMENT AND METHODS OF STUDY

The article deals with the problem of forming the protoroman discourse in the West Europe. The general linguistic process and linguistic peculiarity of different regions are distinguished. The new trend of linguistic investigation and its applicability to the study of the protoroman discourse is analysed.

Key words: protoroman discourse; loan words; heterogeneity; hybridization.

Языковой дискурс обычно изучают в его современной реализации. Такой подход отражает буквальное следование общепринятому определению дискурса: «речь, погруженная в жизнь» [3, с. 137]. Представляется, однако, не менее актуальным изучение дискурса в историческом и диахроническом аспектах, особенно на переломе исторических эпох, в периоды значительных изменений как в жизненном укладе социума, так и в его языке.

В тех случаях, когда избранный для рассмотрения исторический период удален во времени, свидетельством происходивших в дискурсе изменений являются письменные тексты, отражающие состояние дискурса на данном историческом этапе развития общества.

Ограничение языкового материала письменными источниками не должно считаться препятствием к выявлению и описанию языковых процессов, получивших отображение в речи социума. Немаловажным условием успешности такого исследования является существование, кроме письменных текстов, и других источников информации о социуме – носителе дискурса: исторических, эпиграфических, этнографических материалов.

Темой настоящей статьи избрано рассмотрение раннесредневекового дискурса на землях Западной Европы. Эти области, некогда заселенные кельтами, иберами и некоторыми другими племенами, а затем завоеванные древними римлянами, в течение нескольких веков входили в состав Римского государства в статусе провинций. Население платило Риму налоги, поставляло рабов, полезные ископаемые, продукты сельского хозяйства. Длительное подчинение Риму имело последствия в культурной жизни провинций: распространение на этих землях элементов римской культуры и латинского языка, причем не только в устной, но и в письменной форме, через школы для местного населения, привлекаемого к административной деятельности.

Перенос по политическим мотивам столицы Римского государства из Рима в Константинополь (330 г.), последовавший вскоре распад Римской империи на Западную и Восточную (395 г.), сосредоточение политической, экономической и культурной жизни вокруг новой столицы на востоке, междоусобицы и борьба за власть в западной части некогда единого Римского государства – все эти события подготовили необходимые условия для почти беспрепятственного вторжения на западные земли древних германских племен и их расселения на захваченных территориях (V–VI вв.).

Следующий исторический этап (VII–IX вв.) ознаменовался существованием в близком соседстве бывшего римского населения и завоевателей – народов, имевших разные обычаи и разговаривавших на разных языках. С течением времени в связи с формированием пришельцами новых государственных образований возникла необходимость в официальной письменной документации. Отсутствие письменности у германцев обусловило привлечение на службу грамотных людей из местных жителей. Возникали деловые и торговые контакты. Повседневное общение завоевателей и местного населения привело к формированию римско-германского койнэ, в котором ведущая роль

принадлежала латинскому языку, имевшему длительную письменную и литературную традицию. Германцы осваивали латинский язык преимущественно в устной форме, в результате чего происходила его неизбежная адаптация к германским наречиям на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом.

В лингвистической литературе, посвященной истории формирования романских языков [1; 6–9] подробно описываются фонетические процессы, обусловленные взаимодействием латинской фонетической системы с фонетическими особенностями германских говоров, заложившие основу будущих фонетических расхождений в романских языках. В связи с тем, что настоящая статья посвящена рассмотрению протороманского дискурса как способа и формы *информационного общения* населения западных областей бывшей Римской империи, его фонетические особенности в дальнейшем изложении не рассматриваются как непосредственно не связанные с поставленной задачей.

Изменения в грамматическом строе латинского языка этого периода характеризуются постепенным вытеснением флективных форм аналитическими: пассив, перфектные времена в системе глагола; предложные конструкции вместо флективных падежных форм в системе имени. В этих языковых изменениях отразилось продолжение длительного процесса структурного развития латинского языка. Аналитические конструкции использовались уже в текстах, написанных на кодифицированной классической латыни (I в. до н. э.), поэтому их употребление не может считаться непосредственно связанным с новыми условиями существования латинского языка. Однако следует отметить предпочтительное употребление аналитических конструкций в дискурсе этого периода и их дальнейшее развитие, отразившееся в позднелатинских текстах и ставшее системным в новых, романских, языках.

Разделение в аналитических построениях грамматических и лексических компонентов и, как результат, неизменяемость основного слова, несущего лексическое значение, облегчали пользование латинским языком тем народам, для которых этот язык не был «родным».

Наиболее важным источником информации о протороманском дискурсе является его лексическая составляющая, сформировавшаяся путем объединения основного лексического фонда латинского языка и лексики говоров племен, расселившихся на землях, ранее входивших в состав Римского государства, а также народов-соседей.

Лексическая составляющая протороманского дискурса представлена разнообразными компонентами:

– исконная латинская лексика (*terra, mare, homo, vita*), в том числе слова, употреблявшиеся преимущественно в разговорной речи (*focus* – очаг, *caballus* – ломовая лошадь)

– этнический фактор:

- субстрат Апеннинского полуострова – лексика, связанная с сельским хозяйством и животным миром (*lupus* – волк, *ursus* – медведь, *bos* – бык, *asinus* – осел, *casa* – жилище, *furca* – вилы);
- субстрат Иберийского (Пиренейского) полуострова (*arrugia* – ручей, *sata* – кровать);
- кельтский субстрат (*carrus* – телега, *camisia* – рубаха);
- германский суперстрат – говоры разных германских племен: остготов, лангобардов, франков, бургундов, вандалов, свевов (*bank* – скамья, *blank* – белый, *marka* – приграничная территория, *baro* – свободный человек);
- арабский адстрат – терминология из разных научных областей и бытовая лексика (*algebra, cifra, cero, azimut; azulejo* – изразец, *assukkar* – сахар);
- греческий адстрат – термины из различных областей науки и культуры (*theatrum, chorus, physica*); христианская лексика (*hymnus, mysterium, monachus, ecclesia*) [1].

Приведенные языковые факты позволяют с уверенностью говорить о *гетерогенности* протороманского дискурса (ср. [2, с. 9]).

В лингвистических исследованиях последних лет при описании языковых явлений нередко используется заимствованное из биологии и других естественных наук понятие «гибридизация». Привлечение этого понятия к исследованию языка мотивируется тем, что язык – естественный объект, и, следовательно, к нему применимы такие же принципы и методы исследования, как и к физическим телам и природным явлениям. В то же время отмечается существенное различие между естественными науками, где под гибридизацией понимается способ *искусственного* преобразования мира человеком, и языком, где этим термином обозначается *естественный* процесс, который «хотя и реализуется в творческой деятельности говорящего, но происходит по законам, не зависящим от индивида или не всегда им осознаваемым» [5, с. 58].

Характеристика языка как гибридной системы мотивируется происходящими в нем процессами: передачей разных типов информации, наличием разных видов связей между единицами языка (конъюнкция, субординация, негация и пр.); опорой как на аудиальные, так и на визуальные модусы восприятия и др. [4; 5].

Некоторые мотивации, будучи сформулированы на основе изучения современных языков, неприменимы к протороманскому дискурсу – например довод «опора на визуальные модусы восприятия» неприменим к бесписьменным говорам, каковым являлся протороманский дискурс; трудно отнести к протороманскому дискурсу такой вид связи как субординация, учитывая уровень его развития. Однако эти частности не отменяют правомерности применения характеристики «гибридная система» к дискурсу на ранней стадии его развития. Более того, данная характеристика наиболее адекватно отображает процессы, происходящие в «молодых» дискурсах, активно формирующих свою языковую составляющую посредством подражания «зрелым» дискурсам и заимствования их языковых структур. Убедительной иллюстрацией этого заключения служит описанный выше процесс формирования лексической составляющей протороманского дискурса путем многочисленных заимствований из разных источников.

Привлечение новых исследовательских подходов к изучению языков (как и в любой другой области знаний) открывает новые аспекты интерпретации языковых явлений и дает дополнительные возможности либо верификации полученных ранее результатов, либо их опровержения – и то, и другое одинаково важно в процессе научного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т. Б., Ретина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2007. – 453 с.
2. Анисимова Е. Е. О гетерогенности религиозного дискурса // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. Ч. II. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 9–22. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 15 (675). Сер. Языкознание).
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Гусейнова И. А. Сценарии и стратегии гибридизации жанров в институциональном дискурсе // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 162–197.

5. *Ирисханова О. К., Ивашко Е. А.* Процессы гибридизации в языке. Лексические гибриды // *Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий.* – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 57–74.
6. *Тронский И. М.* Очерки из истории латинского языка. – М.–Л. : АН СССР, 1953. – 272 с.
7. *Elcock W. D.* The Romance languages. – L. : Faber & Faber, 1960. – 573 p.
8. *Tagliavini C.* Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. – Bologna : Patron, 1972. – 681 p.
9. *Wartburg W. von.* Évolution et structure de la langue française. – Berne : Francke, 1971. – 294 p.

УДК 81'276.6

М. В. Толмачёва

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики
французского языка факультета французского языка МГЛУ
e-mail: marie_joie@mail.ru

АРГУМЕНТАЦИЯ КАК МЕДИАДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММАХ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

В статье анализируются типы логических рассуждений, на которые опирается аналитик для подачи телезрителю той или иной информации и которые формируют определенные представления относительно этой информации.

Ключевые слова: аргументация; медиаречь; информационно-аналитические программы телевидения.

Tolmacheva M. V.

Lecturer, Department of the French Language Lexicology and Stylistics,
Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: marie_joie@mail.ru

ARGUMENTATION AS A MEDIA DISCOURSE STRATEGY IN INFO-ANALYTICAL TV PROGRAMS

The article analyses the types of arguments it is based on and on which relies the analyst to give information to the TV viewer and to persuade him in this information.

Key words: argumentation, media discourse, info-analytical TV programs.

Информационно-аналитический медиадискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, в котором поэтапно сочетаются два основных типа речи: сообщение и аргументация. Сначала реципиент получает достаточно объективную, но довольно сжатую информацию о том или ином актуальном событии (собственно сообщение), затем для более полного видения происходящего реципиентом это событие проблематизируется. Проблематизация связана с постановкой вопросов: зачем? как? почему? с какой целью? произошло то или иное событие. Ответить на эти и другие интересующие аудиторию вопросы призваны аналитики-комментаторы, которые ведут свои рассуждения, опираясь на собственный опыт, мнения экспертов, статистические данные, и которые используют аргументацию

как стратегию убеждения аудитории. Иначе говоря, аргументация выступает не только как тип медиаречи, встречающийся в жанре информационной аналитики, но и как медиадискурсивная стратегия.

Под стратегией мы понимаем совокупность речевых маневров со стороны говорящего, направленных на достижение главной цели коммуникативного акта – произвести определенный эффект на реципиента [3]. Напомним, что стратегии являются одной из составляющих коммуникативного контракта, лежащего в основе медиадискурса [4].

В статье, вслед за В. И. Максимовым, аргументация трактуется «как процесс выражения в языке аргументатором определенной информации с целью ее передачи реципиенту, понимания и восприятия ее последним. В конечном итоге любая аргументация служит формированию определенного убеждения у реципиента. Если он воспринял, понял и согласился с положением, которое обосновывал аргументатор, цель считается достигнутой» [1, с. 72].

Аргументация в информационно-аналитических программах французского телевидения преследует следующие цели: комментировать в определенном русле факты; объяснять и интерпретировать происходящее; обсуждать возникающие проблемы, анализируя их природу, причины возникновения и возможные последствия, и отвечать на важные для общества вопросы и т. д. Таким образом, медиадискурсивная стратегия аргументации в жанре информационной аналитики – это рассуждения, комментарии и выводы журналистов, экспертов, политиков, экономистов и специалистов в какой-либо области с целью передачи определенной информации зрителям для формирования у них определенного видения происходящего, убеждения аудитории в этом видении, а также при необходимости принятие точки зрения аргументатора-аналитика относительно тех или иных событий.

При исследовании аргументации информационно-аналитических программ французского телевидения мы опирались на такие понятия, как:

- *тезис*, т. е. некоторые утверждения или выводы, представляющие собой ответы на вопросы, заданные обсуждаемой тематикой, в которых журналисту-аналитику (комментатору) необходимо убедить аудиторию;
- *предпосылки*, т. е. положения, на которые он опирается в своих рассуждениях;

- *аргументы*, т. е. приемы, к которым он прибегает для убедительности своего анализа (комментария, объяснения, вывода).

Аналитик (комментатор) ставит перед собой задачу доказать некое положение вещей, опираясь прежде всего на логику высказывания. В этой связи высказывание может представлять собой: дедуктивное рассуждение, индуктивное рассуждение, рассуждение по аналогии, рассуждение методом уступки, рассуждение от обратного, рассуждение методом исключения [1]. Так, в дедуктивном рассуждении вывод делается на основе общей идеи (1) или гипотезы (2):

- (1) **Vincent Destival, directeur général de l'UNÉDIC:** Un demandeur d'emploi a toujours intérêt à retravailler même pour un emploi de courte durée. Pourquoi il a intérêt à retravailler ? Premièrement, parce qu'il garde des relations avec l'entreprise, il garde des compétences, il garde un réseau professionnel. Et ça, on sait que c'est important pour rester inséré dans le monde du travail. Deuxièmement, s'il travaille quelques jours, quelques heures au cours d'un mois, son revenu sera dans tous les cas amélioré. Et troisième élément (en s'adressant aux chômeurs), – si vous retravaillez, votre durée d'indemnisation, si par malheur vous arrivez en fin de droits, sera prolongée (*Télévision française France 5 / C à dire ?! / Indemnisation chômage: qu'est-ce qui change? / Emission diffusée le 30/09 /2014 à 17h30*).
- (2) **Axel de Tarlé, journaliste:** Les agriculteurs bretons ont mis le feu aux centres des impôts à Morlet, ainsi qu'aux locales de la mutuelle sociale agricole...

Thierry Coué, agriculteur, président de la FRSEA Bretagne, membre du bureau national de la FNSEA: Il faut se poser la question du pourquoi. Pourquoi ces gens sont arrivés là ? C'est le malaise aujourd'hui. Il y a un vrai malaise dans les campagnes. Est-ce qu'il est perçu par l'ensemble de la population ? – ça, on est moins sûr (*Télévision française France 5 / C à dire ?! / Chute des prix agricoles: pourquoi? Emission diffusée le 25/09 /2014 à 17h30*).

Как видим, в примере (1) главный директор Национального союза содействия занятости в промышленности и торговле Винсент Дестиваль строит свое рассуждение дедуктивным способом, основываясь на общей идее о том, что в настоящее время безработные заинтересованы проработать в том или ином месте хотя бы незначительное время и не дожидаться окончания срока выплаты пособия по безработице.

Свою мысль В. Дестиваль подкрепляет следующими аргументами: во-первых, работая, специалист не теряет компетенции, поскольку очень важно быть постоянно включенным в профессиональную деятельность; во-вторых, проработав определенный период времени в том или ином месте, безработный не теряет в выплатах пособия по безработице, а наоборот, приобретает; в-третьих, право на получение пособия по безработице продлевается на тот период времени, который он временно работал. Таким образом, в примере (1) мы видим, что рассуждение строится по дедуктивной модели: от общей идеи к частным примерам, подтверждающим ее.

В примере (2) вывод делается на основе гипотезы Тьерри Куэ, возглавляющего региональный сельскохозяйственный профсоюз в Бретани, о том, что местные аграрии, устроившие поджоги налоговых инспекций и помещений сельскохозяйственной страховой компании в городе Морле, прибегли к столь решительным действиям из-за тяжелейшего кризиса в сельских районах, всю сложность которого народ не осознает (что и является главным аргументом, частично оправдывающим действия бретонских земледельцев).

Индуктивное рассуждение идет от конкретных фактов, доказательств к общему выводу, т. е. основывается на опыте и наблюдении. Чаще всего такое рассуждение опирается на примеры, позволяющие сделать некоторые обобщения (3):

(3) **Martine Perez, médecin et journaliste, auteur de «Interdire le tabac. L'urgence!»:**

La cigarette crée des ischémies de tous les membres. Il y a une maladie qui s'appelle l'artérite des membres inférieurs. Petit à petit, les artères des extrémités des membres se ferment, se ferment, se ferment, il n'y a plus de circulation dans les pieds, et ça peut conduire à des amputations.

...Le tabac en France c'est 73000 morts. C'est la première cause de la mortalité prématurée. C'est 30% des cancers globalement. Le tabac, ce n'est pas accessoire, c'est vraiment un énorme problème de santé publique.

... Un fumeur sur deux mourra des conséquences du tabagisme.

...Ça va permettre aux parents de comprendre que le tabac, c'est dangereux pour leurs enfants (*Télévision française France 5 / C à dire ?! / Emission diffusée le 26/09 /2014 à 17h30*).

Так, в начале передачи Мартина Пере, врач, телеведущая и автор книги «Запретить табак. Немедленно!», приводит устрещающие

факты, доказывающие вред табака для здоровья человека: малокровие, вызванное табаком и способное привести к ампутации конечностей; преждевременная смерть из-за раковых заболеваний (73 тыс. смертей во Франции) и др. Затем, опираясь на данные примеры, врач делает следующий вывод: необходимо внушить родителям, что табак крайне опасен для здоровья детей. Иначе говоря, если при рассуждении методом дедукции аргументация строится от общего к частному, то при индуктивном рассуждении – от частного к общему.

При рассуждении по аналогии одни факты сопоставляются с другими, более конкретными и понятными. Подобное рассуждение часто опирается на образы и сравнения, приближая, таким образом новую действительность (4):

- (4) **Martine Perez, médecin et journaliste, auteur de «Interdire le tabac. L'urgence!»**: Le paquet neutre, qu'est-ce que ça peut changer ? Pourquoi les Australiens l'ont fait ? Je vous signale qu'en Australie 13% des jeunes fument contre 30% en France. Ça veut dire qu'on peut faire quelque chose.

Axel de Tarlé, journaliste: Pourquoi est-ce qu'en France il y a un jeune de 17 ans sur trois qui fume ?

Martine Perez: Voilà. Parce qu'on n'a pas mené assez de campagnes contre le tabac, on n'a pas pris de mesures radicales comme l'a fait l'Australie qui a décidé que dans 15 ans, le tabac sera interdit. Alors, il y a eu toute une série de mesures progressives qui ont été mises en place en Australie. La France, en se dotant de ce plan, commence effectivement à se donner les outils pour que, dans quelques années, on arrive au même niveau du tabagisme qu'en Australie (*Télévision française France 5 / C à dire ?! / Emission diffusée le 26/09 /2014 à 17h30*).

В примере (4) аргументацию, основанную на рассуждении по аналогии, можно выявить по следующим признакам: во-первых, М. Perez сравнивает положение дел во Франции и в Австралии, приводя статистические данные о курильщиках среди молодежи (30 % во Франции против всего лишь 13 % в Австралии). Во-вторых, одни факты здесь сопоставляются с другими, а именно, что Франция вслед за Австралией решила принять ряд мер, направленных на уменьшение численности курильщиков в стране, вплоть до полного запрета курения для французских граждан. Одной из таких мер является создание австралийцами «нейтральной упаковки» сигарет как менее привлекательной для курильщиков. В-третьих, рассуждение медика-журналиста опирается на мысль о том, что если правительству Австралии удалось

снизить количество табакозависимых, то и во Франции (по аналогии) можно достигнуть тех же результатов.

В рассуждении методом уступки журналист-аналитик сначала частично соглашается с мнением, противоречащим его точке зрения, но в итоге возвращается к своей позиции как единственно верной (5):

- (5) **Axel de Tarlé, journaliste:** Est-ce que vous diriez que parfois le système chômage veut dire que... je ne veux pas dire qu'on refuse de travailler, mais qu'on s'installe dans son chômage. À la place d'un cadre qui vient d'être licencié... c'est un gros boum sous la tête. Il sait que devant lui, il a deux ans pour reprendre un travail. Il va se dire, le cadre, et je le comprends, je pourrais agir de la même façon,— je vais d'abord souffler, je vais prendre six mois, je vais faire un break et après, je vais rechercher un emploi. Est-ce que ça, ça n'existe pas, ça?

Vincent Destival, directeur général de l'UNÉDIC : Je crois que quelqu'un qui a longtemps travaillé pour son entreprise, qui perd son emploi, c'est forcément un dramatisme extrêmement profond. Il y a une période de deuil qui est naturelle, ça prend du temps pour reconstruire un projet, pour se réinvestir dans un nouveau projet. Les allocations d'assurance chômage, elles sont aussi faites pour ça. Écoutez, qu'est-ce qui se passe en France ? Le fait est que les demandeurs d'emploi, ils veulent travailler. J'ai juste deux indications pour vous le montrer. Premièrement, parmi les personnes qui touchent une allocation d'assurance chômage, chaque mois il y en a une sur deux qui travaille. Si les gens étaient dans le comportement que vous décrivez, en attendant la fin de leurs droits – c'est pas ce qu'on constate – en moyenne, quelqu'un qui touche ces allocations d'assurance chômage, il va les toucher pendant en moyenne 60% de la durée maximale. Voilà, majoritairement, les demandeurs d'emploi cherchent du travail (*Télévision française France 5 / C à dire ?! / Indemnisation chômage: qu'est-ce qui change? / Emission diffusée le 30/09 /2014 à 17h30*).

В примере (5) можно констатировать, что, отвечая на вопрос Акселя де Тарле не засиживаются ли дома слишком долго оставшиеся без работы люди (поскольку очевидно, что потеря работы – это большой стресс и тяжелое испытание для каждого человека и требуется немало времени, чтобы решить, как действовать дальше), В. Дестиваль вначале частично соглашается с точкой зрения журналиста (последний и сам в подобной ситуации сделал бы паузу и жил бы на пособие по безработице). Однако далее генеральный директор Национального союза содействия занятости в промышленности и торговле

возвращается к своей позиции, отличающейся от точки зрения журналиста, иллюстрируя свои рассуждения примерами. Так, В. Дествиваль считает, что безработные хотят работать и при первой же возможности поступают на новую работу. Об этом свидетельствует тот факт, что по статистике половина получающих пособие по безработице начинает работать, поскольку выплат, составляющих 60% от заработной платы на предыдущем месте работы, не всегда хватает. Таким образом, В. Дествиваль утверждает, что дома безработные не засиживаются и в большинстве своем выходят на работу достаточно быстро.

В случае рассуждения от обратного противоречащая позиции комментатора точка зрения представляется как ошибочная, что предполагает истинность противоположного утверждения (6):

- (6) **Martine Perez:** Pourquoi les jeunes fument ? Parce que le tabac véhicule une image de virilité pour les jeunes garçons, de féminité pour les filles. C'est passé par la promotion, par le cinéma. On voit des héros en train de fumer. Regardez n'importe quel film. Regardez le film «*Intouchables*» : le héros positif, le formidable Philippe, il fume tout le temps. Et les filles les plus belles du monde fument tous le temps. Ça continue. C'est vrai que c'est interdit. En tout cas, les héros positifs véhiculent une image de tabac.

Axel de Tarlé, journaliste: Vous venez de dire que le tabac, c'est cool, et c'est ça le drame.

Martine Perez: Le tabac, c'est un esclavage. 80% des jeunes qui fument, ils veulent arrêter de fumer, mais ils n'y arrivent pas (*Télévision française France 5 / C à dire ?! / Emission diffusée le 26/09 /2014 à 17h30*).

В примере (6) М. Пере анализирует точку зрения, которая противоречит ее мнению о пагубном влиянии табака на здоровье человека (об этом свидетельствует написанная ею книга и приведенные выше утверждения в примере (3)). Отвечая на вопрос журналиста, почему значительное количество молодых людей во Франции курит, врач-журналист подчеркивает, что сегодня реклама, а в еще большей степени кино, пропагандирует образ курильщика как притягательный: для мужчин сигарета является воплощением мужественности, для женщин – женственности и красоты. Это доказывает и тот факт, что главные – положительные – герои известных фильмов часто появляются в кадре с сигаретой (в качестве примера можно назвать знаменитого Филиппа из фильма «Неприкасаемые»). Таким образом,

курение в молодежной среде воспринимается как нечто «крутое» и престижное. Молодежь охотно подражает любимым героям, приобретая все бóльшую зависимость от сигарет. В этом и состоит драма современного общества. Иными словами, рассуждая от обратного, автор книги «Запретить табак. Немедленно!» оспаривает мнение о том, что курение способствует созданию образа «продвинутой молодежи», называя его рабством. Об этом свидетельствует и статистика, согласно которой 80 % молодых людей хотели бы бросить курить, но им это не удается.

При рассуждении методом исключения, чтобы найти решение той или иной проблемы, журналист-аналитик рассматривает разные возможности, выбрав в итоге одну из них как единственно правильную в данной ситуации (7):

- (7) **Martine Perez:** C'est très dur d'empêcher les vieux fumeurs d'arrêter de fumer. Il y a des moyens, on peut les aider – il n'y a pas de fatalité, certains d'entre eux arrêtent, mais c'est beaucoup plus dur. Le vrai sujet: il faut arrêter que les jeunes s'initient au tabac, c'est ça le sujet, c'est ce qui est le plus important. Alors, le prix, c'est très très dissuasif en particulier pour les jeunes (*Télévision française France 5 / C à dire ?! / Emission diffusée le 26/09 /2014 à 17h30*).

Как следует из примера (7), помогая пристрастившимся к табаку бросить курить, врачи стоят перед сложным выбором: работать с категорией граждан, которых можно определить как «заядлые курильщики», или же все силы направить на то, чтобы не начинала курить молодежь. В итоге, аргументируя свою позицию тем, что с давними курильщиками бороться крайне сложно (поскольку табакокурение – тяжелейшая зависимость и не у всех, несмотря на помощь врачей, хватает сил избавиться от нее), более целесообразно направить основные усилия на то, чтобы у молодых людей вообще не возникало желания пристраститься к сигарете. Таким образом, из двух возможных путей решения проблемы только один представляется как единственно верный.

Итак, анализ примеров показал, что логика высказывания, на которую опирается аналитик в своих рассуждениях, является основой аргументации как важной медиадискурсивной стратегией, к которой он прибегает для передачи телезрителям той или иной информации и формирования у них определенного убеждения относительно полученной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык и культура речи : учебник / под ред. проф. В. И. Максимова. – М. : Гарданики, 2001. – 413 с.
2. *Тарасова А. Н.* Типы французской речи и межкультурное общение: Кн.1. Сообщение, объяснение, аргументация : учебник. – М. : Студент, 2013. – 455 с.
3. *Толмачева М. В.* Телевизионный медиатекст как объект лингвистического анализа // Проблемы дискурса в романском языкознании. – М. : ИПК МГЛУ «РЕМА», 2012. – С. 210–221. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 10 (643). Сер. Языкознание).
4. *Charaudeau P.* Le contrat de communication de l'information médiatique // Le français dans le monde. – Numéro spécial, juillet 1994. – P. 8–19.
5. *Télévision française France 5* [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.france5.fr>

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 12 (723)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Редактор *Н. Г. Павлова*
Компьютерная верстка *Ю. Л. Герасимовой*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 20.11.2015 г.
Объем 14,3 п. л. Формат 60x90/16
Заказ № 1299

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна